

Российская Академия Наук
Институт философии

А.А. Ивин

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Москва
2010

УДК 165.4
ББК 15.13
И 25

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *А.Л. Никифоров*
доктор филос. наук *В.П. Филатов*

И 25 **Ивин, А.А.** Человеческие предпочтения [Текст] / А.А. Ивин; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2010. – 122 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 120–122. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0163-1.

В монографии рассматриваются предпочтения (сравнительные оценки), выражаемые обычно с помощью терминов «лучше», «хуже», «равноценно». Затрагиваются три темы: роль предпочтений в человеческой деятельности, логический анализ предпочтений и система предпочтений, предполагаемых научным методом. Строятся новые логические теории предпочтений, в частности, логики предпочтений, не являющихся транзитивными.

ISBN 978-5-9540-0163-1

© Ивин А.А., 2010
© ИФ РАН, 2010

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

ГЛАВА 1. ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Знание в узком смысле и знание в широком смысле.....	6
2. Аксиологические категории.....	8
3. Структура абсолютных и сравнительных оценок.....	12
4. Оценки и ценности	16
5. Основные употребления (функции) языка	26
6. Двойственные, описательно-оценочные утверждения	29
7. Предпочтения и практика.....	32

ГЛАВА 2. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

1. Логика предпочтений как раздел модальной логики.....	44
2. Логический анализ ценностей	46
3. Абстракции логики предпочтений	49
4. Зарождение логики предпочтений	51
5. Логика сравнительных оценок С.Халлдена.....	57
6. Логика предпочтений Л.Аквиста.....	58
7. Логика предпочтений Г.Х. фон Вригта	63
8. Логика внутренних предпочтений Р.Чизома и Э.Соса	74
9. Общая теория предпочтений Б.Ханссона	75
10. Топологическая логика Х.Весселя	78
11. Предпочтение и рациональный выбор.....	80
12. Три новые логики предпочтений.....	83

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1. Научная рациональность как локальная рациональность.....	88
2. Предпочтения, предполагаемые научным методом.....	92
3. Предпочитаемые модели иерархизации научного знания	97
4. Предпочитаемые способы обоснования научных утверждений	101
5. Объективное versus субъективное	103
6. Предпочтения и классификация наук	109
7. Основные предпочтения «классической» науки Нового времени	113
Примечания	120

Предисловие

В монографии обсуждаются проблемы, касающиеся *сравнительных оценок*, называемых обычно *предпочтениями*. Такие оценки выражаются чаще всего с помощью слов «лучше» («предпочтается»), «равноценно», «хуже» («менее предпочтительно»).

Хотя понятие предпочтения является одним из центральных в человеческой жизни, в отечественной философии и логике данное понятие пока не анализировалось. Не рассматривалась связь предпочтений с человеческой деятельностью, с теми неизбежными выбором и риском, с которыми всегда связана такая деятельность. Не исследовалась связь предпочтений с рациональностью человеческого мышления и человеческого выбора. Немногим лучше обстоит дело в зарубежной литературе.

В первых двух главах книги дается общая характеристика человеческих предпочтений и анализируются имевшие место попытки описать логику рассуждений о предпочтениях. Особое внимание уделяется активно обсуждавшемуся, но до сих пор вызывающему споры принципу транзитивности (переходности) предпочтений: «если А лучше В и В лучше С, то А лучше С», а также связи этого принципа с понятием рационального выбора.

Автор исходит из идеи, что существуют разные типы предпочтений, при этом некоторые из них являются транзитивными, другие же – не транзитивны. Это означает, что имеется несколько типов рационального выбора и что устойчивое мнение, будто рациональный выбор – это выбор, всегда дающий лучшую из имеющихся альтернатив, не может быть распространено на все виды предпочтений человека и тех выборов, которые осуществляются им на основе предпочтений.

В третьей главе анализируется проблема особенностей предпочтений в научном исследовании как частном виде человеческой деятельности.

Настоящая работа является развитием тех идей о предпочтениях и оценках вообще, которые высказывались автором в книгах «Grundlagen der Logik von Wertungen» (Berlin, 1975) и «Аксиология» (М., 2006).

ГЛАВА 1

ПРЕДПОЧТЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

1. Знание в узком смысле и знание в широком смысле

Человек – это, прежде всего, практическое, действующее существо, и в основе его деятельности лежит знание. Животное действует на основе врожденных и благоприобретенных инстинктов. Человек в своей деятельности опирается в первую очередь не на инстинкты, а на знания. Не случайно еще древние греки определяли человека как разумное животное. Разум, способный порождать знание, является той чертой, которая отличает человека от всех иных животных.

На заре нового времени Ф.Бэкон заявил: «Знание – это сила». В ту эпоху, когда человек во многом еще полагался на милость бога, такое заявление звучало смело. Оно, в сущности, означало, что человеку не нужно терпеливо ждать рая на небесах, а следует активно выстраивать свою жизнь, рассчитывая только на свои силы, и в особенности на прогресс в познании природы и общества.

В XX в. с особой очевидностью обнаружилось, что человек, способный познать многое, приобретает знание и о том, что он способен обратить – а иногда и обращает – против самого себя. Бурное развитие промышленности, опирающееся на познание природы, ведет к расточительному использованию не возобновляемых природных ресурсов, к грозящему катастрофой общему потеплению климата на Земле, к бурному росту населения, чреватому перенаселением планеты и т. д. Познавая мир, человек изобрел и то, относительно чего хотелось бы, быть может, чтобы оно навсегда осталось неизвестным: ядерное, химическое и бактериологическое оружие, национал-социалистические и коммунистиче-

ские социальные теории, приведшие к гибели десятки миллионов людей, и т. д. Можно повторить вслед за Бэконом, что знание – действительно могучая сила. Однако, наученные опытом двух мировых войн, жестоких тоталитарных режимов и безуспешных пока попыток решения глобальных проблем человечества, мы должны добавить, что знание – не только огромная, но и опасная сила. Настолько опасная, что она способна – при неблагоприятном ее использовании – привести человеческую цивилизацию к гибели.

Это касается не только знания о том, что *есть*, но и в первую очередь знания о том, что *должно быть* или чему *лучше быть*, т. е. знания об абсолютных и сравнительных ценностях.

Знание является связующей нитью между человеческим духом, природой и практической деятельностью. В самом общем смысле знать – значит иметь ясное, обоснованное представление не только о том, что есть, но и о том, что должно быть.

Долгое время считалось, что знать можно только истину. Но уже в XIX в., когда стало очевидным, что человек – активное существо, не способное жить вне практической деятельности по преобразованию мира, к знанию были отнесены также ценности. Они говорят не о том, что есть, а о том, что должно быть. Знать можно не только истину, но и добро, и прекрасное, которые не сводимы к истине.

Известно, например, что человек должен быть честным. Но это не истина, а именно утверждение о долженствовании. Люди не всегда честны, но это не мешает утверждать, что от человека требуется честность. И чем больше нечестных людей появляется в обществе, тем с большей настойчивостью должно звучать требование честности.

Наши представления о том, что следует заботиться о близких, что нельзя задаваться и представлять себя центром вселенной и т. п. – все это знание, хотя касается оно не того, что есть, а того, что должно быть. Нужно, таким образом, различать *знание в узком смысле*, всегда являющееся знанием истины, и *знание в широком смысле*, охватывающее не только истину, но и добро, и прекрасное, и ценности любого вида.

Человек не только познает мир, но и действует на основе полученного знания. Это означает, что знание в широком смысле включает не одни лишь представления о том, что имеет место, но и планы на будущее, оценки, нормы, обещания, предостережения, идеалы, образцы и т. п. У человека есть достаточно ясные, обоснованные

представления о добре и его противоположности – зле. Но добро – не разновидность истины, как считалось когда-то. Утверждения о хорошем и плохом, достойном и недостойном не являются истинными или ложными. Истина не меняется со временем, добро же является разным в разные эпохи и в разных обществах.

Если, например, современный бизнес стремится опираться на принцип «Честность – лучшая политика», то в условиях зарождавшегося капитализма ориентация была совершенно иной, и мошенничавшие торговцы благодушно оправдывались: «Не обманешь – не продашь». Когда Вольтер сказал: «Хитрость – ум дураков», над ним едва ли не смеялись. И только спустя два века стало ясно, что в принципе он был прав: в современном индустриальном обществе только ограниченный человек делает хитрость основой своего поведения и своей деятельности.

Кроме должного, явно не являющегося истиной, существуют также эстетическое измерение мира, когда-то отождествлявшееся с красотой, или прекрасным. Эстетическое – это ценность, и оно ближе к добру, чем к истине. Истина одна и та же во все времена и для всех людей, эстетически совершенное является разным в разные эпохи и у разных народов.

Когда-то о портрете Джоконды Леонардо да Винчи говорили, что это такая живопись, какой она и должна быть. Но во второй половине прошлого века это говорили уже о картине американского художника-модерниста Мориса Дюшана, пририсовавшего Джоконде совершенно бессмысленные, казалось бы, усики.

Эстетически совершенное – не частный случай истины. Вместе с тем оно не является и добром. Быть эстетически совершенным – значит вызывать незаинтересованное, неутилитарное удовольствие. Но если нет заинтересованности и что-то созерцается вне всякой пользы, то, соответственно, нет и добра.

2. Аксиологические категории

Оценочные понятия, именуемые также *аксиологическими категориями* (от греч. *axios* – ценный, *logos* – понятие, учение), или *оценочными модальностями*, – это понятия, используемые для характеристики абсолютной или сравнительной ценности объекта.

Аксиологический статус отдельного объекта обычно выражается абсолютными аксиологическими понятиями «хорошо», «плохо» и «(оценочно) безразлично», используемыми в оценочном высказывании. Относительный аксиологический статус выражается сравнительными аксиологическими понятиями «лучше», «хуже» и «равноценно».

Например: «Хорошо, что пошел дождь», «Плохо, что существуют болезни», «Дождливая погода лучше сухой», «Лживый человек хуже честного человека» и т. п.

Вместо слов «хорошо» и «плохо» нередко используются слова «позитивно ценно», «является добром», «негативно ценно», «есть зло» и т. п. Вместо «лучше» часто используется «предпочитается».

Аксиологические категории являются необходимыми структурными компонентами оценочных высказываний. Логическое исследование данных понятий осуществляется логикой оценок.

По своим логическим свойствам аксиологические понятия аналогичны модальным понятиям других групп: логическим («необходимо», «возможно», «невозможно»), эпистемическим («убежден», «сомневается», «отвергает»), деонтическим («обязательно», «разрешено», «запрещено») и т. п.

Понятия «хорошо» и «плохо» взаимно определимы: объект является позитивно ценным, когда его отсутствие негативно ценно. Безразличное определяется как не являющееся ни хорошим, ни плохим.

Понятия «лучше» и «хуже» также взаимно определимы: первое лучше второго, когда второе хуже первого. Равноценное определяется как не являющееся ни лучшим, ни худшим.

Различие между абсолютным и сравнительным оцениванием является принципиальным. В случае первого ценность (позитивная, негативная или нейтральная) приписывается отдельному объекту и выступает как его свойство: «А является хорошим (плохим, безразличным)». При сравнительном оценивании ценность оказывается уже отношением между объектами: «А лучше (хуже, равноценно) В». Иными словами, абсолютное оценивание дает в результате абсолютную оценку какого-то объекта, взятого само по себе; сравнительное оценивание устанавливает сравнительную оценку, связывающую между собой два объекта.

Если мы говорим, к примеру, что розы – хорошие цветы, мы однозначно приписываем розам позитивную ценность. Но если утверждается, что розы лучше гладиолусов, это не означает, что

розы считаются хорошими: и розы, и гладиолусы могут оцениваться нами негативно, и вместе с тем мы можем отдавать предпочтение розам. И ложь, и воровство являются предосудительными, негативно ценными. Но можно сказать, что лгать все-таки лучше, чем воровать, хотя и то, и другое плохо.

Из оценки «А лучше В» не вытекает ни то, что А является хорошим, ни то, что В плохое. Аналогичным образом из сравнительного обоснования «Лучше принять А, а не В» не следует, что А обоснованно, а В – нет. Утверждение А может быть малообоснованным и маловероятным, но при этом возможно, что утверждение В еще менее обоснованно и правдоподобно, и раз вопрос стоит о выборе между ними, лучше все-таки принять А, а не В.

В условиях, когда абсолютная оценка недостижима, сравнительная оценка представляет собой существенный шаг в преддверии выбора и обычно следующего за ним действия.

Сравнительные оценки не сводимы к абсолютным, и наоборот. «Лучше» не определимо через «хорошо»: лучше одна другой могут быть и две хорошие, и две плохие вещи. «Хорошо» не определимо в общем случае через «лучше». Установление абсолютной ценности какого-то предмета и установление его сравнительной ценности – это два разных, взаимодополняющих видения одного и того же объекта, не редуцируемых друг к другу¹.

Вопрос о соотношении абсолютного и сравнительного оценивания остается пока почти неисследованным. Однако очевидно, что сравнительное оценивание не сводимо к абсолютному. Если удалось показать, что один предмет более приемлем, чем другой, этот результат невозможно выразить в терминах изолированной приемлемости одного или обоих объектов.

Менее ясен ответ на вопрос: можно ли абсолютное оценивание свести к сравнительному.

Иногда «хорошо» так определяется через «лучше»: нечто является хорошим, когда его наличие лучше, чем его отсутствие. Например: «Хорошо иметь синий цвет, если и только если быть синим лучше, чем не быть синим». Однако это и подобные ему определения носят только частичный характер. Они не позволяют, в частности, получить «логику добра» в качестве следствия логики предпочтений («логики лучше»).

Можно предположить, что в некоторых случаях абсолютное обоснование допускает определение через сравнительное обоснование по следующей схеме (символ «= Df» означает равенство по определению):

Хорошо $A = Df A$ лучше, чем не- A ,

то есть объект A является позитивно ценным только в том случае, если наличие этого объекта лучше, чем его отсутствие.

К примеру, плохо, что в недрах Луны нет нефти, если и только если отсутствие нефти в недрах Луны хуже, чем наличие в них нефти.

Используя понятие *принятия*, непосредственно связанное с понятием *выбора*, указанное определение можно передать также так:

Должно быть принято A , в силу $C = Df$ Лучше принять A , чем не- A , в силу C .

Можно отметить, что рассматриваемое определение абсолютного оценивания через сравнительное, если и применимо, то довольно редко. В самом деле, из того, что в настоящее время более обосновано отсутствие нефти на Луне, чем наличие, вряд ли вытекает, что обоснованно, будто в недрах Луны определено нет нефти. Из того, что лучше принять, что Роберт Пири был первым на Северном полюсе, чем принять, что он не был там первым, вряд ли с необходимостью следует, что нужно без всяких колебаний и возражений принять, что именно Пири был первым на Северном полюсе.

Естественно допустить, таким образом, что абсолютное и сравнительное оценивание с общим случае не могут быть сведены друг к другу. Они представляют собой два разных, в широких пределах независимых друг от друга способа оценивания. Из двух хороших вещей одна может быть лучше другой; из того, что одна вещь предпочитается другой, не вытекает, что первая является хорошей, а вторая плохой.

Существуют, таким образом, две независимые системы аксиологических координат, используя которые человек выносит свои оценки.

Система абсолютных оценочных понятий стоит ближе к человеческому действию, чем система сравнительных оценочных понятий. Характерно, что нормативные понятия «обязательно», «разрешено» и «запрещено», непосредственно связанные с человеческой деятельностью, определимы в терминах абсолютных, но не сравнительных оценочных понятий. Возможность такого

рода определений указывает на то, что нормативные (деонтические) понятия являются частным случаем абсолютных аксиологических понятий².

3. Структура абсолютных и сравнительных оценок

Вопрос о структуре оценок является предметом острых споров, входить в детали которых здесь нет смысла.

Далее будет проводиться различие между следующими четырьмя «компонентами» или «частями», оценки: *субъектом, предметом, характером и основанием*. Можно предположить, что эти «части» являются структурой, характерной для всех (выраженных в языке) оценок, и что, соответственно, всякое полное выражение оценки позволяет определять, какова каждая из четырех указанных ее частей.

Под *субъектом (субъектами)* некоторой оценки понимается лицо (или группа лиц), приписывающее ценность некоторому предмету путем выражения данной оценки.

Принято считать, что оценка всегда является чьей-то оценкой. Нет, например, домов, пригодных или хороших вообще, а есть только пригодные для кого-то, подходящие кому-то, одному человеку или многим, или может быть даже всем, или почти всем людям, которые их оценивают.

В символизме логики оценок обычно не указываются субъекты оценок. Это не означает, конечно, что исследуются «бессубъектные» оценки, ибо субъекты всегда неявно подразумеваются, и причем таким образом, что на протяжении всего рассуждения (формулы, вывода) фигурирует один и тот же оценивающий субъект.

Необходимость отнесения каждой оценки к субъекту или, как иногда еще называют эту операцию, релятивизации оценки, не должна рассматриваться как довод в пользу идеи относительности оценок или релятивизма в оценивании. Обычная формулировка релятивизма говорит, что являющееся хорошим для одного может не быть хорошим для другого, и поэтому следует всегда указывать, для кого именно нечто хорошо, т. е. релятивизировать оценку путем указания лица, высказывающего её. В более точной интерпретации концепция релятивности оценок гласит: суждение субъекта

А, согласно которому нечто является хорошим, и суждение субъекта В, согласно которому это же является плохим, могут быть одновременно обоснованными. Очевидно, что попытка поддержать идею относительности оценок с помощью указанного аргумента аналогична намерению показать относительность истины и лжи в их традиционном понимании с помощью заявления, что каждое утверждение является чьим-то утверждением.

Под *предметами* оценок понимаются те объекты, которым приписываются ценности, или объекты, ценности которых сопоставляются. Иными словами, предмет оценки – это оцениваемый предмет или та пара предметов, ценности которых соотносятся. Это не является, конечно, определением, а всего лишь попытка пояснить, что именно имеется в виду.

Полезно воспользоваться в этой ситуации примерами. Предметом оценки «Нож хорош» является нож, предмет оценки «Удовольствие есть добро» – удовольствие, предметы оценки «Здоровье лучше болезни» – здоровье и болезнь, предметы оценки «Лучше ехать поездом, чем автобусом» – способы достижения некоторого пункта и т. д.

Сложнее обстоит дело с вопросом о предмете моральных оценок. Неясно, прежде всего, являются ли все моральные оценки, как это утверждали некоторые философы морали, оценками вещей одного и того же вида или одной и той же категории. Являются ли эти оценки оценками только действий, или оценками исключительно решений, или же единственно оценками намерений? Или, быть может, в одном случае приписывается моральное добро или зло действиям, в другом – намерениям, в третьем – характерам? Если верно, что все моральные оценки относятся к вещам одного в того же вида, то вещи какого именно вида выступают в качестве собственных предметов морального одобрения или порицания?

На роль предмета моральной оценки претендовали у разных авторов действия, мотивы, намерения, решения, чувства, характеры и, наконец, люди, переживающие определенные акты воли и совершающие определенные действия.

Остается несомненным, тем не менее, что каждая оценка имеет определенный предмет, хотя иногда его сложно установить.

Четвертым компонентом оценки является ее *основание*, т. е. то, с точки зрения чего производятся оценивание.

Например, основанием оценки «Сочувствие является добром, так как оно способствует равенству людей» является убеждение субъекта, выражающего эту оценку, в том, что сочувствие способствует равенству. Основанием оценки «Это хороший генерал, так как он никогда не отступал» является уверенность субъекта оценки в том, что никогда не отступавший генерал обладает как раз тем свойством, которое делает генералов хорошими. В случае оценки «Один человек лучше другого, потому что первый выше ростом» основанием является суждение о превосходстве в росте.

Этот перечень примеров можно было бы продолжать. Но уже в настоящем виде он достаточно ясно показывает, что под основанием оценки понимается та позиция или те доводы, которые склоняют субъектов к одобрению, порицанию или выражению безразличия в связи с разными вещами. Он показывает, с другой стороны, неопределенность такого разъяснения понятия основания оценки.

Мы проводим различие между предметом оценки и тем объектом, которого она касается грамматически, но который, тем не менее, не является ее предметом, различие между собственным, или действительным, предметом оценки и кажущимся ее предметом. Сходное различие может быть проведено и в случае оснований оценок.

Основанием оценки сочувствия как добра было названо убеждение субъекта этой оценки в том, что сочувствие способствует равенству. Но можно, однако, утверждать, что приведенная формулировка не является полной и что более адекватным выражением этой же оценки была бы такая формулировка: «Сочувствие является добром, потому что оно способствует равенству, а равенство есть добро». Основанием в этом случае оказалось бы не просто убеждение в том, что сочувствие способствует равенству, а более сложное убеждение, включающее и оценку равенства как добра. Различие этих оснований существенно. Первое из них является фактическим суждением, второе представляет собой соединение фактического суждения с оценкой.

Сходным образом можно расширить и основание третьей из приведенных в качестве примера оценок: «Один человек лучше другого, потому что первый выше второго, а более высокий человек способен достичь больших успехов в баскетболе, являющихся объектом нашего интереса (добротом)».

Тенденция приведенных уточнений оценок очевидна: основание расширяется до тех пор, пока не оказывается, что оно включают некоторую новую оценку. Исходная оценка при этом становится вторичной или производной, ее предмет оказывается ценен лишь постольку, поскольку с его помощью может быть достигнут иной предмет, являющийся добром.

Другая трудность выявления оснований оценок связана с тем, что чаще всего эти основания не находят явного выражения в наших оценках. Мы говорим о хороших и плохих действиях, намерениях, мыслях, привычках и т. п., не указывая обычно ту позицию или те доводы, которые склоняют нас к выражению похвалы или порицания. Эллиптичность большинства оценок не должна, однако, рассматриваться как свидетельство отсутствия какого бы то ни было основания у большей части наших оценок.

Большая группа оценок имеет в качестве своего основания некоторое *чувство* или *ощущение*. Характерным примером оценки этого вида является оценка «Я люблю этого человека». Она обычно понимается как выражение чистого чувства и всякая примесь «рассудочности» рассматривается в случае такой оценки как неискренность оценивающего. Другим примером может служить оценка: «Этот предмет хорош, так как он доставляет мне удовольствие».

Оценки, являющиеся выражениями чувства симпатии, антипатии, склонности, безразличия и т. п., можно было бы назвать, вслед за Г.Х. фон Бриггом, *внутренними*.

Нет оснований полагать, как это делали некоторые представители неопозитивизма, что все (моральные) оценки являются внутренними. Нет также оснований считать, как это делали сторонники гедонистической этики, что действительными или конечными основаниями всех (моральных) оценок являются удовольствие и страдание.

Основанием оценки может быть не только чувство, но и некоторый *образец, идеал, стандарт*. Обычно, когда мы говорим о некотором ноже, что он хорош, без всякого дальнейшего уточнения, мы оцениваем его именно с точки зрения некоторого стандарта, которому, как мы думаем, должен удовлетворять всякий нож, чтобы оцениваться положительно. «Хороший певец», «хороший генерал» и т. п. означают в случае таких оценок примерно то же, что и «такой певец, генерал и т. п., каким он должен быть». Слово

«должен» используется здесь не в нормативном смысле. Оно указывает на существование определенных стандартов, касающихся певцов, генералов и т. п. Имеется, однако, у этого употребления слова «должен» и некоторый нормативный оттенок. Он состоит не в совете певцам и генералам, какими они должны быть, а в указании того, какими вещами следует руководствоваться при оценках певцов и генералов.

Основанием оценки может быть некоторая иная оценка. Некоторые из оценок этого типа принято называть *внешними*, или *утилитарными*. Рассматриваемому предмету в них приписывается положительная, отрицательная или нулевая ценность не самому по себе, а как средству достижения или устранения некоторых иных вещей, оцениваемых положительно или отрицательно.

Возможны и другие виды оснований оценок, но нет необходимости останавливаться здесь на них.

4. Оценки и ценности

Оценки являются языковым выражением *ценностного отношения* между мыслью и ее объектом.

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу предпочтений, нужно остановиться на общем понятии ценности³. Это тем более необходимо, что с этим понятием связаны постоянно идущие философские споры, и можно назвать, по меньшей мере, три разных смысла, в которых понятие «ценность» употребляется в гуманитарных и социальных науках.

Большинство рассуждений о ценностях, в том числе и о ценностях в науке, страдает важным дефектом. Обычно упускается из виду, что категория ценности является столь же универсальной и фундаментальной, как и категория истины.

Всякая человеческая деятельность неразрывно связана с постановкой *целей*, *систематизацией* и *иерархизацией* рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под *образцы* и *стандарты*, отделением *важного* и *фундаментального* от менее существенного или второстепенного и т. д. Все эти понятия – «цель», «система», «иерархия», «образец», «стандарт», «важное», «фундаментальное» и т. д. являются оценочными или несут оценочное содержание.

Ценности – неотъемлемый элемент всякой деятельности, а значит и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала.

Научное познание как специфическая форма деятельности также насквозь пронизано ценностями и без них немислимо. В применении к нему понятие ценности является столь же важным, как и понятие истины.

Если под ценностями понимается, как это бывает обычно, только то, что нашло эксплицитное выражение в специальных оценочных суждениях, сфера ценностей катастрофически сужается. Остаются только внешние для человеческой деятельности ценности, подобные моральным, эстетическим, религиозным. Можно предположить, что они имеют определенное отношение к гуманитарным наукам. Но даже в этом слабом допущении нет прямой необходимости. Естественные же науки полностью выпадают из-под действия ценностей.

Узкое истолкование ценностей приводит, в конечном счете, к противопоставлению *истинностного* и *ценностного* подходов к действительности, к конструированию пропасти между естественнаучным и гуманитарным познанием⁴.

Вопрос о соотношении истинности и ценности является одним из аспектов проблемы взаимосвязи теории и практики, созерцания и действия.

Центральный момент всякого рассуждения о ценностях – это определение самого понятия ценности. Как раз этот момент чаще всего остается в тени, и разговор ведется так, как если бы каждому было заранее известно, что представляют собой ценности и чем суждение ценности отличается от описания. Такой разговор неизбежно оказывается до крайности аморфным и бездоказательным.

С отсутствием строгого определения ценности связано и нередкое чрезмерно расширительное истолкование ценностных суждений, в частности отождествление результата любого акта суждения с ценностным суждением. Это имеет место тогда, когда ценность трактуется чисто количественно или в качестве ценностного утверждения рассматривают суждение о любом свойстве, например, суждение о цвете.

Трудности, связанные с определением ценностных суждений, являются обычным предлогом для того, чтобы объявить их ненадежными и нестрогими и усомниться в правомерности их употребления в науке.

«Истина» и «ценность» являются двумя фундаментальными, взаимно дополняющими друг друга понятиями теории познания. Это положение диктует общую линию подхода к анализу ценностей. До сих пор тщательно исследовалась только истина, ценность трактовалась крайне несистематическим образом.

Ценность, как и истина, не существует вне связи *мысли* и *объекта*. Мысль и действительность могут находиться между собой в двух противоположных отношениях: *истинностном* и *ценностном*.

Если за исходное принимается фрагмент действительности, мысль выступает как его описание, и ее соответствие этому фрагменту характеризуется в терминах истинностных понятий.

Если исходной является мысль, она функционирует как оценка, и соответствие ей действительности характеризуется с помощью оценочных понятий.

К примеру, сопоставляются с целью установления соответствия дом и его план. Если план считать описанием дома, т. е. принять за исходное сам дом, то несоответствие плана дому должно характеризоваться как ложность плана, а соответствие – как его истинность. Если же за исходное принят план, а дом рассматривается как его реализация, то расхождение между планом и домом оценивается как недостаток дома, а соответствие его плану – как его достоинство. План, не соответствующий дому, является ложным; дом, не отвечающий плану, является плохим.

Другой пример. Языковое выражение «Этот дом голубой» может пониматься двояко. Если оно функционирует как описание дома, оно истинно, когда дом на самом деле голубой, и ложно в иных ситуациях. Данное выражение является в этом случае сокращением для высказывания «Действительность такова, что этот дом голубой» («Истинно, что этот дом голубой»). Если это же выражение представляет собой оценку или команду, то есть выполняет *проектирующую* функцию или намечает *перспективу*, оно является сокращенной формой для утверждения «Должно быть так, что этот дом – голубой» («Хорошо, что этот дом голубой», «Хорошо было бы, если бы этот дом был голубым» или даже: «Сделайте так, чтобы этот дом был голубым»). Если дом на самом деле окажется голубым, он будет соответствовать утверждению и, как таковой, являться положительно ценным; в случае другого цвета дом, которому следовало быть голубым, будет плохим.

В общем случае, истина – это соответствие мысли своему объекту, позитивная ценность (добро) – соответствие объекта утверждению о том, каким он должен быть.

И истина, и ценность являются характеристиками отношения между объектом и мыслью о нем. Ценностное отношение мысли и объекта аналогично истинностному их отношению и отличается от последнего только «исходным пунктом» сопоставления. В случае истинностного отношения мысль сравнивается с объектом, в случае ценностного – объект с мыслью.

Понимание истины как соответствия знания вещам – это так называемое *классическое* ее определение, опирающееся на принцип *корреспонденции*⁵. Оно противопоставляется обычно истолкованию истины как согласия мышления с самим собой (принцип *когеренции*). Понимание ценности как соответствия самих вещей утверждениям о них может быть тоже названо *классическим*, поскольку оно идет в параллель классическому определению истины и опирается на принцип корреспонденции. Это определение ценности можно назвать также *абсолютным*, имея в виду его независимость от каких-либо конкретных свойств объектов, сопоставляемых с мыслью⁶.

Хотя истина и ценность представляют собой *отношения* между идеями и вещами, в обычном употреблении и истина, и ценность предстают как *свойства*. Один из двух элементов истинностного и ценностного отношения, как правило, опускается. Какой именно, это зависит от исходной точки зрения, цели, ради которой сопоставляются идея и объект. Если целью является *описание*, то не упоминается объект, и истинной считается сама мысль (высказывание). Если цель – *оценка*, абстрагируются от мысли, под которую подводится объект, и ценность приписывается объекту. Именно этими своеобразными абстракциями объясняется обычное убеждение, что истина – это свойство мыслей, правильно отображающих реальность, а ценность – свойство самих вещей, отвечающих каким-то целям, намерениям, планам и т. п.

Как правило, эта особенность употребления понятий «истина» и «ценность» не ведет к недоразумениям. Однако при сопоставлении истины и ценности подобных упрощений, сводящих отношения к свойствам, следует избегать.

Тенденция опускать один из элементов истинностного и ценностного отношений и считать истинность свойством высказываний, а ценность – свойством вещей, сказывается на всех *стандартных определениях* ценности. Суть их проста: ценностью является любой предмет любого интереса, желания, стремления и т. п., или, иначе говоря, любой объект, значимый для человека или группы лиц⁷.

Если уточнить, что ценность – не свойство самого по себе предмета, а отношение соответствия его мысли (выраженному в языке желанию, стремлению и т. п.), стандартное определение ценности перейдет в определение, названное классическим.

Всякая оценка предполагает, помимо своего предмета и оценивающего субъекта, также определенное *основание*, то есть то, с точки зрения чего производится оценивание. Нередко основание оценки только подразумевается и не находит явного выражения. Для высказывания, скажем, «Истинно, что этот стол желтый» нет необходимости указывать основание: основания всех описательных высказываний совпадают. В этом смысле они не зависят от точки зрения и являются *интерсубъективными*. Разные оценки могут иметь разные основания, оценочные высказывания принципиально отличаются в этом плане от описательных. Оценка «Хорошо, что этот стол желтый» эллиптическая: она говорит о соответствии стола какой-то цели, идее, не уточняя, однако, последнюю. «Хорошо, что этот стол желтый, так как, имея другой цвет, он не вписывался бы в интерьер» – это полная оценка, формулировка которой включает основание. Она прямо говорит о том, что рассматриваемый стол соответствует определенной идее, а именно, имеющейся идее интерьера.

С этим различием оснований описательных и оценочных высказываний связано еще одно их различие. Существуют определенные, социальные по своему происхождению *стандарты* хороших вещей. В этих складывающихся стихийно образцах указываются совокупности эмпирических свойств, которые, как считается, должны быть присущи конкретным вещам. Для вещей разных типов стандарты являются разными: свойства, требуемые от хороших молотков, не совпадают со свойствами, ожидаемыми у хороших адвокатов, и т. п. Не имеется, однако, явных стандартов истины. Этим объясняется тот факт, что слово «хороший» может

замещать совокупности эмпирических свойств, слово же «истинный» никаких других свойств не замещает. «Истинный молоток» и «истинный адвокат» имеют мало смысла при понимании истины как соответствия мысли действительности.

Слово «истинный» употребляется, как правило, только применительно к высказываниям. Слово «хороший» гораздо более многофункционально. «Хорошо, что снег бел» – это свернутая оценка, говорящая о соответствии белого снега какой-то, не указанной явно, идее. «Хороший снег является белым» – в этом высказывании фиксируется одно из свойств, входящих в стандартное представление о том, каким должен быть «настоящий» снег. «Этот снег хороший» – оценка, основанием которой является «образцовое» представление о снеге, и т. д.

В разговорном языке между истиной и ценностью имеется асимметрия еще в одном аспекте. Установление истинностного отношения чаще всего специально не отмечается: просто оказать «Трава зеленая», все равно, что оказать «Истинно, что трава зеленая». Установление ценностного отношения всегда требует особых языковых средств: «Хорошо, что трава зеленая».

Все эти различия между истинностным и ценностным употреблением языковых выражений существенно затемняют параллель, существующую между истиной и ценностью как двумя характеристиками отношения мысли к миру. Затемняют, но отнюдь не разрушают и не устраниют ее.

Таким образом, самым общим образом ценность можно определить, как отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект и самим объектом.

Если объект соответствует предъявляемым к нему требованиям (является таким, каким он должен быть), он считается хорошим, или позитивно ценным; объект, не удовлетворяющий требованиям, относится к плохим, или негативно ценным; объект, не представляющийся ни хорошим, ни плохим считается безразличным, или ценностно нейтральным.

Ценность как отношение соответствия объекта представлению о нем является противоположностью истины как отношения соответствия представления объекту. Истинностное отношение между мыслью и объектом находит свое выражение в описаниях, ценностное отношение – в оценках. В случае первого отношения

отправным пунктом сопоставления утверждения и объекта является объект, в случае второго отношения таким пунктом служит утверждение. Если описательное утверждение не соответствует своему объекту, должно быть изменено описание, а не его объект; в случае отсутствия соответствия между оценочным утверждением и его объектом, изменению подлежит объект, а не его оценка.

Допустим, сопоставляются некоторый дом и его план. Если за исходное принимается дом, можно сказать, что план, соответствующий дому, является истинным; в случае несоответствия плана дому, усовершенствован должен быть план, а не дом. Но когда за исходное принимается план, можно сказать, что дом, отвечающий плану, является хорошим, т. е. таким, каким он должен быть; если дом не отвечает плану, усовершенствованию подлежит дом, а не план.

Определение истины как соответствия мысли действительности восходит к Аристотелю; определение ценности как соответствия объекта представлению о том, каким он должен быть, встречается уже у Платона, и потому также может быть названо «классическим».

Вместе с тем между истиной и ценностью имеется определенная асимметрия. Во-первых, установление истинностного отношения мысли и действительности чаще всего особо не отмечается: просто сказать «человек – разумное животное» всё равно, что сказать: «истинно, что человек – разумное животное»; установление ценностного отношения всегда требует специальных языковых средств: «хорошо, что человек – разумное животное». Во-вторых, слово «истинный» употребляется, как правило, только применительно к утверждениям; слово «хороший» нередко прилагается и к именам («этот снег хороший», «хороший друг» и т. п.). В-третьих, если идея соответствует своему объекту, то истинной считается обычно идея; если же объект соответствует идее, хорошим считается сам объект. Эта троякого рода асимметрия говорит о том, что истинностное отношение между мыслью и действительностью в известном смысле более фундаментально, чем ценностное отношение между ними.

То, что и истина, и ценность представляют собой отношение соответствия между мыслью и действительностью, долгое время было основанием отождествления истины и ценности. В частно-

сти, Платон считал соответствие того, что познается, своему понятию особым критерием истины, а не определением ценности. У И. Канта неоднократно встречается мысль, что истина двойственна: она означает соответствие мысли тому предмету, которого она касается, и вместе с тем соответствие самого предмета той мысли, которая высказана о нем. Подменна истинностного отношения ценностным лежит в основе всей философии Г.Гегеля, использующего два понятия истины. Истину как соответствие представления своему предмету он именует «правильностью» и противопоставляет её другому, якобы более глубокому, подлинно философскому пониманию истины как соответствия предмета своему понятию. Выделение двух видов истины является, вопреки Гегелю, не некой типичной особенностью «глубокого» философского мышления, а обычной в немецкой классической философии путаницей между истиной и добром.

Категория ценности столь же универсальна, как и категория истины. Ценности – неотъемлемый элемент любой деятельности, а, значит, и всей человеческой жизни, в каких бы формах она ни протекала.

Всякая деятельность, включая научную, неразрывно связана с постановкой целей, следованием нормам и правилам, систематизацией и иерархизацией рассматриваемых и преобразуемых объектов, подведением их под образцы, отделением важного и фундаментального от менее существенного и второстепенного и т. д.

Все эти понятия: «цель», «норма», «правило», «система», «иерархия», «образец», «фундаментальное», «второстепенное» и т. п. – являются ценностными или имеют важное оценочное содержание. Вопрос о соотношении истины и ценности является одним из аспектов более общей проблемы взаимосвязи созерцания и действия, теории и практики.

Истинностный и ценностный подходы взаимно дополняют друг друга, и ни один из них не может быть сведен к другому или замещен им.

Для понятия ценности характерна явно выраженная многозначность. Ценностью может называться любой из тех трех элементов, из которых обычно складывается ситуация оценивания: оцениваемый предмет; образец, нередко лежащий в основе оценки; отношение соответствия оцениваемого объекта утверждению

о том, каким он должен быть. Например, если человек спасает утопающего, ценностью может считаться или само действие спасения; или тот идеал, который требует приходить на помощь человеку, терпящему бедствие; или, наконец, соответствие ситуации подразумеваемому или формулируемому явно принципу, что тонущего следует спасать.

Первое значение ценности характерно для обычного, или повседневного, употребления языка. Большинство определений ценности ориентируется именно на это значение: ценностью объявляется предмет некоторого желания, стремления и т. п., или, короче, объект, значимый для человека или группы лиц (Р.Перри: «Ценность – это любой предмет любого интереса»).

Второе значение понятия ценности чаще всего используется в философской теории ценностей (аксиологии), в социологии и вообще в теоретических рассуждениях о ценностях. В этом смысле говорят об «этических ценностях» (моральные добродетели, сострадание, любовь к ближнему и т. п.), «эстетических ценностях», «ценностях культуры» (гуманизм, демократия, автономия и суверенитет индивида и т. д.) и т. п. Ценность, говорит, например, социолог Э.Асп, – это приобретенное, усвоенное из опыта обобщенное и стабильное понятие о том, что является желательным; это – тенденция выбора и критерий постановки целей и результатов действия. Каждое общество имеет четко определенные главные ценности, с которыми члены этого общества в целом согласны.

Я.Ф.Фриз, И.Ф.Герbart и особенно Р.Г.Лотце, введшие в широкий философский оборот понятие ценности, понимали под ценностями именно те, социальные по своему происхождению образцы, на которые зачастую, но отнюдь не всегда, опираются выносимые оценки.

Отождествление ценностей с образцами было характерно и для Г.Риккерта, пытавшегося развить философию как науку об общезначимых («трансцендентальных») социальных образцах, или ценностях. «Предметные ценности», или ценности в первом смысле, Риккерт называет «благами» и полагает, что философское постижение ценности начинается с принципиального отграничения ценностей от благ, в которых они воплощаются. Повседневному словоупотреблению и «эмпирическим наукам» Риккерт вменяет в вину, что в них ценности спутываются с их вещественными носи-

телями, благами, в силу чего возникает опасность релятивизации ценностей и утраты понимания того, что же обеспечивает ценностям непреходящий общечеловеческий смысл. Такие ценности, как истина, добро, красота являются самыми общими условиями человеческого целеполагания в соответствующих областях: в науке, морально-этической сфере, искусстве. В каждую эпоху эти ценности воплощаются способом, наиболее адекватным для соответствующей эпохи, но эти, закрепляемые традицией способы не тождественны воплощенным в них ценностям.

Таким образом, по Риккерт, теорию ценностей подстерегают две основных опасности: релятивизм, проистекающий из отождествления ценностей с благами, всегда имеющими исторически условные черты, и догматизм, источник которого в отсутствии различения ценности и того конкретного, закрепленного традицией образца, в форме которого она существует в определенное время. Риккерт считает, что дальнейшее развитие философии возможно лишь в качестве «критической науки об общеобязательных ценностях».

Использование понятия ценности в смысле устойчивого, общеобразовательного идеала или образца, на основе которого выносятся конкретные оценки, характерно для аксиологии А. фон Мейнонга, этических теорий М.Шелера, Н.Гартмана, А.Гильдебранда и др. Обычные в аксиологии рассуждения об особом «мире ценностей», отнесение к ценностям истины, добра и красоты и т. п. правомерны лишь при понимании ценностей как образцов.

Вместе с тем такое понимание основательно искажает и запутывает проблему ценностей. Прежде всего, большинство реальных оценок не опираются на какие-либо образцы. Для большинства оцениваемых объектов устоявшиеся образцы просто отсутствуют. Ценности не существуют вне ситуации (реального или потенциального) оценивания, так же как истинность невозможно вне описания реальности. Далее, в каждой новой ситуации человек не только оценивает, но и уточняет, конкретизирует или пересматривает тот образец, на основе которого принято выносить оценочное суждение о рассматриваемых объектах. Сами образцы формируются в процессе оценивания и являются всего лишь своеобразным экстрактом из него. Если бы это было не так, невозможно было бы понять, откуда появляются образцы и почему они изменяются со временем.

Рассуждения об особом «мире ценностей», о «трансцендентальных социальных образцах», о критическом исследовании неких «общеобязательных ценностях», по-разному проявляющихся в разные эпохи, и т. п. – результат отрыва ценностей от реальных процессов оценивания, в ходе которых они формируются и изменяются.

Отождествление ценностей с образцами оценок затемняет параллель между истиной и ценностью как двумя противоположно направленными способами сопоставления мысли и действительности и представляет ценности не как выражения человеческой воли и способности к целерациональному действию, а как некое абстрактное, априорное условие практики преобразования мира. Можно говорить об особом «мире образцов», но лишь предполагая, что он является только надстройкой над человеческой деятельностью и тем реальным оцениванием, без которого не является возможной последняя.

5. Основные употребления (функции) языка

Чтобы прояснить понятия сравнительной и абсолютной оценки, необходимо противопоставить оценки другим употреблениям, или функциям, языка, и, прежде всего, – описаниям. Различие между оценками и описаниями принципиально. Об этом говорит уже то обстоятельство, что описания являются истинными или ложными, а оценки, как и их частный случай нормы, не имеют истинного значения.

Язык пронизывает всю нашу жизнь, и он должен быть таким же богатым, как и она сама. С помощью языка мы можем описывать самые разные ситуации, оценивать их, отдавать команды, предостерегать, обещать, формулировать нормы, молиться, заклинать и т. д.

Можно ли перечислить все те задачи, которые человек решает посредством языка? Какие из употреблений, или функций, языка являются основными, а какие вторичными, сводимыми к основным? Как ни странно, эти вопросы встали только в начале прошлого века.

Далее выделяются следующие употребления языка: сообщение о положении дел (описание), попытка заставить что-либо сделать (норма), выражение чувств (экспрессив), изменение мира

словом (декларация), принятие обязательства что-то сделать (обещание), выражение позитивного или негативного отношения к чему-то (оценка) и др. Л.Витгенштейн полагал даже, что число разных употреблений языка (разных «языковых игр», как он говорил) является неограниченным.

С точки зрения логики важным является проведение различия между двумя основными употреблениями языка: описанием и оценкой. В случае первого отправным пунктом сопоставления высказывания и действительности является реальная ситуация и высказывание выступает как ее описание, характеризуемое в терминах понятий «истинно» и «ложно». При второй функции исходным является высказывание, выступающее как стандарт, перспектива, план, Соответствие ситуации этому высказыванию характеризуется в терминах понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо». Цель описания – сделать так, чтобы слова соответствовали миру, цель оценки – сделать так, чтобы мир отвечал словам.

Понятно, что эти два противоположных употребления языка не сводимы друг к другу. Нет оснований также считать, что описание первично или более фундаментально, чем оценка.

Описание и оценка являются двумя полюсами, между которыми имеется масса переходов. Как в повседневном языке, так и в языке науки есть многие разновидности и описаний, и оценок. Чистые описания и чистые оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или «смешанный», описательно-оценочный характер.

Все это должно учитываться при изучении множества «языковых игр», или употреблений языка. Вполне вероятно, что Витгенштейн был прав: множество таких «игр» является неограниченным. Нужно учитывать, однако, то, что более тонкий анализ употреблений языка движется в рамках исходного и фундаментального противопоставления описаний и оценок и является всего лишь его детализацией. Она может быть полезной во многих областях, в частности в лингвистике, но лишена, вероятнее всего, интереса в логике, философии, теории аргументации и др.

Для систематизации употреблений языка мы используем две оппозиции. Мысль – противопоставляется чувству (воле, стремлению и т. п.), а выражение определенных состояний души – вну-

шению таких состояний. Это дает простую систему координат, в рамках которой можно расположить все основные и производные употребления языка.

Описания представляют собой выражения мыслей, экспрессивы – выражения чувств. Описания и экспрессивы относятся к тому, что может быть названо «пассивным употреблением» языка и охарактеризовано в терминах истины и лжи. Оценки и орективы относятся к «активному употреблению» языка и не имеют истинностного значения. Нормы и представляют собой частный случай оценок, обещания – частный, или вырожденный, случай норм. Декларации являются особым случаем магической функции языка, когда он используется для изменения мира человеческих отношений. Как таковые декларации – это своего рода предписания, или нормы, касающиеся поведения людей. Обещания представляют собой особый случай *постулативной функции*, охватывающей не только обещания в прямом смысле этого слова, но и принятие конвенций, аксиом вновь вводимых теорий и т. п.

Имеются, таким образом, четыре *основных употребления языка*: описание, экспрессив, оценка и оректив, а также целый ряд промежуточных его употреблений, в большей или меньшей степени тяготеющих к основным: нормативное, магическое, постулативное и др.⁸

Важность классификации употреблений языка для логики и эпистемологии несомненна. Многие понятия логики (например, понятия доказательства, закона логики и др.) определяются в терминах истины и лжи. Но, оказывается, существует большой класс таких употреблений языка, которые явно стоят вне «царства истины». Это означает, что логике необходимо шире взглянуть на изучаемые объекты и предложить новые, более широкие определения некоторых из своих основных понятий. С другой стороны, классификация позволяет уточнить связи между отдельными разделами, или ветвями, логики. Если, например, нормы – только частный случай оценок, то логика норм должна быть частным случаем логики оценок. Тому, кто попытается, скажем, построить «логику деклараций» или «логику обещаний», следует помнить, что декларации и обещания – частный случай норм, логика которых существует уже давно.

6. Двойственные, описательно-оценочные утверждения

Отличительной особенностью наук о культуре является то, что почти все сколько-нибудь важные их принципы и заключения представляют собой *двойственные, описательно-оценочные утверждения*. Некоторые из этих утверждений тяготеют к абсолютным оценкам, другие же способны выражать в определенных контекстах предпочтения.

Двойственные утверждения нетрудно найти и в науках о природе, если последние рассматривать в динамике – не только как результат, но и как процесс научной деятельности. Однако в естественнонаучных теориях двойственные утверждения подобны строительным лесам, нужным в ходе построения теории. Как только возведение теории завершается, и она приобретает хорошую эмпирическую и теоретическую поддержку, оценочный компонент двойственных утверждений уходит в тень и они начинают функционировать как обычные описания. В социальных и гуманитарных теориях двойственные высказывания – это необходимые составные элементы как формирующихся, так и устоявшихся теорий.

Двойственные выражения присутствуют не только в научных, но и в любых иных рассуждениях. Причина универсальной распространенности таких выражений проста: человек не только созерцает и описывает реальность, но и преобразует ее, для чего оценивает существующее положение вещей и намечает перспективу его трансформации. Ценности, являющиеся, по выражению Ф.Ницше, пунктуациями человеческой воли, представляют собой необходимое условие активности человека. В процессе реальной практики созерцание и действие, описание и оценка чаще всего неразрывно переплетаются. Это находит свое отражение и в языке: одни и те же выражения нередко выполняют одновременно две противоположные и, казалось бы, несовместимые функции – описание и оценку.

Никаких общих принципов, позволяющих разграничивать ситуации, в которых двойственное высказывание употребляется как описание, и ситуации, когда это высказывание истолковывается как оценка, не существует.

Еще Сократ столкнулся с затруднением, связанным с возможностью и истинной, и ценностной интерпретации одного и того же утверждения. На вопрос, может ли справедливый человек однажды совершить несправедливый поступок, он отвечал, что нет: если это произойдет, человек перестанет отвечать идее справедливого. Сократ придерживался ценностного подхода и шел от идей к вещам. В рамках же истинностного подхода такая ситуация вполне возможна. Не случайно Л.Шестов писал, что сократовское уверение, будто с дурным не может приключиться ничего хорошего, а с хорошим – ничего дурного, есть «пустая болтовня» и «поэтический образ».

Противопоставление описаний и оценок усложняется тем, что, во-первых, между двумя полюсами – чистыми описаниями и чистыми оценками – располагается чрезвычайно широкое поле разнородных описательно-оценочных утверждений, и, во-вторых, отдельные высказывания мигрируют между описательным и оценочным полюсами.

Например, высказывание, появившееся в какой-то теории как чистое описание, может со временем приобрести значение правила, т. е. оценки, или стать определением и оказаться чем-то подобным тавтологии. Относительное высказывание экономической теории первоначально может быть описанием, но затем превратиться в сравнительную оценку. С другой стороны, сравнительная оценка, говорящая о предпочтении одного состояния другому, с течением времени способно сместиться в сторону типичных сравнительных описаний.

Вопрос о том, является ли какое-то высказывание описанием, оценкой или же оно парадоксальным образом соединяет описание и оценку, обычно невозможно решить вне контекста употребления этого высказывания. Изолированные примеры описаний и оценок («А есть В», «А должно быть В», «А лучше В» и т. п.) не ставят под сомнение этот общий принцип, так как в них подразумеваются типичные контексты употребления высказываний соответствующих форм. Подразделение двойственных выражений также предполагает определенный контекст – взятую в статике систему утверждений, составными элементами которой являются эти выражения. Но если система утверждений рассма-

тривается в динамике, может оказаться, что выражение, когда-то функционировавшее как описание, со временем переместилось к противоположному, оценочному полюсу, или имело место обратное движение.

Если наука истолковывается как деятельность и рассматривается в движении, то сходным образом должны пониматься и отдельные научные утверждения, и системы таких утверждений, или теории. Утверждения и теории как продукты деятельности имеют свою историю, и эта история – фрагмент той более обширной целостности, которую называют историей конкретной научной дисциплины.

Подразделение всех утверждений на описательные, оценочные и двойственные не может стоять вне истории науки и не зависеть от нее. Оно исторически конкретно и всегда связано с определенным «настоящим».

Характерным типом описательно-оценочных утверждений, отстоящих еще дальше от полюса чистых описаний, чем научные законы, являются обычные в социальных и гуманитарных науках утверждения о тенденциях развития социальных структур, институтов и т. д. Иногда такие утверждения касаются тенденции эволюции целостных культур или даже человечества в целом. Нередко такие утверждения выражают предпочтения, т. е. являются сравнительными оценками.

Утверждения о тенденциях социального развития всегда предполагают определенные ценности и имеют не только описательное, но и оценочное содержание.

Если под «обычным», или «естественным», значением утверждения понимается его описательное значение, то ясно, что многие экономические, социологические, этические и т. п. принципы, строго говоря, не имеют такого значения: они описывают, но лишь для того, чтобы эффективно оценивать, и оценивают, чтобы адекватно описывать.

Подводя итог обсуждению описательно-оценочных высказываний, еще раз подчеркнем, во-первых, разнообразие тех способов, какими оценки могут входить в рассуждение, и, во-вторых, неявный характер подавляющего большинства тех оценок, которые являются составными элементами социальных и гуманитарных наук.

7. Предпочтения и практика

Человек является, прежде всего, действующим, практическим существом. Теории важны, но они являются всего лишь вспомогательным средством для обеспечения успешной человеческой деятельности.

Никакая практика невозможна без оценок и их частного случая – норм. Прежде чем выполнить некоторое действие, человек оценивает ситуацию, ставит перед собою определенную цель и затем пытается ее реализовать.

Тесной связью оценок, и в частности предпочтений, с практикой обусловлено то, что даже логический анализ предпочтений апеллирует, в конечном счете, к практическим последствиям принятия тех или иных систем предпочтений.

Практика представляет собой материальную, чувственно-предметную деятельность людей. Практика включает: руководствующуюся определенной целью деятельность; предмет, на который направлена последняя; средства, с помощью которых достигается цель; результат деятельности.

Под практикой чаще всего понимается систематическая, многократно повторяющаяся деятельность или объединение такого рода деятельности многих индивидов. Частным случаем практики является приложение разрабатываемой теории к тому фрагменту реальности, который описывается ею. Практика в этом смысле обычно противопоставляется теории.

Философское понятие практики сформировалось относительно поздно. Ему предшествовало понятие разума, взятого со стороны своих практических функций, или практического разума. Согласно Канту, такой разум дает человеку «законы свободы», т. е. моральные принципы, возвышающие его над миром природы. Теоретический разум занят вопросом: «Что я могу знать?», практический разум ставит перед собой вопрос: «Что я должен делать?». В философии Гегеля практический разум («практический дух») является формой предметно-практического отношения человека к миру. Само понятие практики Гегель истолковывал как «волевою деятельность идеи».

В «Тезисах о Фейербахе» К.Маркса, написанных в 1845 г., но опубликованных только в 1888 г., практика представляется как конечный критерий истины. Вопрос о том, обладает ли человеческое

мышление предметной истинностью, говорит Маркс, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос.

Марксизм-ленинизм утверждал, что успешность человеческой практики доказывает согласие наших представлений с объективной природой вещей, но что вместе с тем критерий практики никогда не может, по самой сути дела, подтвердить или опровергнуть полностью какого бы то ни было человеческого представления.

Идея, что процесс познания не способен сам по себе обеспечить удовлетворительное обоснование открываемых истин и что для этого требуется выход за пределы теории в сферу практической, предметной деятельности, отстаивалась также прагматизмом. Задача мышления – не познание как отражение независимой от мышления реальности, а преодоление сомнения, являющегося помехой для действия (Ч.Пирс), выбор средств, необходимых для достижения цели (У.Джемс) или для решения «проблематической ситуации» (Д.Дьюи).

Согласно так называемому «принципу Пирса», идеи, понятия и теории являются лишь инструментами или планами действия, значение которых полностью сводится к возможным практическим последствиям. «...Истина определяется как полезность» (Дьюи), или практическая успешность идеи.

Понятие практики своеобразным образом преломляется в теории «языковых игр», или «практик», позднего Л.Витгенштейна⁹.

Эмпирические предложения могут быть, по Витгенштейну, в некоторых случаях проверены и подтверждены в опыте. Но есть ситуации, когда они, будучи включенными в систему утверждений, используемую в конкретной области деятельности, не проверяются, но сами используются как основание для проверки других утверждений. Сомнение имеет смысл только в рамках некоторой языковой игры, или сложившейся практической деятельности, при условии принятия ее правил. Поэтому человеку бессмысленно сомневаться, что у него две руки или что Земля существовала за 150 лет до моего рождения, ибо нет такой практики, внутри которой, при принятии ее предпосылок, можно было бы сомневаться в этих вещах.

В контексте своей системы («языковой игры») утверждение может приниматься в качестве несомненного, не подлежащего критике и не требующего обоснования, по меньшей мере, в двух случаях.

Во-первых, если отбрасывание этого утверждения означает отказ от определенной практики, от той целостной системы утверждений, неотъемлемым составным элементом которой оно является. Например, утверждение «Небо голубое» не требует проверки и не допускает сомнения, иначе будет разрушена вся практика визуального восприятия и различения цветов; отбрасывая утверждение «Солнце завтра взойдет», мы подвергаем сомнению всю естественную науку.

Во-вторых, утверждение должно приниматься в качестве несомненного, если оно сделалось в рамках соответствующей системы утверждений стандартом оценки иных ее утверждений, и в силу этого утратило свою эмпирическую проверяемость. Среди таких утверждений-стандартов выделяются те, которые не проверяются в рамках определенной, достаточно узкой практики, и утверждения, не проверяемые в рамках любой, сколь-угодно широкой практики. Примерами последних утверждений, называемых Витгенштейном методологическими, могут служить: «Существуют физические объекты», «Объекты продолжают существовать, даже когда они никому не даны в восприятии» и т. п.

Роль оценок в практической деятельности человека нуждается, конечно, в более детальном исследовании.

Критика неопозитивизма в методологии науки во многом изменила отношение к ценностям. Были подняты вопросы о ценностях, входящих в контекст, в котором существует и развивается научная теория, о ценностных компонентах тех образцов, которыми руководствуются в науке, и т. д.

Отметим некоторые из тех путей, которыми ценности – эксплицитно или имплицитно – входят в современную эпистемологию.

В сущности, «оправдание» Витгенштейна является установлением ценностного отношения между утверждениями некоторой теории, или «познавательной практики». Эти утверждения иерархически упорядочены. Те из них, за которые мы «крепко держимся» и не считаем нужным особо оправдывать, – это стандарты наших оценок. Подводимое под них утверждение является

меньшей ценностью, и поэтому должно относиться к более низкому уровню иерархии. С логической стороны оправдание есть дедукция, выведение ценности более низкого уровня из ценности более высокого уровня.

В философской герменевтике трактовка *понимания* с самого начала содержала в зародыше идею, что понимание неразрывно связано с ценностями. Уже В. Дильтей говорил о «принципе нераздельности понимания и оценки»¹⁰, хотя, впрочем, ключевое положение, что понимание – это подведение под ценность, так и не было сформулировано герменевтикой с необходимой общностью и ясностью.

В феноменологии *жизненный мир* является, в конечном счете, ценностной основой всех «объективных» действий, всех идеальных образований и построений науки¹¹.

Уже этот беглый перечень понятий, имеющих отчетливо выраженную *описательно-оценочную природу*, показывает важность общей темы ценностей для современной эпистемологии. Вместе с тем ясно, что эти крайне разнородные понятия схватывают лишь отдельные аспекты данной темы. Это означает, что движение по пути отказа от идеала науки, чистой от каких бы то ни было ценностей, только началось.

Поворот эпистемологии к исследованию ценностей и их роли в познании со временем скажется и на философии науки. Одной из ее основных тем станет анализ тех многообразных способов аргументации, которые применяются для поддержки ценностей.

Не только общие принципы теории, но и все ее законы и даже некоторые факты являются ценностно нагруженными. Это говорит о том, что ценности неизбежны в структуре всех теорий, как гуманитарных, так и естественнонаучных. И поскольку ценности входят в теорию, как правило, не в виде явных оценок, а в форме дескриптивно-прескриптивных утверждений, невыполнимо не только требование устранять ценности из науки, но и более слабое требование отделять содержащиеся в теории оценки от чисто описательных утверждений.

Оценки и нормы являются необходимыми элементами социальных, а во многом и гуманитарных теорий. Более того, определенные оценки лежат в самой основе социального и гуманитарного теоретического знания.

Социальная теория анализирует общество в свете возможностей улучшения условий существования человека. Описывая альтернативы дальнейшего развития тех или иных сфер социальной жизни или намечая историческую перспективу для общества в целом, социальная теория обязана подвергнуть критике другие возможные пути. Этого нельзя достигнуть без оценочных суждений.

Еще до начала изучения общества социальный исследователь должен принять или отвергнуть некоторые общие оценки.

В частности, неомарксист Г.Маркузе выделяет следующие два оценочно-нормативных момента, с самого начала осложняющие соблюдение социальной теорией исторической объективности:

– оценочно-нормативное суждение, что человеческая жизнь стоит того, чтобы ее прожить, или, скорее, может и должна стать таковой; это суждение лежит в основе всякого интеллектуального труда, оно является предпосылкой социальной теории и отказ от него (хотя он и не был бы нелогичным) равнозначен отказу от самой теории;

– оценочно-нормативное суждение, что в данном обществе существуют специфические возможности для улучшения человеческой жизни, а также средства и способы, которые данное общество должно использовать для реализации этих возможностей.

Социальная теория должна, опираясь на эмпирические данные, показать объективную значимость данных оценочных суждений, как и всех других оценок, которые исследователь вынужден принять в качестве обоснованных до начала своего конкретного анализа.

Выдвигавшееся неопозитивистами требование исключать любые оценки (и, соответственно, нормы) из языка социальных наук неосуществимо и проистекает из стремления перестроить эти науки по образцу естественных наук. Нереалистичной является и более слабая рекомендация отчетливо отделять в социальных дискуссиях нормы и оценки от чисто описательных утверждений. Многие утверждения носят двойственный, описательно-оценочный характер и функционируют в одних контекстах как описания, а в других как оценки или нормы. В социальных и гуманитарных теориях нередко невозможно провести ясную границу между описаниями и нормами или оценками и воспользоваться советом четко отделять описательные суждения от нормативных и оценочных суждений.

Человеческая деятельность невозможна без норм и оценок. Науки, изучающие человека и общество и имеющие своей конечной целью рационализацию и оптимизацию человеческой деятельности, всегда устанавливают неявные или даже явные нормы и оценки и опираются на определенные ценности. Проблема не в устранении норм и оценок, которое в данных науках в принципе недостижимо, а в обосновании объективности выдвигаемых нормативных и оценочных положений.

Описательные утверждения обычно формулируются со связкой «есть», в оценочных утверждениях нередко употребляется «должен». Поэтому идею о невыводимости оценок из описаний и описаний из оценок выражают также в форме положения, что от «есть» нельзя с помощью логики перейти к «должен», а от «должен» – перейти к «есть».

Д.Юм первым подчеркнул невозможность логического перехода от «есть» к «должен» и упрекнул всю предшествовавшую этику в том, что она не считалась с этим важным обстоятельством.

«...В каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, – писал Юм, – автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно: «есть» или «не есть», не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки «должно» или «не должно». Подмена эта происходит незаметно, но, тем не менее, она в высшей степени важна. Раз это «должно» или «не должно» выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо следует принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от него... Я уверен, что этот незначительный акт внимания опроверг бы все обычные этические системы и показал бы нам, что различие порока и добродетели не основано исключительно на отношениях между объектами и не познается разумом»¹².

Этот отрывок из «Трактата о человеческой природе» Юма очень популярен. Положение о невозможности логического перехода от фактических утверждений к утверждениям долженствования получило название *принципа Юма*.

Данный принцип служил отправным пунктом для важных методологических заключений, касающихся этики и иных наук, устанавливающих или обосновывающих какие-то утверждения о должествовании. Утверждалось, в частности, что если моральные заключения не могут логически следовать из неморальных посылок, значит, нельзя обосновывать моральные принципы, выходя за пределы самой морали. Это положение, утверждающее, как кажется, независимость морали от фактов, получило название «принцип автономии морали» и вызвало большие споры.

Юм не привел никаких аргументов в поддержку идеи о невыводимости «должен» из «есть». Он ссылаясь на то, что было бы ошибочным вводить в заключение некоторое отношение или утверждение, отсутствующее в посылках, и указывал, что отношение или утверждение, выражаемое с помощью «должен» или «не должен», явно отлично от отношения или утверждения, выражаемого посредством «есть». М.Блэк справедливо отмечает, что довод Юма неубедителен¹³. Конечно, «должен» отличается от «есть», но Юм ошибается, думая, что этого достаточно для дисквалификации логического перехода от «есть»-посылок к «должен»-заключению. Смысл, нужный для опровержения данного перехода, таков: термин А явно отличен от термина В, если и только если утверждение, содержащее А, не может быть выведено из посылок, содержащих В и не содержащих А. Иными словами, чтобы показать, что «должен» явно отлично от «есть», надо показать, что утверждение с «должен» не выводимо из утверждения с «есть». Но именно в этом состоит проблема, в качестве решения которой предлагается ссылка на «явное отличие» одной связи от другой.

Как можно было бы обосновать принцип Юма, не впадая в порочный круг?

Можно выдвинуть два довода в поддержку этого принципа. Во-первых, все попытки его опровержения ни к чему не привели. Неудача фальсификации служит аргументом в пользу принятия утверждения, устоявшего под напором критики. Во-вторых, принципу Юма может быть дано теоретическое обоснование путем включения его в теоретическую систему, в рамках которой он будет следствием других, более фундаментальных положений. В частности, такой является система, противопоставляющая описания и оценки как два полярных употребления языка.

К принципу Юма были предложены многочисленные контр-примеры, в которых из посылок, кажущихся чисто описательными, дедуктивно выводилось оценочное (нормативное) заключение. Однако более внимательный анализ показал, что ни одно из предлагавшихся в качестве контрпримера умозаключений не достигало своей цели: или его посылки содержали неявную оценку (норму), или между посылками и заключением отсутствовала связь логического следования. Можно сказать, что никому не удалось продемонстрировать логический переход от «есть» к «должен» и опровергнуть тем самым принцип Юма.

Более существен теоретический аргумент. Описание должно соответствовать миру; задачей оценки является, в конечном счете, приведение мира в соответствие с оценкой. Эти две противоположные задачи не сводимы друг к другу. Очевидно, что если ценность истолковывать как противоположность истины, поиски логического перехода от «есть» к «должен» лишаются смысла. Не существует логически обоснованного вывода, который вел бы от посылок, включающих только описательные утверждения, к заключению, являющемуся оценкой или нормой.

Хотя принцип Юма представляется обоснованным, некоторые методологические выводы, делавшиеся из него, нуждаются в уточнениях.

Так, А.Пуанкаре, К.Поппер и др. полагали, что из-за отсутствия логической связи оценок и норм с описаниями этика не может иметь какого-либо эмпирического основания и, значит, не является наукой. «Наиболее простым, по-видимому, и наиболее важным результатом в области этики является чисто логический результат, — писал когда-то Поппер. — Я имею в виду невозможность выведения нетавтологических этических правил... из утверждений о фактах. Только учитывая это фундаментальное логическое положение, мы можем сформулировать реальные проблемы философии морали и оценить их трудность»¹⁴.

Принципу Юма нередко и сейчас еще отводится центральная роль в методологии этики и других наук, стремящихся обосновать какие-то ценности и требования. Иногда даже утверждается, что в силу данного принципа этика не способна перейти от наблюдения моральной жизни к ее кодификации, и поскольку все системы (нормативной) этики не опираются на факты, и в этом смысле они автономны и равноценны.

Несмотря на то, что принцип Юма справедлив, принцип автономии этики ошибочен. Ни логика норм, ни логика оценок не санкционируют выводов, ведущих от чисто фактических (описательных) посылок к оценочным или нормативным заключениям. Конечно, обсуждение особенностей обоснования моральных норм требует учета этого логического результата. Вместе с тем ясно, что он не предопределяет решение методологических проблем обоснования этики, точно так же как невозможность перехода с помощью только логики от фактов к научным законам не предвещает ответа на вопрос об обоснованности теоретического знания. Научные законы не вытекают логически из фактов, но это не значит, что опыт для них безразличен. Переход от эмпирического описания к закону не является логическим выводом, это всегда скачок в неизвестность, связанный с тем, что закон имеет двойственное, описательно-оценочное значение. Закон не только обобщает известные факты, но и выступает критерием оценки новых фактов и других законов. Безусловно, двойственность научных законов не означает, что каждая наука автономна и не зависит от эмпирического материала.

То, что моральные утверждения не могут быть выведены по правилам логики из описательных утверждений, представляет особый интерес в связи с тем, что в философии морали есть множество концепций, обосновывающих нормы нравственности, ссылаясь на некое их соответствие определенным реалиям внешнего мира: законам природы, направлению естественной эволюции, объективному ходу истории и т. п. Все эти концепции некорректны, поскольку предполагают нарушение принципа Юма.

Допустим, в истории господствует необходимость и переход от одного этапа в развитии общества к другому совершается закономерно, но это вовсе не означает, что каждый человек морально обязан содействовать исторической необходимости и даже пытаться ускорить диктуемый ею переход. Из социологических законов не вытекают моральные нормы точно так же, как из закона природы, что все люди смертны, не следует моральный долг способствовать этому исходу.

Сведение морали к исторической или природной необходимости не только методологически несостоятельно, но и опасно.

Проще обстоит дело с принципом, согласно которому из оценочных утверждений логически не выводимы описательные утверждения. Ни логика оценок, ни логика норм не считают переход «должен → есть» обоснованным. Если ценность понимается как противоположность истины, то лишаются смысла не только поиски логического перехода «есть → должен», но и поиски перехода «должен → есть».

В качестве иллюстрации рассмотрим так называемый «принцип Канта»: если человек обязан что-то сделать, он способен это выполнить. Если этот принцип истолковывать как допущение возможности логического перехода от суждения долженствования (т.е. оценки) к описанию (а именно к описанию способностей человека), он неверен. Но данный принцип представляет собой, скорее, совет, адресованный нормативному авторитету: не следует устанавливать норм, выполнение которых выходит за пределы (обычных) человеческих способностей. Этот совет, как и всякий другой совет, является оценкой. «Принцип Канта» можно интерпретировать, также как описание: из утверждения о существовании нормы можно с определенной уверенностью вывести утверждение, что предписываемое этой нормой действие лежит в пределах человеческих возможностей. Но эта дескриптивная интерпретация, конечно, не является контрпримером к положению о невыводимости описаний из оценок.

Ценности не даны в непосредственном опыте, поэтому оценки не способны иметь прямого эмпирического подтверждения. Из оценочных утверждений не вытекают эмпирические следствия, подтверждение которых в опыте могло бы истолковываться как свидетельство в поддержку таких утверждений. Это означает, что, во-первых, к оценкам не применимо не только прямое подтверждение, но и косвенное эмпирическое подтверждение, и во-вторых, что оценки нельзя не только подтвердить, но и опровергнуть с помощью опыта. Таким образом, принцип, отрицающий возможность выведения описательных утверждений из оценочных утверждений, является столь же важным, как и принцип Юма. Эти два принципа прямо говорят о том, что оценки должны обосновываться совершенно иначе, чем описания.

Вместе с тем рассматриваемые принципы только ограничивают способы обоснования оценочных утверждений, но не исключают самой возможности их обоснования.

Принцип Юма говорит об отсутствии логической связи между описаниями и оценками. Однако в реальной ситуации дело осложняется тем, что чистые описания и чистые оценки встречаются в гуманитарных и социальных науках не так часто. Гораздо более употребительны двойственные, описательно-оценочные утверждения. Такие выражения размывают границу между описаниями и оценками, вследствие чего принцип Юма лишается той ясности, которой он достигает при противопоставлении чистых описаний и чистых оценок.

Обилие в науках о культуре двойственных выражений, переплетающихся между собой «есть» и «должен», – источник многих неясных рассуждений о связях фактических и оценочных утверждений в этих науках.

«В настоящее время, – пишет, например, социолог Ч.Р.Миллс, – едва ли не общепринятым стало убеждение в том, что нельзя вывести оценочные суждения из фактических утверждений и определений основных понятий. Но это не значит, что такие утверждения, и определения совершенно лишены оценочности... в большинстве исследований социальных проблем переплетены фактические ошибки, нечеткие определения понятий и предвзятость оценок. Только после логического анализа можно установить, присутствует ли в постановке конкретной проблемы какой-нибудь конфликт ценностей»¹⁵.

Под «фактическими утверждениями» и «определениями основных понятий» здесь явно имеются в виду двойственные, описательно-оценочные утверждения. Именно они не лишены оценочности, в том время как собственно фактические утверждения и те определения понятий, которые являются реальными и не содержат в себе оттенка требования, ничего общего с оценками не имеют.

Далее Миллс пишет: «Мы не можем выводить – гласит знаменитое юмовское правило, – как нам должно поступать, из того, во что мы верим. Равным образом, нельзя делать выводы о том, как должны поступать другие, исходя из собственных убеждений о том, как бы поступили мы сами. Но если такой итог действительно приходится подводить, нам остается лишь бить по головам тех, кто с нами не согласен; можно надеяться, что такие исходы бывают редко»¹⁶. Выражение «то, во что мы верим» включает в общем случае как те описания, в истинности которых мы убеждены, так и те оценки, которые принимаются нами.

В рассуждении Миллса это выражение должно обозначать, однако, только описания, иначе от принципа Юма ничего не останется. Далее, данный принцип вовсе не связан с идеей, что поведение других нельзя оценивать на основе собственных представлений о долге. И, наконец, принципом Юма аргументация в поддержку оценок не сводится, вопреки предположению Миллса, к одному аргументу к силе («бить по головам»). Неясности и передержки в истолковании принципа Юма связаны здесь в первую очередь с тем, что он требует такого четкого разграничения факта и ценности, какое в науках о культуре встречается редко.

ГЛАВА 2

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

1. Логика предпочтений как раздел модальной логики

Обычно логическая система называется «модальной логикой», если в ней встречаются такие модальные выражения, как «возможно», «необходимо», «случайно» и т. п.

Вместо этой неясной характеристики необходимо ввести строгое определение *модальной логики*. В соответствии с этим определением логическая система является модальной, если она включает в качестве своей части *основную, или минимальную, модальную логику*.

Объектом исследования обычной, или *ассерторической*, логики являются логические отношения *ассерторических*, или, как их еще можно назвать, *неквалифицированных*, высказываний. В них утверждается или отрицается наличие определенных связей. В простых высказываниях этого типа говорится о том, что предмету, о котором идет речь, присущ определенный признак. Примерами их могут служить высказывания: «Снег бел и холоден», «Стекло не проводит электрический ток», «Тасмания открыта капитаном Куком», «Платон – автор «Тимея»», «Пегас – крылатый конь» и т. п. Общая форма таких высказываний: «*S есть (или не есть) P*».

Помимо ассерторических высказываний, устанавливающих связи предметов и признаков и связи иных типов, имеются также *модальные* высказывания, в которых уточняется, или *квалифицируется*, характер или модус этих связей. Модальными являются, например, высказывания: «Возможно, что снег бел и холо-

ден», «Хорошо, что стекло не проводит ток», «Немыслимо, чтобы Тасмания была открыта Куком», «Доказано, что Платон – автор «Тимея», «Древние греки полагали, что Пегас – это крылатый конь» и т. п.

Ассерторические высказывания только утверждают или отрицают некоторые связи, модальные высказывания являются оценками этих связей с той или иной точки зрения. О предмете *A* можно просто сказать, что он имеет свойство *B*. Но можно, сверх того, уточнить, является ли эта связь *A* и *B* необходимой или же она только случайна; всегда ли *A* будет *B* или нет; хорошо ли, что *A* есть *B*, или плохо; доказано ли, что *A* есть *B*, или это только предполагается, и т. д. Результатами таких уточнений будут модальные высказывания разных типов. Все они получают путем приписывания к ассерторическому высказыванию того или иного модального понятия, с помощью которого характеризуется установленная в этом высказывании связь. Все это относится и к сравнительным модальным понятиям, и в частности к предпочтениям.

Объектом исследования модальной логики является логическое поведение модальных высказываний и их связи с ассерторическими высказываниями. Из разнообразных возможных типов квалификаций она выбирает немногие, наиболее интересные типы. Результатами их изучения являются отдельные ветви, или разделы, модальной логики, называемые обычно тоже «логиками».

Квалификации каждого типа осуществляются с помощью группы связанных между собой понятий, именуемых *модальностями*.

Так, теоретико-познавательная характеристика утверждений о связях дается с помощью понятий «доказуемо», «опровержимо» и «неразрешимо», аксиологическая – с помощью понятий «хорошо», «безразлично» и «плохо», нормативная – с помощью понятий «обязательно», «безразлично» и «запрещено» и т. д.

Слова «модус» и «модальность» иногда используются для обозначения только понятий «необходимо», «возможно», «невозможно» и родственных им. В других случаях этим словам придается более широкий смысл. К «модальным» относятся при этом также такие понятия, как «знает», «полагает», «доказуемо», «обязательно» и т. д. К «модальным» относятся, очевидно и сравнительные понятия «лучше», «хуже», «равноценно»,

В современной логике наметилась устойчивая тенденция понимать под «модальной логикой» не только логическую теорию необходимости, возможности и т. п., но включать в число «модальных систем» также логические теории эпистемических, деонтических, временных и даже экзистенциальных понятий. Логика необходимости, возможности и т. п. рассматривается при этом как один из разделов модальной логики; она называется «алетической модальной логикой», а ее исходные понятия – «алетическими понятиями». Это более широкое употребление терминов «модус» и «модальность» хорошо согласуется с исторической традицией. Оно распространяется также на сравнительные модальности.

Особенностью аксиологических и временных модальностей является то, что помимо абсолютных понятий, употребляемых для характеристики отдельно взятых простых или сложных объектов («хорошо *A*», «безразлично *B*», «иногда происходит *A* или *B*», «*C* никогда не наступает вместе с *A*» и т. п.), имеются также *сравнительные* аксиологические и временные понятия, используемые для сопоставления двух объектов («*A* лучше *B*», «*B* равноценно *C*», «*A* одновременно с *B* или *C*», «*B* позже *C*» и т. п.).

2. Логический анализ ценностей

Логика черпает важные импульсы для своего развития из эпистемологии. Рост эпистемологического интереса к ценностям естественным образом сказался и на логике, в которой сложились два новых неклассических ее раздела, занимающихся ценностями: *деонтическая логика* и *логика оценок*.

Разработка деонтической логики, исследующей логические связи нормативных (прескриптивных) высказываний, началась с середины 20-х гг. этого века (работы Э.Малли, К.Менгера и др.). Более энергичные исследования развернулись в 50-е гг. после работ Г.фон Вригта, распространившего на деонтические модальности подход, принятый в алетической модальной логике¹⁷.

Логика оценок исследует логическую структуру и логические связи оценочных высказываний. Она складывается из *логики абсолютных оценок* и *логики сравнительных оценок*, именуемой также *логикой предпочтений*.

Первая попытка создать логическую теорию абсолютных оценок была предпринята еще в 20-е гг. Э.Гуссерлем. В «Этических исследованиях», фрагменты из которых были опубликованы лишь в 1960 г., он отстаивал существование логических связей между оценками и указал ряд законов логики абсолютных оценок¹⁸. Однако впервые эта логика была сформулирована, насколько нам известно, автором данной книги только в 1968 г.¹⁹

Логический анализ сравнительных оценок (предпочтений) начался в связи с попытками экономистов установить формальные критерии разумного (рационального) предпочтения (Д.фон Нейман, О.Моргенштерн, Д.Дэвидсон, Д.Маккинси, П.Сапс и др.). Логика предпочтений начала разрабатываться в качестве самостоятельного раздела модальной логики после работ С.Халлдена и Г.Х. фон Вригта²⁰.

Деонтическая логика и логика оценок почти сразу же нашли достаточно широкие и интересные приложения. Во многом это было связано с тем, что само возникновение и развитие этих разделов логики стимулировалось активно обсуждавшимися методологическими проблемами, касавшимися прежде всего социальных наук.

Разногласия и неустойчивость мнений в вопросах должного, хорошего и плохого одно время склоняли к мысли, что ценности стоят вне логики, говорящей только о выведении одних истин из других. Общим местом неопозитивистской философии стало утверждение, что этика и подобные ей дисциплины вообще не являются науками и никогда не станут ими. Деонтическая логика и логика оценок показали, что рассуждения, включающие оценки и нормы, не выходят за сферу «логического» и могут успешно анализироваться и описываться с помощью методов логики. Это создало хорошую почву для критики концепций, утверждающих алогичность таких рассуждений и настаивающих на невозможности сколько-нибудь убедительного обоснования моральных, правовых и иных норм и их кодексов.

Знание логических характеристик оценок и норм необходимо для решения вопросов об их месте и роли в научном и иной знании, о взаимных связях оценок и норм, об их связях с описательными высказываниями и т. д.

Логическое исследование ценностей складывалось, таким образом, в атмосфере достаточно острых споров о ценностях, их роли в незнании, способах их обоснования и т. д. С другой сторо-

ны, применение логических идей и методов к новому материалу заставляло саму логику по-новому взглянуть на некоторые центральные свои понятия.

Стандартный курс современной логики начинается определением высказывания как предложения, являющегося истинным или ложным. Поскольку оценки и нормы очевидным образом не имеют истинностного значения, данное определение можно понимать так, что все, излагаемое после него, не приложимо к оценочным и нормативным рассуждениям.

Обычное понимание логического следования существенным образом опирается на понятие истинности: из множества посылок Γ логически следует высказывание B , если и только если при любой интерпретации, при которой истинны все высказывания из Γ , истинно и высказывание B . Это можно истолковать так, что между оценками, нормами, как и между всеми иными выражениями, лишёнными истинностного значения, невозможно отношение логического следования.

Очевидно, однако, что оценочные и нормативные высказывания способны быть посылками и заключениями логически корректных рассуждений. Деонтическая логика и логика оценок ставят, таким образом, задачу определения «высказывания», «логического следования» и других понятий в терминах, отличных от «истины» и «лжи».

Одна из причин сравнительно позднего возникновения и медленного развития логики абсолютных оценок состоит в распространённости мнений, что эти оценки могут быть сведены к предпочтениям.

Очевидно, что определения сравнительных оценочных понятий через абсолютные являются только частичными. В частности, предпочитаться друг другу могут и два хороших и два плохих состояния.

Менее очевидна неадекватность определений абсолютных оценочных понятий через сравнительные.

Пусть Gp означает «позитивно ценно состояние, описываемое высказыванием p » (или, короче: «хорошо, что p »); pBq – «состояние, описываемое высказыванием p , лучше состояния, описываемого высказыванием q » (« p лучше (предпочитается) q »).

Обычно принимается следующее определение «хорошо» через «лучше»:

$$Gp =_{df} pB \sim p,$$

«хорошо все то, наличие чего лучше его отсутствия».

Однако, с помощью этого определения – и это надо подчеркнуть – логика добра не может быть получена в рамках логики предпочтений. По такой же схеме можно было бы попытаться определить, скажем, «детерминировано p » как «не – p есть причина p », «истинно p » как « p более вероятно, чем не – p », «возникает p » как «не – p и затем p » и даже «было p » как « p раньше не – p ». Эти аналоги наглядно показывают ограниченность определения «хорошо» через «лучше». Сравнительные и абсолютные понятия вообще неопределимы в терминах друг друга. Они представляют собой два разных видения мира, два способа его описания, несводимые один к другому.

Еще одно обычное определение:

$$Gp =_{df} (\exists q) (pBq)$$

По этой схеме «детерминировано p » определяется как «существует такое q , что q есть причина p », «истинно p » – как «существует q , менее достоверное, чем p » и т. п. Но такое определение детерминированности является сокращением эквивалентности «детерминировано p , если и только если существует такое q , что q есть причина p и само q является детерминированным». Сходным образом, указанное определение «хорошо» через «лучше» есть сокращение эквивалентности «хорошо p , если и только если существует q , такое что p лучше q и q само является позитивно ценным или, по меньшей мере, безразличным». С данным определением логика абсолютных оценок опять-таки не может быть получена в рамках логики предпочтений.

Логика абсолютных оценок и логика сравнительных оценок являются двумя самостоятельными, не сводимыми друг к другу разделами логики ценностей.

3. Абстракции логики предпочтений

В нескольких последующих параграфах будут изложены основные логической теории предпочтений.

В основании всех рассматриваемых систем будет лежать классическая пропозициональная логика. Характеристики абсолютных оценок будут представляться символами G («добро», «положительная ценность»), H («зло», «отрицательная ценность») и I («безразличное»). Выражение Gp может читаться как « p является добром», Hp – « p есть зло», $G(p \& q)$ «конъюнкция p и q является добром», $I((p \supset q) \vee \sim(p \supset q))$ – «безразлично, p имплицирует q или нет» и т. п.

Отступая от реальных процессов оценивания, будем полагать, что предметами всех оценок являются состояния. Иными словами, мы ограничиваем класс рассматриваемых оценок оценками состояний. Переменные p, q, r, \dots считаются определенными над описаниями состояний или высказываниями о состояниях. Это позволяет использовать в качестве аргументов оценочных операторов сложные суждения, и в частности отрицания суждений.

Состояния могут быть разделены на *общие* и *индивидуальные*. Состояние является общим, если оно может иметь место более чем в одной ситуации. Примерами общих состояний могут служить здоровье и болезнь. Болезнь какого-то конкретного лица в определенное время является индивидуальным состоянием. Так как одно и то же лицо в одно и то же время не может находиться в двух разных местах, индивидуальное состояние оказывается в этом случае определенным не только во времени, но и в пространстве.

Мы будем ограничиваться рассмотрением оценок *общих* состояний. Очевидно, что имеются не только оценки состояний, но и оценки процессов и оценки событий. Можно предполагать, однако, что понятие состояния является более фундаментальным в том смысле, что события и процессы могут быть определены в его терминах, и оценки объектов, отличные от оценок состояний, могут быть сведены к оценкам состояний. Если даже предполагаемые определения отсутствуют, то остается тем не менее очевидным, что язык состояний обладает большей выразительной силой, чем язык процессов или язык событий.

Всякая оценка принадлежит определенному субъекту. Мы не вводим, однако, переменных для имен или описаний субъектов. Это не означает, как указывалось ранее, что исследуются логические отношения «бессубъектных», никому не принадлежащих оценок. Все оценки, входящие в рассуждение, рассматриваются нами

как принадлежащие одному и тому же субъекту. Это ограничение класса принимаемых во внимание оценок позволяет отказаться от явного упоминания субъекта.

Оценки различаются между собой не только характерами, предметами и субъектами, но и основаниями. Можно, однако, отвлекаться от различий в основаниях оценок, рассматривая все оценки, входящие в рассуждение, как имеющие одно и то же основание. Идентичность оснований всех принимаемых во внимание оценок позволяет избежать явного упоминания этих оснований при формулировке оценок.

Следует проводить различие между двумя вещами: тем, какими оценки являются сами по себе, и тем, как они рассматриваются логикой оценок. Всякая оценка имеет основание. И если в логике оценок оценки обсуждаются без учета их оснований, то это не свидетельствует об отказе (некоторым по меньшей мере) оценкам в наличии оснований; мы отвлекаемся не от оснований вообще, но лишь от *различия* оснований. Данное обстоятельство необходимо учитывать при истолковании законов логики оценок.

Оценки различаются от субъекта к субъекту. Изменение основания оценки может изменить ее характер таким образом, что он окажется противоположным исходному. Оценки являются, кроме того, относительными еще и в том смысле, что они изменяются с течением времени. Мы будем отвлекаться от этого обстоятельства. Совокупность оценок, фигурирующая в каком-либо рассуждении, будет рассматриваться как совокупность одновременных оценок или как совокупность оценок, не изменяющихся на протяжении рассуждения. Этим не подвергается, конечно, сомнению изменяемость оценок со временем.

Такова вкратце природа абстракций, лежащих в основании логических теорий оценочного рассуждения, включая логику предпочтений.

4. Зарождение логики предпочтений

Одна из первых попыток построить сравнительную теорию оценок принадлежит Д.Дэвидсону, Дж.Маккинси и П.Саппсу²¹. Задачей этой теории они считают предоставление формальных критериев разумного (рационального) решения, выбора и оценивания.

Так же как логика в ее традиционном понимании может быть использована для определения необходимых формальных условий рациональной веры (belief), точно так же теория оценок может служить в качестве определения необходимых формальных условий рационального выбора. Этот подход к формальной теории оценок авторы считают сходными с кантовской трактовкой оценивания в том, что подобно Канту, признается возможной формулировка в чисто формальных терминах определенных необходимых условий рациональности в области теории ценностей. В отличие от Канта они не предполагают, однако, что любые частные оценки или принципы оценивания могут быть выведены из чисто формальных соображений.

Экспликация рациональности в области оценивания достигается авторами путем уточнения понятия рационального образца предпочтения (rational preference pattern). Они вводят следующее определение этого понятия: совокупность предпочтений рациональна, если и только если:

– отношение P (« xPy » означает « x предпочитается y ») транзитивно,

– отношение E (« xEy » – «альтернативы x и y равны с точки зрения предпочтения») транзитивно,

– если x и y содержатся в K , то имеет место точно одна из следующих возможностей: xPy , yPx и xEy .

« K » означает здесь множество альтернатив, над которыми определены данные предпочтения. Три условия этого определения рассматриваются авторами также как аксиомы, дающие имплицитное определение отношений P и E .

Авторы не полагают никаких ограничений на область определения переменных x , y , и т. д., оставляя, таким образом, открытым вопрос о виде сущностей, упорядочиваемых отношением предпочтения. Множество K может содержать объекты, свойства, события, действия, товары, цели, мировые состояния и т. д. Такие лингвистические объекты как слова и предложения отвергаются, таким образом, в качестве единственных или главных предметов теории оценок. Элементы K не являются согласно определению ни совместно исчерпывающими, ни взаимно исключаящими альтернативами, хотя эти возможности не исключаются определением. Оно нейтрально относительно этих вопросов.

Это определение является нейтральным и в том важном аспекте, что оно ничего не говорит по поводу того, когда и при каких условиях одна альтернатива предпочитается другой или считается эквивалентной ей. Оно не подразумевает никаких особых ценностей, никаких особых стандартов ценностей и никаких специальных воззрений относительно этих стандартов. Данное определение так же безразлично к отношениям между парами сопоставленных объектов, как теория силлогизма безразлична к истинностному значению отдельных посылок.

Отрицание того, что определение рационального предпочтения влечет какие-либо частные суждения о предпочтении или эквивалентности, не означает, однако, по убеждению авторов, что оно не выполняет *нормативной* функции.

Если x , y и z являются альтернативами и xRy и yRz , то согласно определению это влечет, что xRz .

Данная импликация не является описанием того, как люди в действительности упорядочивают свои предпочтения. Вполне возможна ситуация, когда x предпочитается y -ку, y – z -ту и вместе с тем z предпочитается x -у. В отказе называть такую последовательность предпочтений рациональной и состоит установление (нормирование) формальных условий рациональности. Нормативный характер этих условий выражается при этом в самом использовании способа определения, а не в том, что это определение прямо говорит.

Авторы отрицают также такую интерпретацию данного определения, согласно которой если xRy и yRz , то x *должен* предпочитаться z -ту. Определение не позволяет дедуцировать нормативное заключение из не являющихся нормативными посылок. Оно не говорит о том, что мы должны предпочитать и выбирать. Ситуация в данном случае ничем не отличается от обычной в логике. В логике высказываний если из p следует q и из q следует r , то из p следует r . Это истина логики. Логика не утверждает ни того, что мы должны рассуждать в соответствии с этой истиной, ни того, что если мы полагаем, что две входящие в умозаключение посылки являются истинными, то мы должны полагать, что заключение истинно. Но мы можем использовать эту истину логики для частичного объяснения того, что мы понимаем под рациональным рассуждением, и в этом случае мы будем использовать истину логики нормативно.

Действительно ли три условия, входящие в определение, воплощают необходимые условия рациональности последовательности предпочтений? Доводы авторов в пользу утвердительного ответа на этот вопрос таковы.

Первое из условий указывает, что если x , y и z принадлежат рационально упорядоченному множеству альтернатив и x оценивается выше, чем y , а y – выше, чем z , то x оценивается выше, чем z .

Наиболее обычным возражением против принятия этого условия является, по-видимому, указание на то, что если xRu и yPz имеют место во время t_1 , zPx вполне может иметь место во время t_2 : оценки могут изменяться со временем. Ответ на это возражение несложен. Изменение оценок со временем можно рассматривать как изменение самих альтернатив, при этом x в t_1 называется альтернативой, отличной от x в t_2 , и если мы считаем, что y и z остались неизменными и обозначаем x в t_1 как x_1 и x в t_2 как x_2 , то видимое исключение из принципа транзитивности предпочтений становится ситуацией с альтернативами x_1Ru , yPz и zPx_2 и перестает, таким образом, быть контрпримером к рассматриваемому принципу.

Возражения, связанные с принятием второго условия, во многом аналогичны возникающим относительно первого условия. Например, можно утверждать, что x_1 является более ценным, чем x_n , и вместе с тем не обладать методом, который позволял бы выявлять различие в ценности между соседними членами последовательности x_1, x_2, \dots, x_n , в силу чего оказывалось бы, что $x_1Ex_2, x_2Ex_3, \dots, x_{n-1}Ex_n$. Но транзитивность E имплицировала бы, что x_1Ex_n , и, следовательно, $\sim(x_1P_n)$. Исходя из этого можно было бы сказать, что второе условие безосновательно требует проведения разграничительных линий между альтернативами, составляющими последовательность, не позволяя усмотреть непосредственно различие в ценности между x_1 и x_n .

Такое утверждение было бы, однако, поспешным. Определение рациональной последовательности предпочтений не подразумевает, что если мы полагаем, что способны видеть различие между x_1 и x_n , то для того, чтобы быть рациональными, мы должны быть способны усмотреть различие между по меньшей мере двумя соседними членами последовательности x_1, x_2, \dots, x_n . Определение указывает только, что если x признается более ценным, чем x_n , то

должно быть разумным (рациональным) допущение наличия некоторого различия в ценностях между во всяком случае двумя соседними членами последовательности.

Третье условие устанавливает, что каждые две альтернативы рационального множества предпочтений являются сравнимыми. Это может показаться не необходимым требованием, так как вполне возможно, что альтернативы, относящиеся к разным категориям, являются просто несравнимыми и не имеет смысла спрашивать, какая из них лучше другой. Будучи правильно интерпретированным, это условие не должно, однако, означать, что все, какие угодно, альтернативы сравнимы между собой. Оно утверждает только взаимную сравнимость альтернатив, входящих в данное множество K , и может, таким образом, рассматриваться как условие, ограничивающее множество K альтернативами, *являющимися* сравнимыми. Допустимо существование двух таких удовлетворяющих условию сравнимости множеств альтернатив, что из частичного совпадения этих множеств не следует, что каждый элемент одного из них сравним с каждым элементом второго.

Можно, например, одновременно принимать, что иметь жену лучше, чем иметь любовницу, и иметь любовницу лучше, чем иметь яхту, и вместе с тем считать, что обладание женой и обладание яхтой являются несравнимыми вещами. В этом случае указанные три альтернативы не принадлежат одному и тому же множеству рационально упорядоченных предпочтений; первые две из них принадлежат одному множеству, а две последние другому.

Формальная теория предпочтений представляет концептуальную схему, которая может быть использована для постановки и решения вопросов о совокупностях предпочтений и оценок индивидов, групп, культур. Она может использоваться экономистами, социологами, психологами и др. для предсказания поведения отдельных лиц и групп в определенных областях.

Но прежде, чем можно будет ответить на вопрос «является ли данная конкретная совокупность предпочтений рациональной?», формальной теории должна быть дана эмпирическая интерпретация.

Авторам кажется резонным допущение, что для разных проблем и областей окажутся уместными разные интерпретации. Экономисты могут, для определенных целей, счесть удовлетвори-

тельной такую интерпретацию xPy , при которой готовность индивида работать дольше в связи с x , чем в связи с y , будет достаточным основанием для заключения, что x предпочитается y -ку; психолог, проводя опыты с карточками разных цветов, может рассматривать замечание испытуемого «я предпочитаю карточку x карточке y » достаточным для заключения, что xPy , и т. д.

Выбор в качестве исходного понятия формальной теории оценок понятия предпочтения объясняется авторами отчасти употребительностью этого термина в экономической литературе, инспирировавшей предпринятое ими исследование, отчасти отсутствием более нейтрального, с точки зрения эмпирических интерпретаций, термина. В принципе, оператор P можно интерпретировать также как «лучше, чем» или «обладает большей ценностью, чем», а E как отношение равенства ценностей.

Версия «теории рационального предпочтения», сходная с изложенной, была развита позднее одним из авторов рассматриваемой работы, П. Сапсом²².

Одна из простых его систем содержит аксиомы:

$$A1. xPy \ \& \ yPz \supset xPz$$

$$A2. xEy \ \& \ yEz \supset xEz$$

$$A3. J(zEy, xPy, yPz)$$

Здесь $J(x, y, z)$ является сокращением для «либо x и не y или z , либо и не x или z , или z и не x или y ».

В этой же работе Сапсу удается сократить число исходных символов и аксиом данной системы путем использования единственного исходного аксиологического отношения Q , означающего «по меньшей мере так же хорошо, как и» и принятия определений:

$$xPy =_{\text{Df}} \sim (y Q x)$$

$$xEy =_{\text{Df}} xQy \ \& \ yQx$$

Аксиомами этой формулировки являются формулы:

$$A1. xQy \ \& \ yQz \supset xQz$$

$$A2. xQy \vee yQx.$$

5. Логика сравнительных оценок С.Халлдена

Работа С.Халлдена «О логике «лучше»»²³ является одной из первых попыток развить «чистую» теорию предпочтений, дать детальный формально-логический анализ сравнительных оценочных понятий.

Халлден формулирует два аксиоматических построения систематизирующих формальные свойства понятия «лучше», доказывает независимость принимаемых в них аксиом и дает разрешающую процедуру для второй из своих систем.

Общим базисом обеих систем является обычное пропозициональное исчисление. К его исходным символам присоединяются операторы В и S.

« pBq » читается как « p лучше, чем q » или «лучше, если p , чем если q » и « pSq » как « p имеет такую же ценность, как и q ».

Переменные p , q и т. д. представляют здесь возможные состояния дел.

Выражение pBq символизирует, таким образом, предпочтение состояния p состоянию q некоторым не специфицированным субъектом. Трактовка В и S как отношений между возможными состояниями существенно отличается от данной Дэвидсоном, Маккинси и Саппсом трактовки этих же операторов как отношений между любыми объектами, т. е. объектами, на свойства которых не налагается никаких ограничений. Эту важную черту подхода Халлдена мы обсудим более подробно позднее.

Первая из предложенных Халлденом систем – система А, определяется следующими аксиомами:

A0. Все тавтологии пропозиционального исчисления

A1. $pBq \supset \sim (qBp)$

A2. $pBq \ \& \ qBr \supset pBr$

A3. pSp

A4. $pSq \supset qSp$

A5. $pSq \ \& \ qSr \supset pSr$

A6. $pBq \ \& \ qSr \supset pBr$

A7. $pBq \equiv (p \ \& \ \sim q) B(q \ \& \ \sim p)$

A8. $pSq \equiv (p \ \& \ \sim q) S(q \ \& \ \sim p)$

Вторая из систем Халлдена, система В, отличается от системы А прежде всего тем, что в В слева и справа от операторов В и S могут стоять только отдельные переменные, предваренные или нет одним или несколькими знаками отрицания. Среди правильно построенных формул А имеются как формулы, в которых В и S связывают правильно построенные формулы пропозиционального исчисления, не являющиеся отдельными переменными, так и формулы с повторяющимися и находящимися в сфере действия друг друга операторами В и S. Например, формулы $(p \ \& \ q) \ Bp$, $(pBq) \ B(pSq)$ и т. п. являются правильно построенными формулами системы А, но не системы В.

6. Логика предпочтений Л.Аквиста

Л.Аквист проводит различие между двумя понятиями превосходства: оценочным и деонтическим²⁴.

Интуитивное значение последнего понятия может быть приблизительно охарактеризовано так: деонтическое превосходство является отношением, в котором состояние p находится к состоянию q , если и только если выполняется одно из следующих условий:

p обязательно и q безразлично (т. е. ни обязательно, ни запрещено),

p обязательно и q запрещено,

p безразлично и q запрещено.

Для более полной характеристики понятия деонтического превосходства (или «деонтического понятия превосходства») Аквист прибегает к сравнению его с являющимся обычно более знакомым «оценочным» понятием превосходства. Если в условиях (1) – (3) заменить «обязательно» на «хорошо», «запрещено» на «плохо» и понимать «безразлично» как «ни хорошо, ни плохо», то все эти условия выполняются и в случае «оценочного» понятия.

Хорошее состояние определенно лучше как плохого, так и того, которое не является ни хорошим, ни плохим, а безразличное лучше плохого.

Но если условия (1) – (3) достаточны для характеристики понятия деонтического превосходства, то условия, получаемые путем их переформулировки в терминах оценочных понятий, не яв-

ляются достаточными для передачи смысла «оценочного» превосходства. В случае, когда два состояния являются обязательными или когда оба они запрещены, ни одно из них не может быть лучше другого, ибо обязательные вещи обязательны в одинаковой мере и одна из них не является «более обязательной» или «обязательной в более высокой степени», точно так же, как запрещенные вещи запрещены в равной мере. Но из двух хороших состояний одно может быть лучше другого, оно может быть «более хорошим» или «хорошим в более высокой степени». Аналогично обстоит дело в случае плохих состояний.

Аквист полагает, что слово «лучше» в обычной речи употребляется как в «оценочном», так и в «деонтическом» смысле. Предлагаемые им ВД-системы призваны указать формальные свойства второго из этих употреблений.

Общим базисом ВД-систем является классическое пропозициональное исчисление. К его алфавиту добавляется бинарный оператор В, pBq читается как « p деонтически лучше, чем q » или « p имеет более высокую деонтическую ценность, чем q ». Вводятся следующие определения:

$$\text{Д1. } pSq =_{\text{Df}} \sim (pBq \vee qBp)$$

$$\text{Д2. } Op =_{\text{Df}} pB \sim p$$

$$\text{Д3. } Fp =_{\text{Df}} \sim pBp$$

$$\text{Д4. } Ip =_{\text{Df}} pS \sim p$$

$$\text{Д5. } Pp =_{\text{Df}} \sim (\sim pBp)$$

Выражение pSq читается как « p и q имеют одинаковую деонтическую ценность», Op означает «обязательно p », Fp – «запрещено p », Ip – «безразлично p », или более точно – «безразлично p или не- p », и Pp – «разрешено p ».

Определение правильно построенной формулы (ппф) первой из ВД-систем, системы ВД1, таково:

ппф пропозиционального исчисления есть ппф ВД1,

если α и β являются ппф пропозиционального исчисления, то $\alpha B \beta$, $\alpha S \beta$, $O\alpha$, $F\alpha$, $I\alpha$ и $P\alpha$ суть ппф ВД1,

есть α и β ппф ВД1, то $\sim\alpha$, $\alpha \& \beta$, $\alpha \vee \beta$, $\alpha \supset \beta$ и $\alpha \equiv \beta$ суть ппф ВД1.

Согласно этому определению в число ппф ВД1 не включаются формулы, в которых отдельные пропозициональные переменные или их комплексы не находятся в сфере действия одного из ука-

занных операторов. Слева и справа от В и S и справа от O, F, P, I могут стоять лишь выражения пропозиционального исчисления, повторение этих операторов и нахождение одного из них в сфере действия другого не допускаются.

Не являются, например, ппф формулы
 $pVq \supset p$, $(pVq) V r$, $OO p \supset Op$, $O (Op \supset p)$
 и т. п.

Указанное определение ппф принимается также в случае системы ВД2. В определении ппф систем ВД3-ВД5 допускается повторение операторов и совпадение сфер из действия.

Система ВД1 задается следующими аксиомами:

A0. Всякая тавтология пропозиционального исчисления

A1. $pV \sim p \ \& \ qS \sim q \supset pVq$

A2. $pV \sim p \ \& \ \sim qV \sim \sim q \supset pVq$

A3. $pS \sim p \ \& \ \sim qV \sim \sim q \supset pVq$

A4. $pVq \supset (pV \sim p \ \& \ qS \sim q) \vee (pV \sim p \ \& \ \sim qV \sim \sim q) \vee (pS \sim p \ \& \ \sim qV \sim \sim q)$

A5. $(p \supset q) V \sim (p \supset q) \supset pV \sim p \supset qV \sim q$

Правилами вывода ВД1 являются правило подстановки вместо пропозициональных переменных, правило отделения для материальной импликации и правило:

R1. Если $\alpha \supset \beta$ есть тавтология, то $\vdash \alpha V \sim \alpha \supset \beta V \sim \beta$.

Двойное отрицание в аксиомах A2-A4 употребляется с тем, чтобы избежать введения специального правила, позволяющего опускать два стоящих подряд знака отрицания. При наличии такого правила четыре аксиомы A1-A4 могут быть заменены эквивалентностью

$pVq \equiv (pV \sim p \ \& \ qS \sim q) \vee (pV \sim p \ \& \ \sim qV \sim q) \vee (pS \sim p \ \& \ \sim qV \sim q)$

Система ВД2 получается из ВД1 замещением R1 более сильным правилом:

R2. Если $\vdash \alpha \supset \beta$, то $\vdash \alpha V \sim \alpha \supset \beta V \sim \beta$

ВД3 есть результат присоединения к ВД2 правила

R3. Если α полностью модализировано (т. е. каждое вхождение пропозициональной переменной в α находится в сфере действия оператора V), то

$\vdash \alpha V \sim \alpha \supset \alpha$,

и замещение AS системы ВД2 аксиомой

AS'. $(p \supset q) V \sim (p \supset q) \supset (pV \sim p \supset qV \sim q) V \sim (pV \sim p \supset qV \sim q)$

ВД4 является результатом присоединения к ВД2 правила R3 и аксиомы

$$A6. pV \sim p \supset (pV \sim p) V \sim (pV \sim p)$$

И наконец, система ВД5 получается из ВД4 замещением A6 аксиомой

$$A7. \sim (pV \sim p) \supset \sim (pV \sim p) V (pV \sim p)$$

Еще одна последовательность систем (системы ВД1э – ВД4э) получается из ВД1 – ВД4 принятием вместо R1 и R2 более сильных правил:

$$R1'. \text{ Если } \alpha \text{ есть тавтология, то } \vdash \alpha V \sim \alpha.$$

ВД1' независима от ВД2 и ВД2' независима от ВД3; ВД3' выводится в ВД4'.

Рассматриваемая Аквистом система ВД идентична с системой ВД1'.

В случае каждой из указанных систем можно доказать, что отношение V является транзитивным, асимметричным и иррефлексивным.

Правильно построенные формулы ВД-систем, не содержащие вхождений операторов V и S, называются деонтическими пиф. В силу асимметричности V формула $pV \sim p \supset \sim (\sim pVp)$ является ВД-теоремой, и согласно определениям O и P является теоремой формула $Op \supset Pp$. Приложение определения O к аксиомам A5, A5', A6, A7 и к правилам вывода R1, R2, R3 показывает, что системы ВД1 – ВД5 содержат деонтические системы Е.Леммона Д1–Д5 соответственно. Как и в случае систем Леммона, формула

$$Op \supset p$$

не доказуема ни в одной из ВД-систем, правило «если $\vdash \alpha$, то $\vdash O\alpha$ » не доказуемо в ВД1 – ВД4, но выводимо в ВД5. Из ВД5 может быть получена система, удовлетворяющая условию недоказуемости в ней теорем формы $O\alpha$, путем замещения аксиомы A7 формулой

$$A7'. qV \sim q \supset (\sim (pV \sim p) \supset \sim (pV \sim p) V (pV \sim p)) V \sim (\sim (pV \sim p) \supset \sim (pV \sim p) V (pV \sim p)).$$

Аквист замечает, что правило R3, деонтический аналог которого был принят Леммоном для обеспечения доказуемости в Д3 – Д5 определенных редукционных тезисов, является неоправданно сильным. Если, например, в ВД4 вместо R3 принять аксиому $(pV \sim p) V \sim (pV \sim p) \supset pV \sim p$, то обеспечивающую доказуемость фор-

мулы $OOp \supset Op$, то получится система, в которой являются теоремами все редукционные тезисы Д4, но в которой не выводимо R3. И если в ВД4 вместо R3 принимается аксиома

$((pB \sim p) \& p) B \sim (((pB \sim p) \& p) \supset q) \supset ((pB \sim p) \supset q) B \sim ((pB \sim p) \supset q)$,

дающая вместе с A5 формулу

$O((Op \& p) \supset q) \supset O(Op \supset q)$,

то получается система, в которой доказуемы редукционные тезисы Д3, но не выводимо R3. И, наконец, более экономная формулировка ВД5 могла бы быть достигнута заменой R3 конверсией аксиомы A7, дающей теорему $Opp \supset Rp$.

Таковы особенности ВД-систем как систем, содержащих деонтические логики. Далее эти системы будут рассмотрены как логики, формализующие понятие «лучше» в одном из его употреблений. «Деонтический» смысл этого понятия уже сравнивался с его «оценочным» смыслом. Полезно сопоставить теперь формальные системы, имеющие дело с «деонтическим» понятием превосходства, с системами, предназначенными для выражения свойств «оценочного» понятия превосходства.

Аквист избирает для сравнения системы A и B Халлдена.

Не все выражения, являющиеся правильно построенными формулами систем A и B, являются одновременно ппф ВД-систем. В последних не допускаются «смешанные» формулы типа $pBq \supset r$, в теории A допускается повторение операторов B и S, не допускаемое системами ВД1 и ВД2 и т. д.

Правилами вывода A и B являются правило отделения, правило подстановки и правило подстановочности эквивалентности.

Первые два правила являются правилами, упоминаемыми в формулировках ВД-систем, подстановочность эквивалентности доказуема в качестве производного правила вывода. И так как все аксиомы B являются ВД-теоремами, все ВД-системы содержат исчисление B Халлдена. С другой стороны, в B доказуема формула

$(pB \sim p \& qS \sim q) \vee (pB \sim p \& \sim qBq) \vee (pS \sim p \& \sim qBq) \supset pBq$,

с помощью которой могут быть выведены в B аксиомы A1 – A3 ВД-систем, но не является доказуемой четвертая аксиома этих систем. Последний факт представляется Аквисту вполне согласующимся с замечаниями о различиях понятий превосходства, формализуемых системами ВД и B. В системе B константы B и S мо-

гут присоединяться только к пропозициональным переменным и их отрицаниям. В силу этого А5 ВД-систем не является правильно построенной формулой системы В, а правила R1' и R2' не могут породить каких-либо тезисов системы В.

Формулировка системы А включает восемь аксиом. Шесть из них, А1 – А6, являются теоремами ВД-систем. Хотя эквивалентности

$$pBq \equiv (p \& \sim q) B (q \& p),$$

$$pSq \equiv (p \& \sim q) S (q \& \sim p),$$

являющиеся аксиомами А, не выводимы в ВД-системах, тезисами последних являются более слабые формулы

$$pBq \supset (p \& \sim q) B (q \& \sim p),$$

$$(p \& \sim q) S (q \& \sim p) \supset pSq.$$

Никакие редукционные тезисы, касающиеся оператора В, не доказуемы в А. В системах же ВД3 – ВД5 принятие соответственно аксиом А5', А6 и А7 обеспечивает наличие того же самого числа нередуцируемых модальностей, что и в льюисовских системах S3 – S5: 42, 14 и 6 соответственно.

В ВД'-системах в силу правила «если $\vdash \alpha$, то $\vdash \alpha B \sim \alpha$ », где α есть или тавтология пропозиционального исчисления или теорема системы, выводимы тезисы $(p \vee \sim p) B (p \& \sim p)$, $(p \supset p) B \sim (p \supset q \supset p)$ и т. п. Но ни в А, ни в ВД'-системах не являются теоремами $(p \vee \sim p) S (p \& \sim p)$, $(p \& \sim p) B (p \vee \sim p)$.

Одним из главных отличий системы А от системы В Халлдена состоит в недоказуемости в первой формуле $pBq \vee pSq \vee qBp$. Это отличие сохраняется и в случае ВД-системы, как это видно из сравнения этих систем с В.

В А и В операторы В и S принимаются в качестве исходных, в ВД-системах S определяется в терминах В.

7. Логика предпочтений Г.Х. фон Вригта

Логика оценок, подробно описанная фон Вригтом²⁵, является теорией формальных свойств основного и, с точки зрения логики, скорее «примитивного» типа оценок, называемых им *предпочтениями*.

Фон Вригт дает такое содержательное представление предпочтения, призванное прежде всего отличить предпочтение от оценок иных видов и, как кажется фон Вригту, иной логикой природы.

Понятие предпочтения связано с понятием превосходства, с одной стороны, и с понятием выбора, с другой. «Превосходство» является аксиологическим понятием. «Выбор» относится к группе этических понятий, называемых фон Вригтом «антропологически» и включающими помимо «выбора» также «нужду», «желание», «решение», «мотив», «результат», «действие». Предпочтение оказывается, таким образом, стоящим между двумя группами понятий.

Не всякая форма превосходства (т. е. форма «добра») находится в непосредственном, внутреннем отношении к предпочтению. Если, например, кто-то превосходит других в умении играть в шахматы, то это еще не означает, что мы предпочитаем его другим шахматным игрокам.

Однако, между предпочтением и этой формой превосходства (превосходством в умении, в таланте и т. п.) могут существовать отдаленные связи. Иногда превосходство в умении выполнять некоторую деятельность имеет связь с превосходством с точки зрения достижения определенной цели. Например, хороший доктор поставит более точный диагноз, и мы можем предпочесть проконсультироваться в случае болезни у него, а не у врача, обладающего меньшими способностями или меньшим умением.

Но, с другой стороны, всякое предпочтение внутренне связано с добром, причем отношение предпочтения к добру может быть по меньшей мере двух видов.

Иногда одна вещь предпочитается другой в *силу того*, что первая, как это известно или как это предполагается, лучше второй в определенном отношении. Например, человек может предпочесть кларет рейнвейну на том основании, что, как сообщил ему доктор или к чему он пришел собственным опытом, первое вино лучше для его здоровья, чем второе. В этом случае утверждение о превосходстве одного вина над другим является *основанием* или *резонаном* для предпочтения одного другому. Предпочтение, имеющее это отношение к превосходству, фон Вригт называет *внешним*.

Но человек мог бы предпочесть кларет рейнвейну не потому, что он думает, будто первое вино лучше для него, а просто потому, что ему больше нравится первое вино. В этом случае большая склонность к одному вину не является резонаном для предпочтения. Строго говоря, неверно было бы утверждать, что человек предпочитает одно другому *потому*, что первое ему нравится больше вто-

рого. Любить одно больше другого – это то же самое, что и предпочитать одно другому. Предпочтение, имеющее такое отношение к превосходству, фон Вригт называет *внутренним*. Можно было бы сказать, отмечает он, что внутреннее предпочтение является *формой* превосходства. Развиваемая им формальная теория касается только внутренних предпочтений.

Предпочтение может служить основанием для выбора, выбор в этом случае является *предпочтительным выбором*. Очевидно, что могут существовать внутренние предпочтения, не ведущие к соответствующему выбору. Можно предпочитать холодную погоду теплой и вместе с тем вообще не иметь возможности выбора между этими состояниями. Человек обычно предпочитает здоровье болезни, но лишь в исключительных случаях он может обоснованно говорить о том, что он выбрал одну из этих двух вещей.

Вторым основанием, пользуясь которым можно провести различие между типами предпочтения, является общий характер вещей, между которыми может иметь место отношение предпочтения.

Иногда один инструмент или одно орудие предпочитается другому с точки зрения достижения определенной цели. Например, один нож можно предпочесть другому в случае рубки леса, и второй первому в случае резки бумаги.

Один способ реализации некоторой вещи можно предпочесть другому способу производства этой же вещи.

Одно состояние иногда предпочитается другому состоянию. Например, человек обычно отдает предпочтение здоровью перед болезнью.

Этот перечень типов предпочтения не является исчерпывающим, причем возможно, что упомянутые типы не являются логически независимыми.

Фон Вригт высказывает предположение, что из указанных трех типов предпочтений предпочтения между состояниями являются первичными в том смысле, что два других типа предпочтения могут быть каким-то образом «переведены» в предпочтения между состояниями. Развиваемую им формальную теорию он ограничивает предпочтениями между состояниями.

Произвольные состояния символизируются буквами р, q, r и т. д. Эти буквы являются схематическими представлениями предложений, описывающих общие состояния.

Состояние является *общим*, если оно может иметь или не иметь места в любой данной ситуации и если оно может иметь место более чем в одной ситуации. Из переменных p , q , r , и т. д. могут образовываться с помощью истинностных связок молекулярные комплексы, представляющие сложные состояния.

Символом для отношения предпочтения является P . Выражение pRq может читаться как «состояние p предпочитается состоянию q » или более развернуто как «состояние p внутренне предпочитается состоянию q ». Значение фразы «внутренне предпочитается» является, как указывалось ранее, примерно тем же самым, что и значение, передаваемое в обычном языке оборотом «нравится больше, чем».

Предпочтение любого типа всегда есть *что-то* предпочтение, т. е. предпочтение некоторого субъекта. Оно относительно не только с точки зрения субъекта, предпочтением которого оно является, но и относительно вместе с тем с точки зрения момента или ситуации в жизни данного субъекта. То, что предпочитается одним, может предпочитаться или не предпочитаться другим; предпочитаемое в один момент, может не предпочитаться в иное время. Предпочтение меняется, таким образом, не только от человека к человеку, но и у одного человека в течение его жизни.

В используемом фон Вригтом символизме не указывается ни обладатель предпочтения, ни время этого предпочтения. pRq представляет предпочтение неспецифицированным субъектом состояния p состоянию q в некоторой неспецифицированной ситуации. Предпочтение, входящее в универсум рассуждения, должны в силу этого рассматриваться как предпочтения одного и того же субъекта в одной и той же ситуации.

Логика предпочтений фон Вригта основывается на пяти принципах. Эти принципы распадаются на две группы. Два принципа первой группы касаются формальных свойств отношения предпочтения; три остальных принципа делают возможным приведение всякого P -выражения к стандартной форме.

Формальными свойствами отношения предпочтения являются асимметричность и транзитивность.

То, что предпочтение является асимметричным, кажется совершенно ясным и бесспорным. Иначе обстоит, однако, дело с транзитивностью. Если человеку предлагается сделать выбор меж-

ду апельсином и бананом и он выбирает апельсин, и если затем ему предлагается выбрать между бананом и яблоком и он выбирает банан, то означает ли это, что, встречаясь, наконец, с яблоком, этот человек «законами логики» принуждается выбрать апельсин и противоречит ли он самому себе, в мысли или в действии, выбирая в последнем случае яблоко?

Ответ на этот вопрос не представляется фон Вригту ясным.

Он указывает две возможные реакции на случай, когда третий выбор совершается вопреки транзитивности. Можно было бы, во-первых, заявить, что выбирающий изменил свое предпочтение в процессе последовательности выборов. И можно было бы рассмотреть резоны, склоняющие данного субъекта к каждому из делаемых им выборов, с тем, чтобы объяснить ему, *почему* он предпочел апельсин банану, *почему* банан яблоку, и почему – вопреки парным двум предпочтениям – он предпочитает теперь яблоко апельсины. Указание резонов, возможно, устранило бы впечатление противоречивости или несовместимости сделанных выборов (если бы оказалось, например, что выбирающий руководствовался иными мотивами в случае третьего выбора).

Но ни одна из этих реакций не была бы уместной в случае внутреннего предпочтения. Оно является предпочтением в одной и той же ситуации, и поэтому ссылка на изменение предпочтений исключается. Оно является вместе с тем немотивированным предпочтением, большей склонностью или влечением к одним вещам в сравнении с другими. Это исключает возможность ссылки на различие мотивов разных выборов.

Фон Вригту представляется, тем не менее, что примеры не-транзитивности предпочтения, несмотря на их интерес и естественность, не показывают, что *внутреннее* предпочтение не является транзитивным.

Согласно третьему принципу логики внутреннего предпочтения сказать, что субъект предпочитает состояние p состоянию q , значит сказать, что он предпочитает состояние $p \ \& \sim q$ состоянию $\sim p \ \& \ q$.

Следующий принцип логики предпочтений фон Вригта касается предпочтений между дизъюнктивными состояниями (или дизъюнкциями состояний).

Кратко: предпочесть состояние $p \vee q$ состоянию r , значит предпочесть $p \& q \& \sim r$ состоянию $\sim p \& \sim q \& r$ и предпочесть $p \& q \& \sim r$ состоянию $\sim p \& q \& r$ и предпочесть $\sim p \& q \& \sim r$ состоянию $\sim p \& \sim q \& r$. Аналогичное рассуждение показывает, что предпочесть p состоянию q или r значит предпочесть $p \& \sim q \& \sim r$ состоянию $\sim p \& q \& r$ и предпочесть $p \& \sim q \& \sim r$ состоянию $\sim p \& q \& r$ и предпочесть $p \& \sim q \& \sim r$ состоянию $\sim p \& \sim q \& r$.

Эти два принципа дизъюнктивной дистрибутивности можно суммировать таким образом: дизъюнктивные предпочтения являются конъюнктивно дистрибутивными.

Не всякое дизъюнктивное предпочтение, как подчеркивает фон Вригт, является конъюнктивно дистрибутивным.

Допустим, что кому-то предоставляется, как и ранее, выбор между увеличением заработной платы или более продолжительным отпуском, с одной стороны, и уменьшением рабочего дня, с другой. Но в отличие от предыдущего примера субъекту выбора не известно, какую из двух вещей – более высокую плату или же отпуск большей продолжительности он получит, если выберет первую альтернативу. И предположение, далее, что выбирающий субъект более всего хотел бы увеличение заработной платы, а сокращение своего рабочего времени он предпочел бы увеличению отпуска.

Очевидно, что он мог бы, столкнувшись с указанным выбором, рассуждать таким образом: насколько я могу судить по своему опыту, вполне вероятно, что если я выберу первую альтернативу, то я получу то, что я больше всего хочу, т. е. увеличение заработной платы. Возможно, но мало вероятно, что я получу в этом случае то, что я хочу менее всего, а именно – большой отпуск. Следовательно, я должен рискнуть и выбрать первую альтернативу, т.к. с точки зрения вероятности наступление каждой из трех выбираемых вещей, она представляется наиболее ценной.

Это дизъюнктивное предпочтение не является конъюнктивно дистрибутивным.

Вполне вероятно, что субъект из второго примера дизъюнктивного предпочтения мог бы рассуждать и таким весьма разумным, в определенных обстоятельствах, образом: возможно, что если я выберу первую альтернативу, я получу то, что я более всего хочу – увеличение заработной платы. Но возможно, что я получу в

этом случае то, что я хотел бы менее всего, а именно – увеличение отпуска. Но я не знаю, какая из этих двух возможностей более похожа на истину. Поэтому первая альтернатива для меня не более хороша, чем вторая.

В обоих случаях предпочтение оказывается зависящим от вероятностей членов дизъюнкции. Предпочтение этого типа называются *предпочтениями, включающими риск*. Они существенно отличны от другого типа предпочтений – предпочтений, не включающих риска, т. е. не зависящих от вероятностей членов дизъюнкции, в то время как предпочтение с риском, как это показывают примеры, не являются таковыми.

Фон Вригт связывает различие между двумя типами предпочтений с различием между выбором, основанным на предпочтении, и («чистым») предпочтением. Вещами, включающими риск, являются именно выборы. Наши же симпатии, т. е. наши внутренние предпочтения, взятые сами по себе, независимы от вероятностей. Кажется, сверх того, что предпочтение, в терминах которого может быть определена субъективная вероятность, должно быть предпочтением свободного от риска типа, так как в противном случае определение субъективной вероятности будет содержать порочный круг.

Пятый и последний принцип логики предпочтения касается того, что фон Вригт называет *холистической* природой предпочтений и что является, по его мнению, наиболее своеобразной чертой предпочтений с точки зрения логики.

В соответствии с третьим принципом, предпочтение состояния p состоянию q означает предпочтение изменения исходного состояния, каким бы оно ни было, а состояния $p \& \sim q$ – состоянию $\sim p \& q$. Как зависит предпочтение одного изменения другому от изменений мира в иных чертах, кроме p и q ? Имеется несколько возможных ответов на этот вопрос.

а) Субъект предпочитает изменение в $p \& \sim q$ изменению в $\sim p \& q$ **независимо от того, какими иными изменениями сопровождается переход исходной ситуации, в ситуацию с чертами p и $\sim q$** . Такое предпочтение состояния p состоянию q можно назвать *абсолютным*. Абсолютное предпочтение состояния p состоянию q является, таким образом, предпочтением всякого состояния мира, включающего p и $\sim q$, всякому состоянию, содержащему $\sim p$ и q .

Интересной логической особенностью абсолютного предпочтения является то, что субъект в любой данный момент может иметь самое большое одно абсолютное предпочтение.

б) субъект предпочитает изменение в $p \ \& \ \sim q$ изменению в $\sim p \ \& \ q$ независимо от того, каким является исходное состояние, но при условии, что мир не изменяется в других чертах, кроме p и q . Такое предпочтение фон Вригт называет предпочтением, не ограниченным условиями, или *необусловленным предпочтением*.

Необусловленное предпочтение означает, что всякая ситуация, содержащая p , но не q , **предпочитается любой другой ситуации, отличной от первой** в том, что она содержит q , но не p , и идентичной с нею в остальных чертах. Необусловленное предпочтение есть предпочтение *ceteris paribus* (при прочих равных условиях).

с) третьей возможностью является предпочтение субъектом изменения, дающего

$p \ \& \ \sim q$, при условии, что $p \ \& \ \sim q$ – мир и $\sim p \ \& \ q$ – мир сходны друг с другом в определенной черте или чертах, но не в противном случае. Такое предпочтение называется фон Вригтом *условным*. Если, например, субъект предпочитает состояние $p \ \& \ \sim q \ \& \ r$ состоянию $\sim p \ \& \ q \ \& \ \sim r$, **то можно сказать, что условием предпочтения** этим субъектом состояния p состоянию q является состояние r .

Из трех возможных объектов на вопрос о характере связи предпочтения одного состояния другому с предпочтениями состояний отличными от первых, фон Вригт принимает второй ответ. Развиваемая им логика предпочтений является, следовательно, логической теорией необусловленных внутренних предпочтений между состояниями. «Холистический» характер этих предпочтений как раз и состоит в том, что они являются предпочтениями при прочих равных условиях.

Фон Вригт отмечает два возможных основания для отрицательного ответа на вопрос о существовании необусловленных предпочтений. Во-первых, число состояний, могущих иметь место в каждый данный момент, является если и не бесконечным, то во всяком случае настолько большим, что человек не может их обзреть. В силу этого он не может быть уверенным, что определенное его предпочтение является инвариантным относительно *всех* комбинаций сопутствующих обстоятельств. Но именно это условие должно выполняться для того, чтобы предпочтение могло быть

названо необусловленным. И, во-вторых, понятие необусловленного предпочтения кажется требующим существования элементарных состояний, не являющихся функциями истинности других состояний. Но не является ли допущение таких состояний дурной метафизикой?

Чтобы уклониться от этих возражений, делающих сомнительным существование необусловленных предпочтений, Вригт ограничивает множество состояний, относительно наличия и отсутствия которых должны быть инвариантными такие предпочтения, теми состояниями, которые входят в универсум данного рассуждения.

В случае формулы исчисления универсумом рассуждения является множество всех отличных друг от друга переменных, входящих в эту формулу. Например, если в формулу входят переменные p , q и r , то необусловленное предпочтение состояния p состоянию q означает в этом универсуме рассуждения, что состояние $p \ \& \ r$ предпочитается состоянию $q \ \& \ r$ и состояние $p \ \& \ \sim r$ состоянию $q \ \& \ \sim r$.

Логика предпочтений определяется фон Вригтом путем указания разрешающей процедуры, позволяющей относительно каждой формулы решить, является она законом (тавтологией) этой логики или нет. Разрешающая процедура очевидным образом связана с указанными пятью принципами. Она предполагает также, что P -выражения могут преобразовываться в соответствии с принципами обычной логики высказываний, и что выражения слева и справа от знака P в атомарных конституентах P -выражения могут преобразовываться в соответствии с принципами логики высказываний (при условии, однако, что в эти выражения при преобразовании не вводятся новые переменные). Разрешающая процедура состоит в приведении исходного выражения к определенной форме и в использовании затем обычных истинностных таблиц.

Логике примитивных предпочтений, близкой логике предпочтений фон Вригта, может быть дана следующая аксиоматическая формулировка²⁶.

Аксиомы:

$$A1. pPq \supset \sim (qPp)$$

$$A2. pPq \ \& \ qPr \supset pPr$$

$$A3. pPq \equiv (p \ \& \ \sim q) P (q \ \& \ \sim p)$$

$$A4. (p \vee q) P (r \vee s) \equiv (p \ \& \ \sim r \ \& \ \sim s) P (\sim p \ \& \ \sim q \ \& \ r) \ \&$$

$\& (p \& \sim r \& \sim s) P(\sim p \& \sim q \& s) \sim \& (q \& \sim r \& \sim s) P(\sim p \& \sim q \& r) \&$

$\& (q \& \sim r \& \sim s) P(\sim p \& \sim q \& s)$

A5. $pPq \equiv (p \& r) P(q \& r) \& (p \& \sim r) P(q \& \sim r)$

Правила вывода:

(R1) правило подстановки;

(R2) правило отделения;

(R3) **P – выражение**, получаемое из тавтологии пропозиционального исчисления путем замещения ее пропозициональных переменных P-выражениями, является теоремой;

(R4) (отдельная) переменная или молекулярный комплекс переменных в аксиоме или теореме может быть замещен тавтологически эквивалентным ему комплексом переменных, при условии, что замещающее выражение не содержит переменных, не входящих в универсум рассуждения исходной формулы.

Следует обратить внимание на то, что замена выражения, входящего в теорему системы, эквивалентным ему – согласно логике высказываний – выражением, содержащим переменные, не встречающиеся в теореме, может привести к выражению, не являющемуся теоремой.

Фон Вригт так определяет экстенциональность исчисления C_1 относительно исчисления C_2 : C_1 эквивалентно относительно C_2 , если и только если выражения, эквивалентность которых доказуема в C_2 , являются взаимозаместимыми в выражениях C_1 .

Логика предпочтений не является экстенциональной в этом смысле относительно исчисления высказываний. Выражения логики высказываний, эквивалентные в ней, не являются неограниченно взаимозаместимыми в выражениях логики предпочтений. Ограничение состоит в том, что замена не должна вводить переменных, не встречающихся в формуле, в которую входит замещаемое выражение.

Естественность этого ограничения фон Вригт выводит из «хολистической» природы предпочтения. Построенную им логику предпочтения он называет «полу-экстенциональной».

В терминах понятия безусловного предпочтения определяются понятия «хорошего» (goodness) и «плохого» (badness).

Состояние p является хорошим, если оно безусловно предпочтается своему отрицанию, т. е. если его наличие безусловно предпочтается его отсутствию.

Состояние p является плохим, если ему необусловлено предпочитается его отрицание, т. е. если его отсутствие необусловлено предпочитается его наличию.

Так как необусловленное предпочтение является предпочтением некоторого субъекта в некоторой ситуации, то и определяемые в его терминах хорошее и плохое также являются относительными, т. е. хорошим и плохим с точки зрения определенного субъекта в определенной ситуации.

Подобно понятию предпочтения, используемому в определениях, «хорошее (плохое)» является здесь «внутренне хорошим (плохим)», т. е. хорошим (плохим) независимо от того, какие следствия оно может иметь и какой цели может служить. Или: необусловлено внутренне предпочитать некоторое состояние его отрицанию значит, грубо говоря, *любить* его («как таковое» или «само по себе»). Необусловлено внутренне предпочитать отсутствие некоторого состояния его наличию, значит, примерно говоря, *не любить* его.

Теоремой логики предпочтений является формула

$$\sim O \sim p \ \& \ \sim qPq \supset pPq.$$

Используя определение «хорошо» и «плохо», эту формулу можно интерпретировать так: «хорошее состояние предпочитается плохому состоянию». И так как предпочтение является формой превосходства, эту формулу можно прочесть также как: «хорошее состояние лучше, чем плохое» или просто «хорошее лучше плохого».

Фон Бригт считает эту формулу хорошим примером того типа логических истин, которые должна устанавливать логика предпочтения. То, что хорошее лучше плохого, определенно является истиной логики. Но это не есть истина «обычной» логики. И выводимость этой истины из принципов логики предпочтения не является простой тривиальностью, как может показаться тем, кто настаивает, что такая связь между «хорошим» и «плохим» истинна «по определению». Совершенно не ясно, какими должны быть определения «хорошо», «плохо» и «лучше», которые могли бы показать, что хорошее лучше, чем плохое.

В терминах предпочтения фон Бригт определяет три понятия безразличия.

Состояние p *безразлично само по себе* (indifferent in itself), если и только если оно не является ни хорошим, ни плохим. Символически:

p безразлично само по себе =_{Df} $\sim (pP \sim p) \& \sim (\sim pPp)$.

Состояния p и q *безразличны между собой* (indifferent between themselves), если и только если ни одно из них не предпочитается другому.

Символически:

p и q безразличны между собой =_{Df} $\sim (pPq) \& \sim (qPp)$.

Если ввести специальный символ I для безразличия, то безразличие p самого по себе можно представлять как $pI \sim p$, а безразличие состояний p и q относительно друг друга как pIq .

Интересно, что формула

$pI \sim q \& qI \sim p \supset pIq$

не является, как это можно показать с помощью разрешающей процедуры, тавтологией логики предпочтений. Это означает, что два состояния, каждое из которых безразлично само по себе, не являются с необходимостью безразличными также между собой. Фон Вригт доказывает, что возможен случай, когда два состояния являются безразличными сами по себе и вместе с тем одно из них предпочитается другому.

8. Логика внутренних предпочтений Р.Чизома и Э.Соса

Исходным понятием этой логики является понятие внутреннего предпочтения между состояниями²⁷.

Одно состояние внутренне предпочитается другому, если оно лучше другого *само по себе*, а не как средство достижения некоторого результата.

Выражение « p внутренне предпочитается q » символически представляется как pPq .

В терминах внутреннего предпочтения определяются понятия равенства внутренних ценностей (символически – pSq), внутреннего безразличия (I_p), внутренней нейтральности (N_p), внутреннего добра (G_p) и внутреннего зла (B_p):

Д1. $pSq =_{Df} \sim (pPq) \& \sim (qPp)$,

Д2. $I_p =_{Df} \sim (pP \sim p) \& \sim (\sim pPp)$,

Д3. $N_p =_{Df} (\exists q) (Iq \& pSq)$,

Д4. $G_p =_{Df} (\exists q) (Iq \& pPq)$,

Д5. $\forall p =_{\text{Dr}} (\exists q) (Iq \ \& \ qPp)$.

Аксиомы, присоединяемые к пропозициональной логике, дополненной правилами введения и удаления кванторов:

A1. $(\forall p) (\forall q) (pPq \supset \sim (qPp))$

A2. $(\forall p) (\forall q) (\forall r) (\sim (pPq) \ \& \ \sim (qPr) \supset \sim (pPr))$

A3. $(\forall p) (\forall q) (Ip \ \& \ Iq \supset pSq)$

A4. $(\forall p) ((\forall q) (Iq \supset pPq) \vee (\forall q) (Iq \supset qP \sim p) \supset pP \sim p)$.

Многие теоремы этой логики совпадают с теоремами большинства других логических теорий предпочтений. Можно, в частности, показать, что отношение равенства внутренних ценностей является транзитивным, рефлексивным и симметричным; что внутреннее предпочтение транзитивно, иррефлексивно и асимметрично; что хорошее, плохое и нейтральное взаимно исключают друг друга; что хорошее предпочтительнее нейтрального, а нейтральное – плохого и т. п. Вместе с тем логика Чизома-Соса имеет и ряд особенностей, связанных как со своеобразием вводимых ими определениями понятий. В частности, в ее рамках можно провести различие между внутренним безразличием и внутренней нейтральностью, не имеющее аналогов в других логиках предпочтений. В соответствии с (Д2) безразличное состояние таково, что ни оно само не предпочитается своему отрицанию, ни его отрицание не предпочитается ему. Согласно (Д3), состояние нейтрально, если и только если оно равноценно некоторому безразличному состоянию. Нейтральное оказывается, таким образом, более широким понятием, чем безразличное. Хотя все безразличные состояния нейтральны и все нейтральные состояния равноценны, имеются нейтральные состояния, не являющиеся вместе с тем безразличными. Таковы нейтральные состояния, отрицания которых положительно или отрицательно ценны.

9. Общая теория предпочтений Б.Ханссона

Б.Ханссоном была предложена теория предпочтений, систематизирующая те их логические свойства, которые являются общими для предпочтений всех видов и не зависят ни от характера самих предпочтений, ни от тех объектов, над которыми они определены²⁸.

В большинстве работ по логике предпочтений принимается, что отношение предпочтения имеет место между высказываниями, описывающими состояния. Это дает возможность использовать в качестве аргументов оценочных операторов сложные высказывания, и в частности, отрицания высказываний. Принято также проводить различие между видами предпочтений, подразделяя их на внутренние и внешние, моральные, экономические и эстетические и т. п.

Ханссон, стремясь к предельной общности своей теории, не налагает никаких ограничений ни на природу объектов, представляемых переменными логики предпочтений, ни на характер самих предпочтений. Эти ограничения могут вводиться в частных теориях предпочтений. В общей же их теории, претендующей на выявление свойств, характерных для любого предпочтения, ограничения неуместны. Ханссон оговаривает, однако, что если допускаются предпочтения между сложными объектами, правила образования этих объектов должны совпадать по своим формальным свойствам с операциями обычной пропозициональной логики.

Исходным оператором логики предпочтений Ханссона является R ; выражение pRq может читаться как « p по меньшей мере так же хорошо, как и q », « p столь же хорошо, как и q , или p лучше q » или « p предпочитается q или p равноценно q ».

В терминах R определяются операторы P («предпочитается» или «лучше») и S («равноценно» или «столь же хорошо»).

Отношение R определяется следующими аксиомами, присоединяемыми к обычной пропозициональной логике:

$$A1. pRq \ \& \ qRr \supset pRr$$

$$A2. pRq \vee qRp$$

$$A3. pRq \ \& \ pRr \supset pR(q \vee r)$$

$$A4. pRr \ \& \ qRr \supset (p \vee q) Rr$$

Определения:

$$pPq =_{Df} pRq \ \& \ \sim(qRp), \ pSq =_{Df} pRa \ \& \ qRp.$$

Систему, являющуюся расширением пропозициональной логики аксиомами $A1$ - $A2$, Ханссон именуует *базисной* или *тривиальной* теорией предпочтений. Он показывает, что она содержится в системе В.Халлдена и, в свою очередь, содержит ту часть системы В, в которой не используется отрицание.

Обсуждая иные возможные расширения базисной логики, Ханссон отмечает, что многие предлагавшиеся разными авторами дополнительные аксиомы влекут довольно странные следствия и не могут быть приняты в общей теории предпочтений. Им отклоняются, в частности, формулы:

$$rPq \equiv (p \& \sim q) P (\sim p \& q),$$

$$rPq \equiv \sim qP \sim p,$$

$$rPq \equiv (p \& r)P (q \& r) \& (p \& \sim r) P (q \& \sim r).$$

Первые две формулы принимаются Халлденом и фон Вригтом, третья является символической записью одного из исходных принципов логики внутренних предпочтений фон Вригта.

Допустим, что какой-то субъект А купил билеты лотереи, в которой разыгрываются два приза. Пусть объектами, между которыми имеют место предпочтения, являются все высказывания, касающиеся возможного исхода участия в лотерее, и пусть, далее, p означает «А выигрывает первый приз» и q – «А выигрывает какой-то приз». Естественно думать, что высказывание rPq истинно с точки зрения А. Если А принимает принцип (2), он будет убежден, что высказывание $\sim qP \sim p$ также истинно, т. е. он предпочтет полный проигрыш проигрышу первого приза. Но очевидно, что ситуация, в которой истинно $\sim q$, менее благоприятна для А, чем ситуация, в которой истинно $\sim p$, так как в первой из них сохраняется возможность получения второго приза. Это означает, что утверждение (2), а следовательно и утверждение (1), из которого оно вытекает, ведет к противоинтуитивным предпочтениям и не может быть принято в качестве истины, справедливой для всякого предпочтения.

Если в формулу (3) подставить $p \& q$ вместо r , окажется, что выражение rPq эквивалентно противоречию, ибо утверждение $(p \& q) P (p \& q)$ является всегда ложным. Данная формула неприемлема поэтому в качестве аксиомы логики предпочтений. Она может представить определенный интерес лишь в том случае, если будет оговорено, что r должно быть независимым в некотором смысле от p и q . Такая оговорка, однако, вряд ли возможна в рамках обычного пропозиционального исчисления. Она требует более богатого языка, включающего модальные операторы или вероятностные понятия.

10. Топологическая логика Х.Весселя

Логика сравнительных оценок является общей концептуальной схемой с очень широкой сферой приложения. Она может использоваться для оценки рациональности любого конкретного множества сравнительных оценок и является, по существу, логикой всякого сравнения, справедливость принципов которой, как правило, не зависит ни от природы сравниваемых объектов, ни от того, в каком именно отношении они сравниваются.

Однако прежде чем окажется возможным применить эту логику для решения вопроса о рациональности некоторого конкретного множества оценок, ей должна быть дана эмпирическая интерпретация. Характер этой интерпретации зависит от области рассуждения и той точки зрения, с которой эта область рассматривается.

Например, экономист может, исходя из стоящих перед ним задач, счесть удовлетворительной такую интерпретацию выражения pRq , при которой готовность индивида уплатить большую сумму за p , чем за q , будет достаточным основанием для заключения, что этим индивидом p предпочитается q ; психолог, проводя опыты с карточками разных цветов, может рассматривать замечание испытуемого «Я предпочитаю карточку p карточке q » достаточным для заключения, что pRq и т. д.

Эмпирические интерпретации логики предпочтений весьма многообразны и нередко требуют для своего установления определенного искусства.

В качестве примера одной из таких интерпретаций рассмотрим топологическую логику, построенную Х.Весселем²⁹.

В эмпирических науках встречаются случаи, когда невозможно точно определенная (числовая) оценка истинностных значений некоторых высказываний, но имеется возможность дать сравнительную оценку этих значений. В таких случаях уместно воспользоваться сравнительным понятием истины.

Пусть выражение pGq означает « p и q равноистинны» и pWq означает « p менее истинно, чем q ». **Формальные свойства отношений G и W** , позволяющих сравнивать высказывания с точки зрения их истинностных значений, определяются следующим множеством аксиом, присоединяемых к обычной пропозициональной логике:

- A1. pGp
- A2. $pGq \supset qGp$
- A3. $pGq \supset (qGr \supset pGr)$
- A4. $\sim (pWp)$
- A5. $pWq \supset (qWr \supset pWr)$
- A6. $pWq \supset \sim (pGq)$
- A7. $\sim (pGq) \supset pWq \vee qWp$.

Отношение « p ближе к истине, чем q » (pMq) может быть введено определением:

$$pMq =_{\text{df}} qWp,$$

« p ближе к истине, чем q , если и только если q дальше от истины, чем p ».

Ясно, что эта логика сравнительной истинности является одной из эмпирических интерпретаций более общей логики предпочтений.

Выражения «лучше» («предпочитается»), «хуже» и «равноценно» истолковываются при этой интерпретации соответственно как «более истинно», «менее истинно» и «равноистинно». Наличие связи топологической логики с логикой предпочтений позволяет распространить на первую все результаты, полученные при исследовании «чистых» предпочтений. Можно, в частности, сразу же сказать, что топологическая логика непротиворечива, что ей может быть дана более экономная аксиоматическая формулировка, включающая только положения о рефлексивности и транзитивности отношения M (или отношения W) и определения отношений W (или M) и G в терминах M , и т. д.

Пример с топологической логикой истинности интересен с двух точек зрения. Он показывает необходимость и важность исследования обще формальной теории предпочтений, эмпирические интерпретации которой могут дать содержательно интересные прикладные теории. С другой стороны, он указывает на то, что исходные выражения логики предпочтений не должны пониматься чрезмерно узко или буквально. Предпочтение одного объекта другому в одних случаях может означать большую эмоциональную склонность к одному из двух объектов, в других – убеждение, что один из рассматриваемых объектов способствует большему счастью большинства людей, чем другой, в третьих – что один объект ближе к истине, чем другой, и т. д.

11. Предпочтение и рациональный выбор

Слово «рациональность» многозначно. Оно может, в частности, означать:

- (1) соответствие знания правилам и стандартам разума;
- (2) соответствие выбираемых средств поставленной цели;
- (3) способность всегда выбирать лучшую их имеющихся альтернатив.

Рациональность в первом смысле можно назвать «рациональностью знания»; рациональность во втором смысле уместно именовать, вслед за М.Вебером, «целесообразностью», или «целерациональностью»; рациональность в третьем смысле – «рациональностью выбора».

Три смысла «рациональности» не являются независимыми друг от друга. Можно предположить, что два последних смысла являются модификацией первого. Не случайно то, что обычно под рациональностью понимается простое соответствие знания неким общим принципам разума, а вопросы о выбираемых средствах и избираемых способах деятельности рассматриваются как конкретизация первого, более общего понимания рациональности.

Понятие предпочтения имеет отношение ко всем указанным разновидностям рациональности. Однако наиболее непосредственно оно связано с *рациональностью выбора*. В частности, до недавнего времени принято было считать, что выбираемое человеком или социальной группой действие является рациональным только в том случае, когда оно является лучшим из всех возможных в конкретной ситуации видов деятельности и дает максимальный полезный результат.

Если рациональность рассматривается как характеристика знания с точки зрения его соответствия наиболее общим принципам мышления (разума), нужно учитывать, что совокупность таких принципов не является вполне ясной и не имеет отчетливой границы. Это означает, что понятие рациональности является одновременно и неясным, и неточным³⁰.

В каждой области теоретической деятельности складывается свое специфическое понимание рациональности. Можно говорить, например, о локальной научной рациональности, политической рациональности, теологической рациональности, медицинской рациональности и т. д.

В современных постиндустриальных обществах понятие научной рациональности продолжает оставаться образцом для других разновидностей локальной рациональности. В античности таким образцом служила специфическая философская рациональность, в средние века – теологическая рациональность. В Новое время значение научной рациональности как эталона, которому нужно следовать в других областях теоретической деятельности, заметно переоценивалось. В новейшее время заметно возрос скептицизм в отношении возможностей научного мышления решать острые проблемы социального развития, не нанося вреда природе и культуре. Однако скептицизм не достиг пока отметки, после которой могло бы наступить полное разочарование в способностях разума, действующего по аналогии с научным разумом.

Логика обычно используется для определения необходимых формальных условий рациональной веры (belief). С нашей точки зрения, точно так же логика предпочтений может служить в качестве определения необходимых формальных условий рационального выбора.

Этот подход к формальной теории сравнительных оценок подобен трактовке операции оценивания И.Кантом. Он признавал возможной формулировку в чисто формальных терминах определенных необходимых условий рациональности в области теории ценностей. Сверх того, он предполагал, что любые частные оценки или принципы оценивания могут быть выведены из чисто формальных соображений.

Теория ценностей является предметом оживленных философских споров. Но отсутствие согласия в решениях основных ее проблем не является, на наш взгляд, существенным препятствием на пути исследования формальных свойств утверждений о ценностях.

Такие вопросы как «что такое ценность?», «каково значение «добра»?», «имеет ли приписывание ценностей некоторому объекту познавательное или же только эмотивное значение?», можно уподобить таким вопросам в области физики и статистики как «что такое материя?», «что такое электричество?», «что такое вероятность?» и «отражает ли приписывание вероятности объективный факт или же только субъективную позицию?».

Физика успешно развивается без ответа на метафизические вопросы, статистику не останавливает переменность целого ряда семантических вопросов, проблем. Сходным образом в области

ценностей можно успешно исследовать формальные свойства оценок, не ожидая решения основных проблем теории ценностей. С другой стороны, даже скромный процесс формальной теории оценок поможет пролить новый свет на эти проблемы.

Условие транзитивности указывает, что если A , B и C принадлежат рационально упорядоченному множеству альтернатив и A оценивается выше, чем B , а B – выше, чем C , то A оценивается выше, чем C .

Возражение против транзитивности всех предпочтений представляется таким простым примером: допустим кому-то представлен выбор между тремя должностями: инженера с окладом в 2 условных единицы (альтернатива A), главного инженера с окладом в 4 единицы (B) и руководителя предприятия с окладом в 6 единиц (C). Выбирающий может рассуждать следующим образом. Вариант A предпочтительнее варианта B , т.к. различие в круге обязанностей, предполагаемом указанными двумя должностями, более ценно, чем небольшое различие в окладе. Вариант B на том же основании предпочтительнее варианта C . Но вместе с тем C предпочтительнее A , так как различие в окладе оказывается теперь уже достаточным, чтобы оставить в стороне различие в нарастающем круге обязанностей. Согласно условию транзитивности данное множество предпочтений должно считаться иррациональным.

Рациональный образец предпочтения является базисом для рационального выбора. Последний естественно охарактеризовать как выбор, дающий из множества альтернатив ту, которая предпочитается всем другим альтернативам, и отбирающий любую из них, если имеется несколько эквивалентных альтернатив, из которых ни одна не предпочитается остальным.

Рациональный выбор, как он определяется обычно, – это выбор, дающий наиболее ценную («лучшую») альтернативу.

Ясно, что в случае приведенного в качестве примера множества предпочтений никакой рациональный выбор не является возможным. Какую бы альтернативу выбирающий ни избрал, всегда останется альтернатива, предпочитаемая ей. Если он остановится на варианте A , то окажется, что им оставлена более ценная, по его убеждению, возможность C ; если он избрет вариант B , то останется не избранной более предпочтительная возможность A ; и если, наконец, он остановит свой выбор на варианте C , он вынужден будет отказаться от оцениваемой им выше возможности B .

Вопрос о транзитивности предпочтений заставляет, как нам кажется, поставить под сомнение идею возможности «единственно верной» логики предпочтений. Рациональный выбор не всегда является выбором, выполняющим требование транзитивности предпочтений.

12. Три новые логики предпочтений

Хотя логика абсолютных оценок возникла на двадцать лет позднее логики сравнительных оценок, первая добилась заметно больших успехов, чем вторая.

Как показывает приведенный обзор предложенных логических теорий сравнительных оценок, логика предпочтений представляет пока множество конкурирующих между собою систем. Отношения между этими системами не особенно ясны. Не является ясным и то отношение «лучше» («предпочитается»), которое описывается разными системами.

Сложность построения логики предпочтений связана, судя по всему, с тем, что существует несколько различающихся по своему смыслу понятий «лучше».

В частности, для некоторых типов предпочтения справедлив принцип транзитивности. Для других разновидностей предпочтения этот принцип не выполняется и отношение предпочтения оказывается нетранзитивным³¹.

В описанных системах логики сравнительных оценок явно смешиваются разные смыслы «лучше». Это касается даже наиболее разработанной логики Г.Х. фон Вригта, ориентированной на описание логических связей утверждений о наиболее элементарном, «внутреннем» предпочтении.

Ситуация в логике сравнительных оценок напоминает положение, сложившееся в настоящее время в теории логического следования. Существует несколько типов отношения логического следования, существенно различающихся своими логическими свойствами. Попытка описать это отношение в рамках одной логической системы обречена на неуспех.

В частности, обычно логическое следование является транзитивным: если A , то B , и если B , то C , то если A , то C . Однако имеются, как кажется, случаи, когда принятие транзитивности

логического следования ведет к неприемлемым заключениям. Возьмем рассуждение: «Если человек – отец, то он родитель; если человек – родитель, то он – отец или мать; следовательно, если человек – отец, то он отец или мать». В этом умозаключении посылки приемлемы, но заключение звучит парадоксально. Оно имеет форму «Если А, то А или В» и напоминает известный парадокс деонтической логики: «Если письмо должно быть отправлено, то оно должно быть отправлено или должно быть сожжено».

Проведение ясных границ между разными типами предпочтения остается делом будущего.

Опишем коротко три логики предпочтения, P1-P3, призванных продемонстрировать разные типы предпочтения. Первый тип назовем «строгим предпочтением», второй – «промежуточным предпочтением» и третий – «слабым предпочтением».

Выражение pUq означает «р строго предпочитается q»; pWq – «р предпочитается q»; pYq – «р слабо предпочитается q»; $\vdash A$ – «доказуемо А».

Аксиомы и правила вывода системы строгого предпочтения P1:

A0. Множество тавтологий классической логики высказываний

A1. $\sim (pUp)$

A2. $pUq \ \& \ qUr \supset pUr$

A3. $pUq \equiv (p \ \& \ \sim q) \ U \ (q \ \& \ \sim p)$

A4. $(p \vee q) \ U \ (r \vee s) \supset pUr \vee pUs \vee qUr \vee qUs$

(R1) правило подстановки;

(R2) правило отделения;

(R3) если $\vdash A$ и $\vdash C \equiv D$, то $\vdash B$, где В получается из А заменой всех вхождений С в А вхождениями D в А (ослабленное правило экстенциональности).

Аксиомы и правила вывода системы промежуточного предпочтения P2:

A0. Множество тавтологий классической логики высказываний

A1. $pWq \equiv (p \ \& \ \sim q) \ Wq$

A2. $pWq \ \& \ qWr \supset pWr$

A3. $\sim (pQ (q \ \& \ \sim q))$

A4. $\sim ((p \ \& \ \sim p) \ Wq)$

A5. $(p \vee q) \ W \ (r \vee s) \equiv pWr \vee pWs \vee qWr \vee qWs$

A6. $(p \ \& \ q) \ Wr \supset pWr \ \& \ qWr$

(R1) правило подстановки;

(R2) правило отделения;

(R3) ослабленное правило экстенциональности.

Аксиомы и правила вывода системы слабого предпочтения P3:

A0. Множество тавтологий классической логики высказываний

A1. $\sim (p \Upsilon p)$

A2. $\sim (p \Upsilon (q \& \sim q))$

A3. $\sim ((p \& \sim p) \Upsilon q)$

A4. $(p \vee q) \Upsilon (r \vee s) \equiv p \Upsilon r \vee p \Upsilon s \vee q \Upsilon r \vee q \Upsilon s$

A5. $(p \& q) \Upsilon (r \& s) \supset p \Upsilon r \& p \Upsilon s \& q \Upsilon r \& q \Upsilon s$

(R1) правило подстановки;

(R2) правило отделения;

(R3) правило экстенциональности.

Выражение $p \cup q$ означает, что состояние p во всех аспектах предпочитается состоянию q ; $p \Upsilon q$ означает, что состояние p в каких-то аспектах лучше состояния q .

Строгое и промежуточное предпочтение являются транзитивными. Слабое предпочтение нетранзитивно.

Проблема транзитивности предпочтений решается, таким образом, выделением разных типов предпочтения. Некоторые из них являются транзитивными, другие – нет.

Положение «Выбор является рациональным, только если он дает лучшую из имеющихся альтернатив» остается верным лишь при условии, что выражение «первое лучше второго» означает «первое слабо предпочитается второму».

И в заключение обсуждения логики сравнительных оценок можно сделать одно замечание. Ранее упоминались оценочные термины «более хорошо», «менее хорошо», «более плохо» и «менее плохо». Построим теперь логику сравнительных оценок, использующую два из этих терминов в качестве исходных.

Для «более хорошо» введем символ V^x , для «более плохо» – символ A^x . Отношения «менее хорошо» и «менее плохо» определимы в терминах A^x и V^x .

p менее хорошо, чем $q =_{df} q V^x p$

p менее плохо, чем $q =_{df} q A^x p$

Два отношения равенства ценностей определяются так:

p столь же хорошо, как и $q =_{df} \sim (p V^x q) \& \sim (q V^x p)$

p столь же плохо, как и $q =_{df} \sim (p A^x q) \& \sim (q A^x p)$.

Введем также особый символ для «р хорошо», или «р есть добро», – Gr, и символ для «р плохо», или «р есть зло», – Нр.

К пропозициональному исчислению присоединим аксиомы:

A1. $pB^xq \supset Gr \ \& \ Gq$

A2. $pB^xq \ \& \ qB^xr \supset pB^xr$

A3. $\sim (pB^xp)$

A4. $pB^xq \equiv (p \ \& \ \sim q) \ B^x (q \ \& \ \sim p)$.

Кроме правила подстановки, правила отделения и правила, позволяющего взаимно заменять тавтологические эквивалентности, примем следующее правило:

формула, полученная из теоремы данной системы путем замены в ней B^x на A^x и G на H , является теоремой.

В теоремах A^x и B^x может быть определено отношение «лучше, чем», для которого используется, как и ранее, символ V :

$pVq =_{Df} pB^xq \vee qA^xp$

В терминах V определимо отношение равноценности (S):

$pSq =_{Df} \sim (pB^xq) \ \& \ \sim (qB^xp)$.

Как показывает обзор предложенных логических теорий предпочтений, логика предпочтений представляет пока множество конкурирующих между собою систем. Отношения между этими системами не особенно ясны. Не является ясным и то отношение «лучше» («предпочитается»), которое описывается разными системами.

Прежде чем оценивать современное состояние логики сравнительных оценок, необходимо сделать несколько замечаний относительно приемлемости основных принципов этой логики.

Несомненно, что сравнительные оценки асимметричны. Если p лучше (хуже) q , то неверно, что q лучше (хуже) p , и, в частности, неверно, что что-то может быть лучше (хуже) самого себя.

Другие логические свойства этих оценок менее очевидны.

Принято считать, что отношения «лучше» и «хуже» транзитивны: если p лучше q и q лучше r , то p лучше r .

С принципом транзитивности сравнительных оценок тесно связан принцип сравнимости, в соответствии с которым из любых двух альтернатив одна или лучше, или хуже, или равноценна другой.

Принцип транзитивности предполагает в определенном смысле принцип сравнимости. Допустим, что второй принцип неверен и p не сравнимо с r , хотя p сравнимо с q и q сравнимо с r . Согласно транзитивности отношения «лучше» из второго допущения следует, что p лучше r ; но в силу первого допущения p и r не являются сравнимыми.

Принцип сравнимости не является, однако, логическим следствием принципа транзитивности. Возможны поэтому системы, в которых является теоремой второй из этих принципов, но не первый.

Не любые две вещи сравнимы между собой, не о всяких двух произвольно взятых вещах имеет смысл спрашивать, какая из них лучше другой. Принцип сравнимости следует в силу этого истолковывать не как утверждение, что все, какие угодно, альтернативы сравнимы между собой, а как утверждение о сравнимости альтернатив, входящих в некоторое данное множество. В этом случае он будет выражать условие, ограничивающее множество рассматриваемых альтернатив теми альтернативами, которые являются сравнимыми.

Приемлемость принципа сравнимости существенным образом зависит от истолкования оборота « r имеет такую же ценность, как и q ». Если этому обороту придается смысл «ни r , ни q не лучше друг друга и возможно даже, что они не являются сравнимыми друг с другом», то принцип сравнимости может быть принят без наложения ограничений на предметную область. Но если рассматриваемому обороту придается смысл « r и q сравнимы, но ни одно из них не лучше другого», то принятие принципа сравнимости означает ограничение предметной области сравнимыми альтернативами.

Ситуация в логике сравнительных оценок напоминает положение, сложившееся в настоящее время в теории логического следования. Существует несколько типов отношения логического следования, существенно различающихся своими логическими свойствами. Попытка описать это отношение в рамках одной логической системы обречена на неуспех.

В частности, обычно логическое следование является транзитивным: если r , то q , и если q , то r , то если r , то r . Однако имеются, как кажется, случаи, когда принятие транзитивности логического следования ведет к неприемлемым заключениям.

Возьмем рассуждение: «Если человек – отец, то он родитель; если человек – родитель, то он – отец или мать; следовательно, если человек – отец, то он отец или мать». В этом умозаключении посылки приемлемы, но заключение звучит парадоксально. Оно имеет форму «Если p , то p или q » и напоминает известный парадокс деонтической логики: «Если письмо должно быть отправлено, то оно должно быть отправлено или должно быть сожжено».

Проведение ясных границ между разными типами предпочтения остается делом будущего.

ГЛАВА 3 ОСОБЕННОСТИ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1. Научная рациональность как локальная рациональность

Познание мира является разновидностью человеческой деятельности. Как всякая деятельность, оно руководствуется и направляется системой определенных *оценок*. Последние можно разделить на *научные идеалы* и *нормы науки*. К идеалам, характерным для научного познания, относятся истина, объективность, теоретичность (стремление представить результаты научного исследования в форме теории), аксиоматизация, формализация и др. К нормам познания относятся требования обоснованности знания, его логической последовательности, рациональности, практической значимости и др. Задача идеалов и норм науки – направлять усилия ученого, являться высшим или даже конечным устремлением научного исследования.

Одной из ключевых норм науки является требование *рациональности*. Наука, как принято считать, является образцом рациональности для всех других областей применения человеческого разума. Вместе с тем требование рациональности, предъявляемое к результатам научного исследования, не является самоочевидным и нуждается в комментарии.

Рациональность, или разумность, является характеристикой знания с точки зрения его соответствия наиболее общим принципам мышления, разума.

Поскольку совокупность таких принципов не является вполне ясной и не имеет отчетливой границы, понятию рациональности свойственны и неясность, и неточность.

Мышление человека является разным не только в разные исторические эпохи, но и в разных областях его приложения. Существенным является, поэтому различие между двумя уровнями рациональности: *универсальной рациональностью*, охватывающей целую эпоху или культуру, и *локальной рациональностью*, характеризующей особенности мышления в отдельных областях теоретизирования конкретной эпохи или культуры.

Универсальная рациональность, предполагает, в частности, соответствие требованиям логики и требованиям господствующего в конкретную эпоху стиля мышления.

Особенно сложно обстоит дело с требованием рассуждать непротиворечиво, фиксируемым законом противоречия. Аристотель называл данный закон наиболее важным принципом не только мышления, но и самого бытия. И вместе с тем в истории логики не было периода, когда этот закон не оспаривался бы и дискуссии вокруг него совершенно затихали.

Относительно мягкая критика требования (логической) непротиворечивости предполагает, что если перед теоретиком встала дилемма: заниматься устранением противоречий из теории или работать над ее дальнейшим развитием, обогащением и проверкой на практике – он может выбрать второе, оставив устранение противоречий на будущее. Жесткая критика требования непротиворечивости отрицает универсальность этого требования, применимость его в некоторых, а иногда и во всех областях рассуждений.

В частности, диалектика как особый стиль мышления, характерный для коллективистических обществ, подобных средневековому и коммунистическому, настаивает на внутренней противоречивости всего существующего и мыслимого и считает такую противоречивость основным или даже единственным источником всякого движения и развития. Для этих обществ диалектика является необходимой предпосылкой решения ими ключевых социальных проблем; индивидуалистические общества считают диалектику, постоянно тяготеющую к нарушению законов логики, интеллектуальным мошенничеством. Это означает, что рациональность коллективистического мышления, взятого с обязательными для него экскурсами в диалектику, принципиально отличается от рациональности индивидуалистического мышления,

и что в рамках каждой эпохи намечаются два типа универсальной рациональности, различающиеся своим отношением к требованиям логики.

Рациональность не оставалась неизменной на протяжении человеческой истории: в античности требования разума представлялись совершенно иначе, чем в Средние века; рациональность современного мышления радикально отличается от рациональности мышления Нового времени. Рациональность, подобно искусству, аргументации и т. д., развивается волнами, или стилями: каждой эпохе присущ свой собственный стиль рациональности, и смена эпох является, в частности, сменой характерных для них стилей рациональности³².

Сам стиль рациональности эпохи, складывающийся стихийно-исторически, укоренен в целостной ее культуре, а не в каких-то господствующих в конкретный исторический период идеях, философских, религиозных, научных или иных концепциях. Социально историческая обусловленность стилей рациональности опосредствуется стилем мышления эпохи, представляющим собой систему глобальных, по преимуществу имплицитных предпосылок мышления эпохи.

В истории рациональности отчетливо выделяются четыре основных периода ее развития, соответствующие главным этапам развития общества: античность, средние века, Новое время и современность. Первобытное мышление не является рациональным и составляет только предысторию перехода в гораздо более позднее время от мифа к логосу.

Глубокие различия между рациональностью разных исторических эпох далее будут проиллюстрированы на примере сопоставления рациональности Нового времени и современной рациональности. Многие из того, что представлялось мышлению Нового времени естественными, не вызывающими сомнений предпосылками правильного теоретизирования, современному мышлению кажется уже предрассудком.

Универсальная рациональность, остающаяся неизменной во все эпохи, очень бедна по своему содержанию. Требования рациональности, меняющейся от эпохи к эпохе, довольно аморфны, даже когда они относятся к логике. Эти требования историчны; большая их часть носит имплицитный характер: они не формулируются явно, а усваиваются как «дух эпохи», «дух среды» и т. п.

Универсальная рациональность действует только через локальную рациональность, определяющую требования к мышлению в некоторой частной области.

Характерным приемом локальной рациональности является *научная рациональность*, активно обсуждаемая в последние десятилетия и представляющая собой совокупность ценностей, норм и методов, используемых в научном исследовании.

От стихийно складывающейся научной рациональности необходимо отличать разнообразные ее экспликации, дающие более или менее полное описание эксплицитной части требований к разумному и эффективному научному исследованию. В числе таких экспликаций, или моделей, научной рациональности можно отметить индуктивистскую (Р.Карнап, М.Хессе), дедуктивистскую (К.Поппер), эволюционистскую (С.Тулмин), реконструктивистскую (И.Лакатос), анархистскую (П.Фейерабенд) и др.

Локальная научная рациональность предполагает:

- определенную систему ценностей, которой руководствуются в конкретной области мышления (в частности, в науке, философии, политике, религии, идеологии и т. д.);

- определенную систему предпочтений, определяющую, что является «лучшим» и «худшим» в научных исследованиях и их результатах;

- специфический набор методов обоснования, применяемых в конкретных областях науки и образующих особую иерархию;

- систему категорий, служащих координатами научного мышления;

- специфические правила адекватности, касающиеся общей природы рассматриваемых учеными объектов, той ясности и точности, с которой эти объекты должны описываться, строгости научных рассуждений, широты данных и т. п.;

- определенные образцы успешной научной деятельности.

Универсальная рациональность вырастает из глубин культуры своей исторической эпохи и меняется вместе с изменением культуры. Два трудных вопроса, связанных с такой рациональностью, пока остаются открытыми. Если теоретический горизонт каждой эпохи ограничен свойственным ей стилем рациональности, то может ли одна культура осмыслить и понять другую культуру? Существует ли прогресс в сфере рациональности и может ли рациональность одной эпохи быть лучше, чем рациональность другой эпохи?

О.Шпенглер, М.Хайдеггер и др. полагали, что предшествующий культуры непроницаемы и принципиально необъяснимы для всех последующих. Сложная проблема соизмеримости стилей рациональности разных эпох, относительной «прозрачности» предшествующих стилей для последующих близка проблеме соизмеримости научных теорий.

Можно предположить, что историческая объективность в рассмотрении рациональности мышления возможна лишь при условии признания преемственности в развитии мышления. Отошедший в прошлое способ теоретизирования и стиль рациональности может быть понят, только если он рассматривается с позиции более позднего и более высокого стиля рациональности. Последний должен содержать в себе, выражаясь гегелевским языком, «в свернутом виде» рациональность предшествующих эпох, представлять собой, так сказать, аккумулярованную историю человеческого мышления. Прогресс в сфере рациональности не может означать, что, например, в Средние века более эффективной была бы не средневековая рациональность, а допустим, рациональность Нового времени и тем более современная рациональность.

Если рациональность является порождением культуры своей эпохи, каждая историческая эпоха имеет единственно возможную рациональность, которой не может быть альтернативы. Ситуация здесь аналогична истории искусства: современное искусство не лучше древнегреческого искусства или искусства Нового времени.

Вместе с тем прогрессу рациональности можно придать другой смысл: рациональность последующих эпох выше рациональности предшествующих эпох, поскольку первая содержит в себе все то позитивное, что имелось в рациональности вторых. Прогресс рациональности, если он и существует, не является законом истории, точно так же, как и неуклонный прогресс в развитии науки.

2. Предпочтения, предполагаемые научным методом

Особенностью всех представлений о локальной рациональности, к какой бы области теоретизирования эти представления ни относились, является их нечеткость и неясность. Это касается и

научной рациональности, хотя в случае науки, в отличие от, скажем, медицины, существует особый раздел знания – философия науки, призванный выявлять идеалы и нормы мышления ученого.

Трудно определить, какими специфическими признаками должно обладать мышление, чтобы его можно было считать строго научным. Нет четкой границы между научными теориями и теми концепциями, которые только внешне напоминают науку, но, по сути, не относятся к ней.

Далее рассматривается один из существенных моментов научной рациональности – постоянное использование в науке *принципа упорядочения*. Поскольку научное упорядочение всегда, или почти всегда, имеет свои «верх» и «низ», относительно которых предполагается, что «верх» *лучше* «низа» и должен предпочитаться ему, это упорядочение представляет собой *иерархизацию*.

Из многообразных типов научного упорядочения можно выделить следующие основные, как кажется, его типы:

– предпочтение того истолкования истины, в соответствии с которым универсальным идеалом науки является соответствие научных положений описываемой ими реальности (истина как корреспонденция), а внутренняя согласованность утверждений (истина как когеренция), их практическая полезность и другие истолкования истины имеют лишь частное, вспомогательное значение³³;

– предпочтения, касающиеся применяемых в науке способов обоснования знания; согласно системе этих предпочтений эмпирическое обоснование предпочтительнее теоретического, а теоретическое обоснование лучше (или «надежнее») контекстуальных способов обоснования (ссылок на традицию, на признанные авторитеты, на интуицию, здравый смысл и т. п.);

– упорядоченность по принципу «лучше–хуже» типов научных теорий, ставящая *объяснительные теории* выше *описательных теорий* и, соответственно, предполагающая, что теория, не только описывающая, но и объясняющая изучаемые явления, предпочтительнее теории, дающей лишь систематическое описание и классификацию исследуемых объектов;

– предпочтение определенных типов научного объяснения, предполагающее, что объяснение на основе научного закона предпочтительнее каузального объяснения, опирающегося на выявленные причинные связи;

– система предпочтений, связанная с построением и организацией знания; эта система предполагает выделение среди научных положений, относимых к истинным, тех, которые являются просто истинными, далее, тех, которые, по выражению Л.Витгенштейна, «крепко удерживаются нами», и, наконец, тех, которые «особенно крепко удерживаются нами» и отбрасывание которых грозит разрушением определенной области научной «практики» (например, теории визуального восприятия, в случае признания ложным высказывания «Небо голубое»; физиологии, когда отбрасывается высказывание «Отрезанная голова обратно не прирастет», и т. п.);

– предпочтение определенных видов научных споров; в соответствии с такого рода предпочтениями споры в науке должны иметь, как правило, форму дискуссии (спор об истине, использующий только корректные приемы) или, в крайнем случае, форму полемики (корректный спор о ценностях), но не форму эклектики (спор об истине с использованием некорректных приемов) и тем более не форму софистики (спор, целью которого является победа, т. е. утверждение собственной системы ценностей любой ценой).

Перечисленные предпочтения связаны с самой сутью научного метода. Они не исчерпывают, конечно, всего класса тех предпочтений, которыми руководствуется в своей деятельности научное сообщество. Имеется целая система ценностей, без принятия которой деятельность научного сообщества сделалась бы хаотичной.

В частности, среди предпочтений, направляющих научную деятельность, первостепенную роль играет *реализм* – убеждение в реальном (чаще всего материальном) существовании исследуемых объектов, в том, что они независимы от ученого, не являются его конструкцией, иллюзией, фантазией и т. п. и остаются в силу этого одинаковыми для всех исследователей.

Иногда вместо термина «реализм» используется термин «объективность»: «Краеугольным камнем научного метода является постулат о том, что природа объективна» (Ж.Моно). Однако, как отмечает К.Лоренц, в «постулате объективности» содержатся на самом деле два разных постулата, один из которых относится к объекту научного поиска, а другой имеет в виду самого ученого. Прежде всего, очевидно, следует допустить материальное существование самого объекта исследования, если исследование рассчитывает иметь какой-нибудь смысл. В то же время объектив-

ность предполагает определенные, лежащие на ученом обязанности, требующие непредвзятого анализа исследуемого объекта. Эти обязанности нелегко поддаются явному определению.

Другим предпочтением является *эмпиризм* – уверенность в том, что только наблюдения и эксперименты играют решающую роль в признании или отбрасывании научных положений, включая законы и теории.

В соответствии с требованием эмпиризма, аргументация, не являющаяся эмпирической, может иметь только вспомогательное значение и никогда не способна поставить точку в споре о судьбе конкретного научного утверждения или теории.

В методологическом плане эмпиризм гласит, что различные правила научного метода не могут допускать «диктаторской стратегии»: они должны исключать возможность того, что мы всегда будем выигрывать игру, разыгрываемую в соответствии с этими правилами; природа должна быть способна хотя бы иногда нанести нам поражения.

К предпочтениям, предполагаемым научным методом, относятся далее:

– *теоретичность* – стремление придать итогам исследования особую систематическую форму, а именно форму теории, способной обеспечить объяснение (предсказание) и понимание исследуемых явлений;

– *объективность* – требование избавляться от индивидуальных и групповых пристрастий, непредвзято и без предрассудков вникать в содержание исследования, представлять изучаемые объекты так, как они существуют сами по себе, независимо от субъекта, или «наблюдателя», всегда исходящего из определенной «точки зрения»;

– *совместимость* – убеждение, что новое знание должно в целом соответствовать имеющимся в рассматриваемой области законам, принципам, теориям или, если такого соответствия нет, объяснять, в чем состоит ошибочность ранее принятых представлений;

– *адекватность* – требование давать соответствующую исследуемому фрагменту реальности картину изучаемых объектов, т. е. такую их картину, которая способна обеспечить объяснение, предсказание и понимание этих объектов;

– *критичность* – готовность подвергнуть полученные выводы критике и проверке в надежде найти ошибки, чему-то научиться на этих ошибках и, если повезет, построить более совершенную теорию;

– *открытость* – возможность свободного обмена информацией в рамках научного сообщества;

– *воспроизводимость* – повторяемость проведенных другими исследователями наблюдений и экспериментов, причем с теми же результатами, что и полученные ранее, и др.

Множество основных предпочтений, которыми руководствуется ученый, не имеет отчетливой границы, и данный их перечень не является исчерпывающим. Нет оснований сводить эти предпочтения к какому-то одному или немногим из указанных, например, к критичности (противопоставляемой принятию научных положений без радикальной критики). Именно это делает, например, К.Поппер, полагающий, что единственным критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, или опровержимость.

Соответствие указанным предпочтениям гуманитарных и подобных им наук носит иной характер, чем соответствие этим же предпочтениям естественных наук, подобных физике или химии, и социальных наук. Это касается в первую очередь требований эмпиризма, теоретичности, объективности, критичности, адекватности. Данные требования гораздо труднее реализовать в науках первого типа, чем в науках второго типа.

В частности, та степень теоретичности и объективности, которая является обычной в естественных и социальных науках, использующих временной ряд без «настоящего» и оценочный ряд без «хорошо», никогда не достигается в гуманитарных и подобных им науках, опирающихся на временной ряд с «настоящим» и предполагающих (явные или неявные) абсолютные оценки.

Допускаемые научным методом способы обоснования образуют определенную иерархию, вершиной которой является эмпирическая аргументация. Далее следует теоретическая аргументация: дедуктивная и системная аргументация, методологическая аргументация и др.

Что касается контекстуальной аргументации (ссылок на традицию, авторитеты, интуицию, веру, здравый смысл, вкус и т. п.), она считается менее убедительным, а иногда и просто сомнительным способом научного обоснования. И вместе с тем без контекстуальных, зависящих от аудитории аргументов, не способны обходиться

ни гуманитарные, ни нормативные науки, поскольку «все наше историческое конечное бытие определяется постоянным господством унаследованного от предков – а не только понятого на разумных основаниях – над нашими поступками и делами» (Х.Г.Гадамер).

Научное сообщество предпочитает описательные утверждения оценочным. Тем не менее, оценки неизбежно присутствуют в науке, рассматриваемой как конкретная человеческая деятельность, направляемая определенными ценностями.

Ученый, вынужденный допускать оценки, почти всегда предпочитает сравнительные оценки абсолютным оценкам. Особенно это заметно в случае социальных наук, которые в отличие от гуманитарных наук всегда стремятся избегать оценок с «хорошо», «плохо» и «равноценно» и используют только оценки с «лучше», «хуже» и «равноценно».

Не только общие принципы теории, но и все ее законы и даже некоторые факты ценностно нагружены. Ценности неизбежны в структуре всех теорий, как гуманитарных, так и естественнонаучных. И поскольку ценности входят в теорию, как правило, не в виде явных оценок, а в форме дескриптивно-прескриптивных утверждений, невыполнимо не только требование устранять ценности из науки, но и более слабое требование отделять содержащиеся в теории оценки от чисто описательных утверждений.

3. Предпочитаемые модели иерархизации научного знания

Целесообразно особо остановиться на предпочтениях, связанных с построением и организацией знания, на присущем науке стремлении выстраивать свои утверждения в цепочки, в которых всегда имеются «верх» и «низ», есть положения, которые должны быть приняты, положения, которые могут быть приняты, и, наконец, положения, которые ни при каких условиях не должны приниматься.

В общем случае иерархия – это расположение частей или элементов целого в порядке от высшего к низшему, с возрастающим значением и уменьшающимся числом членов. Примерами иерархий могут служить существующая в каждом обществе иерархия ценностей, принимавшаяся в Новое время иерархия наук и т. д.

Развитие научных теорий протекает между двумя крайними полюсами, одним из которых является «нормальная» наука – научная дисциплина, имеющая парадигму и занимающаяся устранением расхождений между нею и реальностью, а другим – «анархическая» наука, не опирающаяся ни на какую «образцовую» теорию и представляющая собой множество конкурирующих между собою концепций.

Наиболее отчетливые иерархии существуют в «нормальной» науке. В «анархической» науке иерархии, как правило, неустойчивы и являются разными в разных версиях одной и той же научной дисциплины.

Высшей целью науки является, как принято считать, истина, в силу чего в науке нет этически безразличных действий. Ученый вовлечен в увлекательную историю поиска истины, всякое отступление от этой максимы предосудительно.

Истина означает равенство принимаемых утверждений. Каждое утверждение или соответствует реальности, или не соответствует ей, и никаких промежуточных граней здесь нет. И вместе с тем в науке выделяются более фундаментальные и менее фундаментальные принципы и факты. В иерархизации положений науки, являющихся истинными, есть очевидные элементы мистики. Но сама эта иерархия необходима. Она является всего лишь следствием того, что наука представляет собой человеческую деятельность, разворачивающуюся, как и всякая деятельность, во времени и требующую отделения главного от второстепенного.

В середине прошлого века в науке сложилась так называемая «иерархическая модель обоснования» научных теорий. Ее основным назначением было объяснение процесса выработки *согласия* научного сообщества по важным вопросам и снятия периодически возникающих в сообществе *разногласий*.

Иерархическая модель, сторонниками которой были К.Поппер, К.Гемпель, Г.Рейхенбах и др., исходила из того, что в развитых науках имеется высокая степень консенсуса относительно базисных теоретических принципов и методов. Выделялись три уровня научного знания: *фактуальный* (нижний), *уровень, теоретический* (средний) *уровень* и *методологический* (высший) *уровень*. В последний включались правила и принципы, регулирующие отношение теории и фактов. Предполагалось, что дис-

сенсус научного сообщества относительно фактов устраняется, благодаря консенсусу в теории, а диссенсус в теории снимается консенсусом в методологии.

Иерархическая модель хорошо соответствует интуитивным представлениям ученых о развитии науки. Обычно ученому кажется, что если в научном сообществе возникли разногласия по поводу фактов, нужно обратиться к теоретическим представлениям об исследуемой области явлений, и это позволит в процессе дискуссии прийти к согласию относительно истолкования фактов. Если не удастся достигнуть консенсуса относительно теоретических положений, остается обратиться к правилам и принципам методологии и таким способом устранить диссенсус.

Несмотря на всю привлекательность иерархической модели, в последние десятилетия она подвергается все более настойчивой критике. Прежде всего, обнаружилось, что между фактическим и теоретическим знанием нет ясной границы. Факты теоретически нагружены, каждая теория является одновременно и объяснением фактов, и их истолкованием, т. е. приданием им определенного смысла. Далее, постепенно было выявлено, что методологические нормы и правила не являются чем-то константным – они исторически изменчивы.

Эти два обстоятельства заставили отказаться от иерархической модели. Снова оказался открытым вопрос о том, благодаря чему во многих научных дисциплинах длительные периоды царит консенсус, а если возникает диссенсус все же возникает, он довольно быстро устраняется.

Были предложены новые, более тонкие истолкования иерархизации положений научных теорий.

В частности, Л.Лаудан модифицировал иерархическую модель, объединив в один уровень эмпирическое и теоретическое знание. В фактуальное входят «не только утверждения о непосредственно наблюдаемых событиях, но и утверждения о том, что происходит в мире, в том числе и утверждения о теоретических и ненаблюдаемых сущностях»³⁴. Консенсус научного сообщества реализуется на трех уровнях: фактуальном, методологическом и аксиологическом. Дискуссии относительно эмпирических данных и фактов, а также теорий, принимаемых научным сообществом, являются, таким образом, «фактуальными разногласиями» и «фак-

туальным консенсусом». К методологическому уровню относятся регулятивные правила и предписания, определяющие стратегию и тактику принятия научным сообществом фактов и теорий. Эти правила и предписания исторически изменчивы, в силу чего возможны споры об их эффективности. Аксиологический уровень определяет фундаментальные цели и ценности научного познания. Предполагается, что фактуальные разногласия устраняются на методологическом уровне, а методологические разногласия – на аксиологическом уровне.

Однако эта модификация иерархической модели не принимает во внимание того, что споры возможны не только относительно фактов и теорий, но и по поводу понимания целей и ценностей науки. Кроме того, предполагается, что нельзя решить разногласия на более низком уровне, не имея консенсуса на более высоком уровне.

Учитывая это, Лаудан позднее отверг и модифицированную иерархическую модель, а вместо нее предложил «сетчатую модель» научной рациональности. «Сетчатая модель, – пишет он, – очень отличается от иерархической модели, так как показывает, что сложный процесс обоснования пронизывает все три уровня научных состояний. Обоснование течет как вверх, так и вниз по иерархии, связывая цели, методы и фактуальные утверждения. Не имеет смысла далее трактовать какой-либо из этих уровней как более привилегированный или более фундаментальный, чем другие. Аксиология, методология и фактуальные утверждения неизбежно переплетаются в отношениях взаимной зависимости»³⁵.

Имеются и другие концепции упорядочения утверждений научных теорий. Эти концепции конкурируют между собою, и ни о каком более или менее единодушном принятии какой-то из них, напоминающем признание иерархической модели, не может быть и речи. Проблема иерархизации научных утверждений и связанный с нею вопрос о путях достижения консенсуса в науке остаются, таким образом, открытыми.

4. Предпочитаемые способы обоснования научных утверждений

Остановимся на предпочтениях, касающихся способов обоснования научных положений³⁶.

Оставляя в стороне так называемые «формальные науки» (логику и математику), процедуры обоснования в которых весьма своеобразны, основные особенности научного обоснования можно свести вкратце к следующему:

– предпочитается обоснование научных положений в рамках научного сообщества, или коллектива исследователей, занимающихся конкретной областью знания: научное сообщество способно критически оценить результаты исследования;

– предпочитают положения и теории, имеющие обоснование; ни одно положение и ни одна теория не принимается в науке без обоснования;

– предпочитается обоснование, направленное не только на подтверждение нового положения или теории, но и на его опровержение; процесс обоснования представляет собой преимущественно критику выдвинутого положения, поиск уязвимых его мест; только положения или теории, выдержавшие всесторонний критический натиск, имеют право быть принятыми в качестве научных; сколь бы очевидным ни представлялось то или иное научное положение или теория, открытая или неявная их критика никогда не прекращается;

– предпочитается считать, что научное знание является по своей природе предположительным, гипотетичным, независимо от того, насколько надежными кажутся в конкретный момент времени те основания, на которые оно опирается; процесс обоснования научных положений является, в сущности, бесконечным; научное обоснование повышает вероятность обосновываемого положения и приближает его к истине настолько, насколько это вообще возможно в данный период времени и на конкретном этапе исследования определенного круга явлений; рано или поздно любое научное утверждение или система таких утверждений подвергается пересмотру, уточнению, ограничению сферы своего действия или даже замене другим, представляющей более адекватным утверждением или теорией;

– предпочитается, чтобы ключевую роль в научном обосновании играл опыт, или эмпирическое обоснование; при этом считается, что не только теоретическое знание по своей природе гипотетично и никогда не станет абсолютно надежным, но и те эмпирические данные, что лежат в его основании, также гипотетичны и периодически требуют пересмотра и нового подтверждения; сам по себе опыт, взятый вне контекста теоретического обоснования и независимо от тех традиций, авторитетов, верований, вкусов и т. п., которые разделяет научное сообщество, не способен обеспечить твердое основание для принятия даже тех утверждений, которые, как представляется, непосредственно опираются на эмпирические данные; не только теоретическое знание по своей природе гипотетично и никогда не станет абсолютно надежным, но и те эмпирические данные, что лежат в его основании, также гипотетичны и периодически требуют пересмотра и нового подтверждения; в научном сообществе господствует убеждение, что хотя конечной целью научной теории является соответствие предлагаемого ею описания реальности, результатом обоснования является не истина, а убеждение в приемлемости обосновываемого положения; научная истина только постепенно вырастает из научного убеждения и всегда сохраняет в себе элемент гипотетичности, предположительности;

– не выделяются никакие особые, характерные только для науки способы обоснования; в научном обосновании используется все те стандартные приемы обоснования, которые применяются в других областях;

– вместе с тем научный метод предполагает определенную систему, способов обоснования: эмпирическое обоснование предпочтительнее обоснования путем ссылки на другие, уже принятые положения; теоретическое обоснование выдвигаемого положения предпочтительнее обоснования этого положения путем ссылки на сложившиеся традиции, принятые авторитеты, интуицию, здравый смысл, вкус, моду и т. п.;

– обоснование в естественных науках (науках о природе) существенным образом отличается от обоснования в социальных и гуманитарных науках (науках о культуре), хотя и в естественных, и в социальных и гуманитарных науках применяются все стандартные способы обоснования, начиная со ссылки на опыт и на иные, уже обоснованные положения и заканчивая аргументами к классике, интуиции и т. п.

В частности, контекстуальная аргументация применяется и в естественных науках, что нетрудно обнаружить, если рассматривать эти науки не в статике (как они излагаются в учебниках), а в процессе их развития. Аргументы к научной традиции, к классике, к интуиции, к здравому смыслу и т. п. вполне приемлемы на начальных этапах развития естественнонаучных теорий.

В науке фактически используются любые приемы аргументации, не исключая даже некорректных приемов. Ученый начинает, однако, со стандартных приемов корректной научной аргументации и старается не отступать от них до тех пор, пока к этому его не вынудят обстоятельства, в частности аудитория. При этом эмпирические аргументы оцениваются выше теоретических, а теоретические – выше контекстуальных. Обращение же к таким приемам, как скажем, пропаганда или угроза принуждением, хотя они также могут иногда применяться в науке, более поздними исследователями не оцениваются как использование подлинно научных аргументов.

Научный метод не содержит правил, не имеющих или в принципе не допускающих исключений. Все его правила условны и могут нарушаться даже при выполнении их условия. Любое правило может оказаться полезным при проведении научного исследования. Точно так же любой прием аргументации может оказать воздействие на убеждения научного сообщения.

Но из этого не следует, что все реально используемые в науке методы исследования и приемы аргументации равноценны и безразлично, в какой последовательности они используются.

5. Объективное versus субъективное

Под объективностью обычно понимается независимость суждений, мнений, представлений и т. п. от познающего субъекта, его взглядов, интересов, вкусов, предпочтений и т. д. Противоположностью объективности является субъективность.

Объективность означает способность непредвзято и без предубеждений вникать в содержание дела, представлять объект так, как он существует сам по себе, независимо от субъекта. Под субъектом понимается как индивид, так и консолидированная группа лиц (на-

пример, научное сообщество, церковь и т. п.), общество, целостная культура, человечество. Объективность предполагает освобождение от «наблюдателя», выносящего суждение о мире и всегда исходящего из определенной «точки зрения».

Абсолютная объективность недостижима ни в одной области, включая научное познание. Тем не менее, идеал объективного знания – одна из наиболее фундаментальных ценностей науки. Объективность исторична: мнения, представлявшие объективными в одно время, могут оказаться субъективными в другое.

Неопозитивисты вместо понятия объективности знания обычно употребляли понятие *интерсубъективности*. Это понятие вводилось, как кажется, именно с целью заменить весьма сложное понятие объективности чем-то более простым и легче поддающимся анализу. Принято было говорить об интерсубъективности языка, интерсубъективности понятий, интерсубъективности знания, интерсубъективности подтверждения и т. п.

Неопозитивизм выводил из идеи интерсубъективности знания требование исключать из науки любые оценки (и нормы), всегда являющиеся субъективными. С разложением неопозитивизма понятие интерсубъективности отошло на второй план, а требование избегать оценок в научном знании, и в частности в социальных и гуманитарных науках, стало подвергаться все более резкой критике. Очевидно, что человеческая деятельность невозможна без оценок. Науки, изучающие человека и общество и ставящие задачу совершенствования человеческой деятельности, должны формулировать или предполагать те или иные оценки. Речь нужно вести не об устранении оценок, которое в этих науках в принципе нереально, а в обосновании их объективности или хотя бы их интерсубъективности.

Одним из «классических» предрассудков, по инерции разделяемых современной эпистемологией, является отождествление объективности с истинностью. Интерсубъективность рассматривается как ступень, ведущая от субъективного к объективному. При этом оказывается, что интерсубъективными способны быть только описания и экспрессивы, но не оценки и директивы.

На самом деле граница между интерсубъективным и субъективным не совпадает с границей между пассивными и активными употреблениями языка. Не только описания, но и оценки способны быть интерсубъективными, хотя и в более слабом смысле, чем описания.

Всякое описательное утверждение включает четыре части: субъект (лицо, или сообщество, дающее описание), предмет (описываемая ситуация), основание (точка зрения, в соответствии с которой производится описание) и характер (указание на истинность или ложность описания). Оценочное утверждение содержит четыре аналогичные части: субъект, предмет оценки, основание оценки и характер оценки (указание на абсолютную или сравнительную ценность предмета оценки).

В случае описательных утверждений предполагается, что основания всех таких утверждений тождественны: если оцениваться объекты могут с разных позиций, то описываются они всегда с одной и той же точки зрения. Предполагается также, что какому бы субъекту ни принадлежало описание, оно остается одним и тем же. Отождествление оснований и субъектов описаний составляет основное содержание идеи интерсубъективности знания.

Оценки могут принадлежать разным субъектам, один из которых может оценивать какую-то ситуацию как хорошую, а другой – как безразличную или плохую. Оценки «Хорошо, что А» и «Плохо, что А», принадлежащие двум разным субъектам, не противоречат друг другу. Описания же «Истинно, что А» и «Ложно, что А» противоречат друг другу, даже если они принадлежат разным субъектам.

Далее, оценки одного и того же предмета, даваемые одним и тем же субъектом, могут иметь разные основания. Выражения «Хорошо, что А, с точки зрения С» и «Плохо, что А, с точки зрения В» не противоречат друг другу, даже если они принадлежат одному и тому же субъекту. Субъекты и основания разных оценок не могут быть отождествлены.

Это означает, что оценки являются интерсубъективными только в ином, более слабом, смысле, чем описания. Именно это имеет в виду М.Хайдеггер, когда говорит в «Письме о гуманизме», что «оценка всегда субъективирует»

В зависимости от того, какое из языка употреблений имеется в виду, можно говорить об объективности описаний, объективности оценок и объективности художественных образов (в последних ярко выражаются экспрессивная и оректическая функции языка).

Объективность описаний можно охарактеризовать как степень приближения их к истине. Объективность оценок связана с их эффективностью, являющейся аналогом истинности описательных

утверждений и указывающей, в какой мере оценка способствует успеху предполагаемой деятельности. Эффективность устанавливается в ходе обоснования оценок (и, прежде всего, – их целевого обоснования), в силу чего объективность оценок иногда, хотя и совершенно неправомерно, отождествляется с их истинностью.

В науках о культуре можно выделить три разных типа объективности. Объективность социальных наук (экономическая наука, социология, демография и др.) не предполагает понимания изучаемых объектов на основе опыта, переживаемого индивидом; она требует использования сравнительных категорий и исключает «я», «здесь», «теперь» («настоящее») и т. п. Объективность гуманитарных наук (история, антропология, лингвистика и т. п.), напротив, опирается на систему абсолютных категорий и понимание на основе абсолютных оценок. И, наконец, объективность нормативных наук (этика, эстетика, искусствоведение и т. п.), также предполагающая систему абсолютных категорий, совместима с формулировкой явных оценок, и в частности явных норм.

В эпистемологии XVII–XVIII вв. господствовало убеждение, что объективность, обоснованность и тем самым научность необходимо предполагают истинность, а утверждения, не допускающие квалификации в терминах истины и лжи, не могут быть ни объективными, ни обоснованными, ни научными. Данное убеждение было связано в первую очередь с тем, что под наукой имелись в виду только естественные науки; социальные и гуманитарные науки считались всего лишь «преднауками», существенно отставшими в своем развитии от наук о природе.

Сведение объективности и обоснованности к истине опиралось на убеждение, что только истина, зависящая лишь от устройства мира и потому не имеющая градаций и степеней, являющаяся вечной и неизменной, может быть надежным основанием для знания и действия. Там, где нет истины, нет и объективности, и все является субъективным, неустойчивым и ненадежным. Все формы отражения действительности характеризовались в терминах истины: речь шла не только об «истинах науки», но и об «истинах морали» и даже об «истинах поэзии». Добро и красота оказывались в итоге частными случаями истины, ее «практическими» разновидностями.

Редукция объективности к истинности имеет своим следствием сведение всех употреблений языка к описанию: только оно может быть истинным и, значит, надежным. Все другие употребления языка – оценка, норма, обещание, декларация, экспрессив, оректив, предостережение и т. д. – рассматриваются как замаскированные описания.

Не только описания, но и оценки, нормы и т. п. могут быть обоснованными или необоснованными. Действительная проблема, касающаяся социальных и гуманитарных наук, всегда содержащих явные или неявные оценочные утверждения (в частности, двойственные, описательно-оценочные высказывания), состоит в том, чтобы разработать надежные критерии обоснованности и, значит, объективности такого рода утверждений и изучить возможности исключения необоснованных оценок. Оценивание всегда субъективизирует, в силу чего науки о культуре отстоят дальше от идеала объективности, чем науки о природе. Вместе с тем без такого рода субъективизации и тем самым отхода от объективности невозможна деятельность человека по преобразованию мира.

В естественных науках также имеются разные типы объективности. В частности, физическая объективность, исключая телеологические (целевые) объяснения, явным образом отличается от биологической объективности, обычно совместимой с такими объяснениями; Объективность космологии, предполагающей «настоящее» и «стрелу времени», отлична от объективности тех естественных наук, законы которых не различают прошлого и будущего.

Идеалом науки, представляющейся сферой наиболее эффективного преодоления субъективности, является окончательное освобождение от «точки зрения», с которой осуществляет рассмотрение некоторый «наблюдатель», описание мира не с позиции того или другого индивида, а «с ничьей точки зрения» (Э.Кассирер). Этот идеал никогда не может быть достигнут, но наука постоянно стремится к нему, и это стремление движет ее вперед.

Имеется существенное различие между субъективностью описаний и субъективностью оценок: первым удается, как правило, придать большую объективность, чем вторым. Это связано, прежде всего, с тем, что в случае описаний всегда предполагается, что их субъекты совпадают, так же как и их основания; оценки же

могут не только принадлежать разным субъектам, но и иметь разные основания в случае одного и того же субъекта. В этом смысле оценки всегда субъективны.

Субъективность оценивания нередко истолковывается односторонне, вплоть до требования исключать любые оценки из гуманитарных и социальных наук (наук о культуре). Как требование освобождения наук о культуре от оценок, так и пожелание отделения в этих науках оценок от описаний утопичны. Речь может идти только о необходимости тщательного обоснования оценок, уменьшения их субъективности в той мере, в какой это возможно, и исключении необоснованных, заведомо субъективных оценок.

Приемы снижения субъективности оценок являются теми же, что и в случае описаний: отказ от личных и групповых пристрастий, стремление рассматривать все объекты с одной и той же точки зрения, критический анализ господствующих ценностей и т. д. Описания никогда не достигают идеала полной объективности; тем более нельзя требовать этого от оценок.

«Всякое оценивание, – пишет М.Хайдеггер, – даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Оно предоставляет существу не быть, а, на правах объекта оценивания, всего лишь считаться. Когда бога, в конце концов, объявляют «высшей ценностью», то это – принижение божественного существа. Мышление в ценностях здесь и во всем остальном – высшее святотатство, какое только возможно по отношению к бытию»³⁷. Хайдеггер призывает «мыслить против ценностей» с тем, чтобы, сопротивляясь субъективации сущего до простого объекта, открыть для мысли просвет бытийной истины: «... из-за оценки чего-либо как ценности оцениваемое начинает существовать просто как предмет человеческой оценки. Но то, чем нечто является в своем бытии, не исчерпывается предметностью, тем более тогда, когда предметность имеет характер ценности»³⁸.

Пожелание Хайдегера не претендовать на установление универсальной, охватывающей все стороны человеческого существования иерархии ценностей и даже избегать по мере возможности оценок того, что лежит в самой основе социальной жизни, является в известной мере оправданным. Глубинные основы социального существования в каждый конкретный период истории воспринимаются и переживаются человеком, живущим в это время, как

непосредственная данность, т. е. как нечто объективное. Попытка вторгнуться в эти основы с рефлексией и оценкой лишает их непосредственности и субъективирует их, поскольку всякая оценка субъективна.

Но есть, однако, и другая сторона дела. Социальная жизнь, как и жизнь отдельного человека, представляет собой процесс непрерывных перемен, причем перемен, являющихся во многом результатом самой человеческой деятельности. Никакая деятельность не является возможной без оценок. И потому она невозможна без связанной с оценками субъективации мира и превращения сущего в тот «просто́й объект», который может быть преобразован человеком.

Человек не должен субъективировать все подряд, иначе «истина бытия» перестанет ощущаться им, и он окажется в зыбком мире собственной рефлексии и фантазии. Вместе с тем, человек не может не действовать, и значит, не может не оценивать и не разрушать объективное. Мысли, идущей наперекор ценности, он постоянно противопоставляет мышлению в ценностях.

Проблема не в исключении одного из этих противоположно направленных движений мысли, а в их уравнивании, в таком сочетании объективации и субъективации мира, которое требуется исторически конкретными условиями человеческого существования.

6. Предпочтения и классификация наук

В заключение используем противопоставление абсолютных и сравнительных оценок (предпочтений) для классификации наук и, прежде всего, для подразделения их на науки о природе и науки о культуре. Последние делятся на гуманитарные, социальные и нормативные науки. Особенность гуманитарных наук в том, что в них используются абсолютные оценки. Специфика социальных наук в том, что в их утверждениях фигурируют только сравнительные оценки, говорящие не о том, что должно быть в мире культуры, а о том, чему лучше быть в социальной жизни.

Общая тенденция философии XX в. – повышенное внимание ко времени, имеющему направление и связанному с изменчивостью мира, с его *становлением*. Эта тенденция была совершенно

чуждой логическому позитивизму, ориентировавшемуся на естественные науки (и, прежде всего, на физику), истолковывающие существование как устойчивое, повторяющееся одно и то же *бытие*.

Противопоставление становления как постоянного, охватывающего все в мире изменения, неподвижному, не допускающему появления принципиально новых объектов и явлений бытию берет свое начало в античной философии.

Гераклит растворял бытие в становлении и представлял мир как становящееся, текучее, вечно изменчивое целое. Парменид, напротив, считал становление кажимостью и подлинное существование приписывал только бытию. В онтологии Платона вечно существующий умопостигаемый мир является парадигмой для вечно становящегося чувственно воспринимаемого мира. Аристотель, отказавшийся от бытия в форме особого мира идей, придал становлению характер направленности.

Описание мира как становления предполагает особую систему категорий, отличную от той, на которой основывается описание мира как бытия.

Единая категориальная система мышления распадается на две системы понятий. В первую из них входят *абсолютные понятия*, представляющие свойства объектов, во вторую – *сравнительные понятия*, представляющие отношения между объектами. Абсолютные категории можно назвать, универсализируя терминологию, введенную Дж. Мак-Таггартом для обозначения двух типов времени, *A-понятиями*, сравнительные категории – *B-понятиями*.

Существование как свойство – это становление (возникновение или исчезновение); существование как отношение – это бытие, которое всегда относительно («А более реально, чем В»).

Время как свойство представляется динамическим временным рядом «было – есть – будет» («прошлое – настоящее – будущее») и характеризуется направленностью, или «стрелой времени»; время как отношение представляется статическим временным рядом «раньше – одновременно – позже» и не имеет направления.

Пространство как свойство – это «здесь» или «там»; пространство как отношение – это выражения типа «А дальше В», «А совпадает с В» и «А ближе В».

Изменение как свойство передается понятиями «возникает», «остается неизменным» и «исчезает»; изменению как отношению соответствует «А преобразуется (переходит) в В».

Определенность существующего, взятая как свойство, передается рядом «необходимо – случайно – невозможно»; определенность как отношение передается выражением «А есть причина В».

Добро в качестве свойства – это ряд «хорошо – безразлично – плохо»; добро как отношение – это ряд «лучше – равноценно – хуже».

Истина как свойство передается понятиями «истинно – неопределенно – ложно», как отношение – выражением «А более вероятно, чем В», и т. д.

За каждой из двух категориальных систем стоит особое видение мира, свой способ его восприятия и осмысления.

Отношение между абсолютными и сравнительными категориями можно уподобить отношению между обратной перспективой в изображении предметов, доминировавшей в средневековой живописи (и в более поздней иконописи), и прямой перспективой «классической» живописи нового времени: обе системы внутренне связаны, цельны и самодостаточны; каждая из них, будучи необходима в свое время и на своем месте, не лучше и не хуже другой.

Если категории – это очки, через которые человек смотрит на мир, то наличие двух подсистем категорий говорит о том, что у человека есть очки для ближнего видения, связанного с действием (абсолютные категории), и очки для дальнего, более абстрактного и отстраненного видения (сравнительные категории).

Вопрос о том, зачем необходима не одна, а две системы категорий, дополняющие друг друга, остается открытым. Вместе с тем очевидно, что бинарная оппозиция «становление – бытие» является центральной оппозицией теоретического мышления.

Видение мира как становления и видение его как бытия имеют в философии своих сторонников и противников. Склонность отдавать предпочтение восприятию мира как потока и становления можно назвать *аристотелевской* традицией в теоретическом мышлении; выдвигание на первый план описания мира как бытия – *платоновской* традицией.

В русле первой из этих традиций идут гуманитарные науки (наука исторического ряда, лингвистика, индивидуальная психология и др.), а также нормативные науки (этика, эстетика, искусствоведение и др.); к этому же направлению относятся и те естественнонаучные дисциплины, которые занимаются изучением истории исследуемых объектов и – эксплицитно или имплицитно – предпо-

лагают «настоящее». Остальные естественные науки, включая физику, химию и др., ориентируются преимущественно на представление мира как постоянного повторения одних и тех же элементов, их связей и взаимодействий. Социальные науки (экономическая наука, социология, социальная психология и др.) также тяготеют к использованию сравнительных категорий.

Разница между науками, использующими абсолютные категории (науками о становлении), и науками, опирающимися на систему сравнительных категорий (науками о бытии), не совпадает, таким образом, с границей между гуманитарными и социальными науками (или науками о культуре), с одной стороны, и естественными науками (науками о природе), с другой.

Иногда утверждается, что сравнительные категории более фундаментальны, чем абсолютные категории, и что вторые сводимы к первым. В частности, неопозитивизм, предполагавший редукцию языка любой науки к языку физики, настаивал на субъективности абсолютных категорий и необходимости замены их сравнительными категориями. С другой стороны, сторонники феноменологии и экзистенциализма подчеркивали, что человеческое измерение существования передается именно абсолютными, а не сравнительными категориями. Например, М.Хайдеггер высказывался против «неподлинного» понимания времени (а тем самым и бытия) в терминах сравнительных категорий и называл «физически-техническое» В-время «вульгарным» временем. Ранее А.Бергсон абстрактному времени (физической) науки противопоставлял истинное, конкретное время («длительность»), являющееся, в сущности, А-временем.

Философия Нового времени долгое время тяготела к описанию мира в терминах сравнительных категорий. Но затем у А.Шопенгауэра, С.Кьеркегора, А.Бергсона, в философии жизни и более явственно в феноменологии и экзистенциализме на первый план вышли абсолютные категории и в первую очередь А-время с его «настоящим», лежащим между «прошлым» и «будущим», и «стрелой времени». В русле старой традиции продолжал двигаться, однако, неопозитивизм, настаивавший на использовании во всех науках, включая и гуманитарные науки, только «объективных», не зависящих от точки зрения сравнительных категорий, и в частности временного ряда «раньше – одновременно – позже».

7. Основные предпочтения «классической» науки Нового времени

До сих пор речь шла о предпочтениях, доминирующих в современном научном мышлении. В заключение целесообразно было бы сопоставить современную систему научных предпочтений с той системой предпочтений, которая господствовала на предыдущем этапе развития науки, т. е. с основными предпочтениями науки Нового времени.

Научные предпочтения меняются со временем. На рубеже смены исторических эпох в системе научных предпочтений происходит буквально-таки революция.

Не существует беспредпосылочного мышления, мышления, ничего не предполагающего и никаким горизонтом не ограниченного. Мышление всегда исходит из определенных предпосылок, эксплицитных и имплицитных, анализируемых и принимаемых без всякого исследования. Однако с течением времени эти предпосылки, т. е. то, что автоматически ставится перед посылками всякого рассуждения, естественным образом меняются. Новый социально-исторический контекст навязывает новые предпосылки, и они, как правило, оказываются несовместимыми со старыми. И если последние продолжают все-таки удерживаться, они превращаются в оковы мышления, в *предрассудки*: выше разума ставится то, что он способен уже не только осмыслить, но и подвергнуть критике.

Чтобы лучше понять исторический характер всякой системы научных предпочтений и в особенности своеобразие той системы предпочтений, которая лежит в основе современной науки, сравним современные научные предпочтения с предпочтениями, на которые опиралась наука Нового времени, или, как ее часто называют, «классическая», наука.

В истории нет надвременной или вневременной позиции, с которой предшествующие эпохи могли бы оцениваться совершенно беспристрастно. Тем не менее, можно сказать, что чем дальше в прошлое уходит какая-то эпоха, тем больше вероятность исторически объективного суждения о ней.

Особый интерес к изучению «классического» мышления Нового времени связан с тем, что ряд его предпочтений присущ и современному мышлению. Последнее представляет собой истори-

чески недавнее образование. Оно еще не вполне ушло от прошлого и не совсем освободилось от того, что можно было бы назвать «родимыми пятнами» в целом уже преодоленного стиля мышления Нового времени.

«Классическими» *предрассудками* можно назвать те общие схемы мышления, которые сложились в рамках «классического» стиля мышления и которые с течением времени оказались не совместимыми с современной наукой. Вместе с тем, «классические» *предрассудки* – это одновременно и те схемы, которые и сейчас нередко воспринимаются как «классика» всякого мышления, совершенно независимая от времени. Это то, что ставится перед рассуждением («перед рассудком») и определяет его общее направление, но также и то, что из необходимой и естественной в свое время предпосылки мышления успело превратиться в сковывающий его *предрассудок*.

Таким образом, анализ «классического» мышления является в определенном смысле также критикой современного стиля мышления, а именно критикой тех его черт, которые инородны для него, но которые оно по инерции продолжает разделять с «классическим» мышлением.

Несмотря на особый интерес к «классическому» мышлению, пока нет его целостной и связной картины. Обычно речь идет об отдельных, слабо связанных между собой его чертах, важное не отделяется от второстепенного, а то и просто недолговременного и случайного.

Ф.Ницше, резко критиковавший «классическое» мышление Нового времени, в конечном счете, свел всю его специфику к объективизму, отождествлению истины и метода, приоритету истины над ценностью и к фундаментализму в форме поиска окончательных, абсолютно твердых оснований для знания и действия³⁹.

Э.Гуссерль, считавший господство «классического» мышления причиной кризиса «европейского человечества», выделял в качестве характерных особенностей этого стиля только дуализм и редукционизм, проявившиеся в отрыве науки от «жизненного мира» и обыденного мышления, в попытках сведения духа к природе, гуманитарных наук – к естественным⁴⁰.

М.Хайдеггер, относивший начало «классического» способа теоретизирования персонально к Декарту (хотя этот способ начал складываться еще в период Возрождения), сводил «классику» к

объективизму с его резким и прямолинейным противопоставлением объекта и субъекта, к пренебрежению ценностями и ценностными аспектами человеческого бытия и познания⁴¹.

Однако стиль научного мышления каждой эпохи представляет собой не набор некоторых «специфических», взятых в изоляции друг от друга черт, а систему связанных во многих плоскостях элементов, взаимно обуславливающих и взаимно отражающих смыслы друг друга. Только представление способа научного теоретизирования как единой, динамичной системы, как «исторического организма» способно показать его укорененность в культуре эпохи, выявить его противоречивость, объяснить неожиданную на первый взгляд смену одного способа научного видения мира другим и установить преемственность между внешне противоположными стилями научного теоретизирования.

Намечаемые далее характерные особенности системы предпочтений науки Нового времени это, в сущности, только начало изучения данной сложной темы.

В числе «классических» научных предпочтений следует, прежде всего, выделить *антиавторитарность*, *фундаментализм* и *кумулятивизм*.

Мир Нового времени – это сконструированный по научному образцу, ясный, математически выверенный мир, «застывшее отражение познающего духа» (О.Шпенглер).

«Классическое» мышление подчеркнуто антиавторитарно. Оно предпочитает отсутствие каких-либо авторитетов и не предполагает никакого канонического круга идей в качестве образца научного анализа. Самостоятельность аргументации ставится выше ученического следования чужим мнениям; авторитет разума, ориентирующегося на исследование природы, – выше авторитета письменного источника. В этом плане Новое время резко противопоставляет себя средневековому («схоластическому») мышлению.

Антиавторитарная направленность несовместима с комментаторством, подчеркнутым ученичеством, программным отказом от новаторства, стремлением к анонимности, характерными для схоластики. В Новое время с особой остротой встает вопрос о приоритете в открытиях и изобретениях. Споры о приоритете иногда затягиваются на десятилетия.

Однако, несмотря на постоянно декларируемую оппозицию схоластике, «классическое» мышление продолжает разделять целый ряд важных ее черт, отвергаемых современной научным мышлением.

Прежде всего – это фундаментализм, уверенность в том, что всякое («подлинное») знание может и должно со временем найти абсолютно твердые и неизменные основания.

Фундаментализм средневекового мышления основывался на вере в истинность и полноту божественного откровения. В «классическом» мышлении возможность твердых оснований опиралась на убеждение в особой надежности данных чувственного познания или определенных истин самого разума⁴².

Еще одной чертой, объединяющей «классическую» и схоластическую аргументацию, является кумулятивизм: познание уподобляется процессу бесконечного надстраивания здания, постоянно растущего вверх, но никогда радикально не переделываемого.

Кумулятивизм очевидным образом предполагает фундаментализм, ибо знание не может неограниченно надстраиваться над своим базисом, если оно не опирается на безусловно надежный фундамент. С кумулятивизмом тесно связана идея постепенности всякого движения и развития, в частности идея последовательного, шаг за шагом приближения к истине: накопление знаний все более приоткрывает завесу над истиной, которая мыслится как предел такого «бесконечного приближения».

Устойчивости убеждения в существовании абсолютного оправдания и абсолютных оснований теорий во многом способствовала математика, создававшая, как отмечает И.Лакатос, иллюзию раз и навсегда обоснованного знания. Математика ошибочно истолковывалась также как образец строгого кумулятивизма⁴³.

С дробным, «атомистическим» представлением о мире и знании была связана свойственная «классическому» мышлению убежденность во всеобщей определенности, в том, что всякий объект может быть достаточно строго очерчен и ясно отграничен от других объектов. Этим объяснялись бесконечные поиски определений и вера в их особую, если не исключительную, роль в науке.

Но еще Б.Паскаль отмечал, что невозможно определить все, точно так же, как невозможно доказать все. Определение сводит неизвестное к известному, не более того. Оно всегда предполагает, что есть вещи, известные без всякого определения и разъяснения;

будучи ясными сами по себе, они меньше всего нуждаются в определении. Само собой понятное и очевидное не следует определять: определение лишь затемнит его.

Определения действуют в весьма узком интервале. С одной стороны, он ограничен тем, что признается очевидным и не нуждающимся в особом разъяснении, сведении к чему-то еще более известному и очевидному. С другой стороны, область успешного применения определений ограничена тем, что остается пока еще недостаточно изученным и понятным, чтобы дать ему точную характеристику. В частности, ключевые понятия научных дисциплин («доказательство» – в логике, «множество» – в математике, «вид» – в биологии и т. п.) вообще не допускают однозначного определения.

Еще один «классический» предрассудок – стремление к всеобщей математизации. Этот «предрассудок» остается пока еще весьма влиятельным в современной науке. Математизированное знание все еще считается заведомо более предпочтительным, чем знание, не использующее в своем изложении математику. В основе данного «предрассудка» лежит старое убеждение, что в каждой науке столько знания, сколько в ней математики, и что все науки, включая гуманитарные, требуют внедрения математических идей и методов.

Нет достоверности там, говорил еще Леонардо да Винчи, где нельзя применить одну из математических наук, или у того, что не может быть связано с математикой⁴⁴. В частности, Леонардо отмечал, что в живописи больше научности, чем в поэзии, поскольку живопись использует математически выверенную систему перспективы. Г.Галилей был твердо убежден, что «книга природы написана на языке математики» и что этот язык представляет собой универсальный язык науки. До сих пор повторяется как нечто само собой разумеющееся, что наука «только тогда достигает совершенства, когда ей удастся пользоваться математикой» (К.Маркс).

Типичный «классический» предрассудок – сведение обоснованности к истинности.

Предполагалось, что только истина, зависящая лишь от устройства мира и потому не имеющая градаций и степеней, являющаяся вечной и неизменной, может быть надежным основанием для знания и действия. Там, где нет истины, нет и обоснованности,

и все является субъективным, неустойчивым, ненадежным. Все формы отображения действительности должны характеризоваться в терминах истины. В Новое время речь шла не только об «истинах морали», но даже об «истинах поэзии» и «истинах чувства». Добро и красота оказывались в итоге частными случаями истины, ее «практическими» разновидностями.

Редукция объективности и обоснованности к истинности имела одним из своих следствий сведение всех употреблении языка к описанию: только оно может быть истинным и, значит, надежным. Все другие употребления языка – оценка, норма, обещание, декларация, экспрессив, оректив, упрек, предостережение и т. д. – представлялись всего лишь замаскированными описаниями или объявлялись просто случайными для функционирования языка, поскольку они всегда субъективны и ненадежны.

Если считать, что обоснованными или необоснованными могут быть только описательные утверждения, способные быть истинными или ложными, встает вопрос об исключении из языка науки всего, что не относится к описаниям. В конце XIX в. позитивисты объединили разнообразие не описательные утверждения под общим именем «оценок» и потребовали решительного исключения всех «оценок» из языка науки. Одновременно представители философии жизни, стоявшей в оппозиции позитивизму, подчеркнули важность «оценок» для процесса человеческой жизнедеятельности и неустранимость их из языка социальной философии и всех социальных наук.

Этот спор об «оценках» продолжается по инерции и сейчас. Однако очевидно, что если социальные и гуманитарные науки не будут содержать никаких рекомендаций, касающихся человеческой деятельности, целесообразность существования таких наук станет сомнительной. Экономическая наука, социология, политология, история, лингвистика, психология и т. п., перестроенные по образцу физики, в которой нет субъективных и потому ненадежных «оценок», бесполезны.

Не только описания, но и оценки, нормы и т. п. могут быть обоснованными или необоснованными. Действительная проблема, касающаяся социальных и гуманитарных наук, всегда содержащих оценочные утверждения, состоит в том, чтобы разработать надежные критерии обоснованности такого рода утверждений и изучить возможности исключения необоснованных оценок.

Уже это краткое перечисление особенностей системы научных предпочтений Нового времени показывает, насколько существенно она отличается от современного стиля научного мышления. Современная система научных предпочтений является принципиально иной, чем система тех предпочтений, которые господствовали в «классическом» мышлении.

В духе сопоставления стилей теоретического мышления разных эпох, можно провести аналогию между стилями искусства разных исторических эпох, или стилями художественного мышления. Современное искусство – в особенности модернизм – находится, как известно, в резкой оппозиции к «классическому» искусству Нового времени. И одновременно современное искусство прямо высказывается о своей близости с архаическим искусством⁴⁵.

Примечания

- 1 См. в этой связи: *Ивин А.А.* Теория аргументации. М., 2000. Гл. 1.
- 2 Более подробно об аксиологических категориях говорится в работе: *Ивин А.А.* Аксиология. М., 2006.
- 3 Более подробно об определении понятия ценности см.: *Ивин А.А.* Аксиология. Гл. 1–2.
- 4 Интересно отметить, что в то время как некоторые философы настаивали на устранении ценностей не только из естественных, но даже из гуманитарных наук, сами представители естествознания, не колеблясь, признавали важную роль ценностей даже в физическом знании. Так, М.Планк считал поразительным тот факт, что понятие ценности совершенно не употребляется в методологии науки: «...Значение физической идеи только при учете ее ценности может быть полностью исчерпано» (*Планк М.* Единство физической картины мира. М., 1966. С. 197–198). «Я не вижу, – писал В.Гейзенберг, – чтобы в той части современного мира, в которой, как кажется, совершаются наиболее сильные движения, а именно в естествознании, движение уводило прочь от идей и ценностей. Напротив, это истолкование через идеи и ценности практикуется с большей интенсивностью, только в каком-то более глубоком слое» (*Dem Andenken Martin Heidegger.* Frankfurt a/M., 1977. S. 45).
- 5 Классическое определение истины не является единственным. Интересны определения истины как когеренции (внутреннего согласования идей) и прагматическое определение истины как полезности. О соотношении этих трех истолкований истины и сферах их применения см.: *Ивин А.А.* Современная философия науки. М., 2005. С. 121–150.
- 6 В средневековой философии термин «абсолютный» означал: свободный от материальных условий и ограничений или абстрагированный от них, и значит, приложимый ко всем вещам без ограничений, всеобщий, простой, необусловленный. В более современном смысле «абсолютный» означает «необусловленный», «универсальный», «безотносительный».
- 7 См., например: *Дробницкий О.Г.* Ценность // Филос. энцикл. словарь. М., 1983; *Дробницкий О.Г.* Мир оживших предметов. М., 1967. Гл. 1–2.
- 8 Данная классификация употреблений (функций) языка является усовершенствованием хорошо известной в философии языка и в лингвистике «теории речевых актов». Критический анализ последней дан в книге: *Ивин А.А.* Теория аргументации. М., 2000. Гл. 1. С. 32–41. См. также: *Ивин А.А.* Аксиология. Гл. 3.
- 9 См.: *Wittgenstein L.* On Certainty. Oxford, 1969.
- 10 См.: *Dilthey W.* Gesammelte Schriften. Leipzig, 1924. Bd. V. S. 317.
- 11 Любое конкретное действие сознания, направленное на освоение действительности, всегда исходит, по мысли Э.Гуссерля, из «глухой скрытой атмосферы основополагающих ценностей, из того жизненного горизонта, в котором Я по своему желанию может реактивировать свои старые переживания, осознанно достичь аперцептивного прояснения и превратить их тем самым в созерцание» (*Husserle E.* Husserliana. Den Haag, 1950–1975. Bd. 5. S. 152).
- 12 *Юм Д.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 618.

- 13 См.: *Black M.* The Gap between “Is” and “Should” // *Philosophical Review*. 1964. Vol. 73. № 2.
- 14 *Popper K.* What can Logic do for Philosophy // *Aristotelian Society. Proceedings*. 1948. Vol. 22 (suppl.).
- 15 *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М., 1998. С. 94.
- 16 Там же. С. 95.
- 17 См.: *Ивин А.А.* Модальные теории Яна Лукасевича. М., 2001. Гл. 2.
- 18 См.: *Roth A.* Edmund Husserls ethische Untersuchungen Den Haag, 1960; *Kalinowski J.* La philosophie du droit. 1968. Vol. XIII. См. также: *Goblot E.* La logique des jugements de valeur. Paris, 1927; *Fitch F.B.* A Logical Analysis of Some Value Concepts // *The Journal of Symbolic Logic*. 1963. Vol. 28. № 2.
- 19 См.: *Ивин А.А.* О логике оценок // *Вопр. философии*. 1968. № 8; *Iwin A.A.* Zur Bewertungslogik // *Sowjetwissenschaft. Gesellschafts-wissenschaftliche Beitrage*. Berlin, 1969. № 7.
- 20 См.: *Hallden S.* On the Logic of “Better”. Copenhagen, 1975; *Wright G.H. von.* The Logic of Preference. Edinburg, 1963. См. также: *Iwin A.A.* Grundlaffen der Logic von Wertungen. Berlin–München, 1975. S. 260–290.
- 21 См.: *Davidson D., McKinsey J.C.C., Suppes P.* Outlines of a Formal Theory of Value // *Philosophy of Science*. 1955. Vol. 22. № 2.
- 22 См.: *Suppes P.* Introduction to Logic. N. Y., 1957.
- 23 См.: *Hallden S.* On the Logic of «Better». Lund–Copenhagen, 1957.
- 24 См.: *Aqvist L.* A Binary Primitive in Deontic Logic // *Logique et analyse*. 1962. № 19; *Aqvist L.* Deontic Logic Based on the Logic of «Better» // *Acta philosophica fennica*, 1963. Fasc. 16. См. также: *Aqvist L.* Interpretation of Deontic Logic // *Mind*. 1964. Vol. 73. № 290.
- 25 См.: *Wright G.H. von.* The Logic of Preference. Edinburg, 1963.
- 26 См.: *Ivin A.A.* Grundlagen der Logik von Wertungen. Berlin, 1975. К. 4.3.
- 27 См.: *Chisholm R.M., Sosa E.* On the Logic of «Intrinsically Better» // *American Philosophical Quarterly*. 1966. Vol. 3. № 2.
- 28 *Hansson B.* Fundamental Axioms for Preference Relations // *Synthese*. 1968. Vol. 18. № 4.
- 29 См.: *Вессель Х.А.* О топологической логике // *Неклассическая логика*. М., 1967; *Вессель Х.А.* Логический аспект теории абсолютной и относительной истины // *Вопр. философии*. 1967. № 8.
- 30 Более детально проблема рациональности обсуждается в работе: *Ивин А.А.* Современная философия науки. Гл. 5: Нормы науки.
- 31 См. в этой связи: *Ивин А.А.* Аксиология. Гл. 6.
- 32 См. в этой связи: *Ивин А.А.* Диалектическая логика жива, но она находится в глубоком летаргическом сне // *Философский штурм* <http://philosophystorm.org/page/1201>; *Ивин А.А.* Что такое диалектическая логика // *Живой журнал* http://community.livejournal.com/dia_logic/100932.html; *Ивин А.А.* Эволюция диалектической логики // *Живой журнал* http://community.livejournal.com/dia_logic/101543.html.
- 33 Проблема предпочитаемого учеными истолкования истины не будет рассматриваться далее. Можно отметить лишь, что в естественных науках предпочтение чаще всего отдается истине как корреспонденции, в социальных и

- гуманитарных науках – истине как практической полезности, в формальных науках (математика и логика) – истине как согласованности с уже принятыми утверждениями. При иерархизации разных истолкований истины на первое место всегда, или почти всегда, ставится истолкование истины как соответствия описательных утверждений реальности.
- 34 *Лаудан Л.* Наука и ценности (главы из книги: *Laudan L. Science and Values.* Berkeley–Los-Angeles–London, 1984) // Современная философия науки. Хрестоматия. М., 1994. С. 207.
- 35 Там же. С. 226.
- 36 См. в этой связи: *Ивин А.А.* Теория аргументации; *Ивин А.А.* Современная философия науки. Гл. 6–7.
- 37 *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // Человек и его ценности. Ч. 1. М., 1988. С. 47.
- 38 Там же.
- 39 См., в частности: *Ницше Ф.* Полн. собр. соч. Т. 9. М., 1910; *Nietzsche F.* Werke. Bd. 8. Leipzig, 1894. S. 82–83.
- 40 См.: *Husserl E.* Gesammelte Werke. Bd. 6. Haag, 1954. S. 314–348.
- 41 См.: *Хайдеггер М.* Время картины мира // Современные концепции культурного кризиса на Западе. М., 1976; *Heidegger M.* Der europäische Nihilismus. S. 109, 119–126, 151.
- 42 О двух версиях эпистемологического фундаментализма см.: *Bonjour L.* The Structure of Empirical Knowledge. Cambridge (Mass), 1985. Ch. 1.
- 43 См.: *Lakatos I.A.* Renaissance of Empiricism in the Recent Philosophy in Mathematics // British Journal for the Philosophy of Science. 1976. Vol. 27. № 3. P. 204–210.
- 44 *Леонардо да Винчи.* Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца и скульптора флорентийского. М., 1934. «Никакое человеческое исследование не может быть названо истинной наукой, если оно не проходит через математические доказательства» (Там же. С. 60).
- 45 Ряд конкретных линий близости современного и архаического искусства выявляет М. Мерло-Понти в книге «Око и дух» (М., 2003).

Научное издание

Ивин Александр Архипович
Человеческие предпочтения

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

В авторской редакции

Художник *Н.Е. Кожина*
Технический редактор *Ю.А. Аношина*
Корректурa автора

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 06.02.10.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 8,00. Уч.-изд. л. 5,86. Тираж 500 экз. Заказ № 002.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор автора
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии: iph.ras.ru

ВЫШЛИ В СВЕТ

1. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза: комплексное изучение человека и виртуалистика. Вып. 3 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М.: ИФРАН, 2009. – 236 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0147-1.**

Сборник представляет результаты исследований сотрудников сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики ИФ РАН в области комплексного изучения человека, завершенных в 2008 году. Авторы освещают новейшие проблемы биоэтики, гуманитарной экспертизы, антропологии и виртуалистики.

2. ***Бурмистров, К.Ю.* «Ибо Он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия / РАН. Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – 295 с.**

В монографии впервые в отечественной науке проводится сопоставление учений двух эзотерических традиций – каббалы и алхимии. При анализе особенностей интерпретации алхимических проблем в каббале используется широкий круг еврейских каббалистических и натурфилософских источников, а также тексты европейской алхимии XII–XVIII вв. Основным объектом исследования служит алхимико-каббалистический трактат «Эш мецареф» (XVI–XVII вв.), оригинальный текст и перевод которого публикуется в приложении. Монография предназначена для тех, кого интересует история еврейской философии и мистики, а также европейская натурфилософия Средних веков и Нового времени.

3. ***Гуревич, Павел.* Расколотость человеческого бытия [Текст] / П.С. Гуревич ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч.: с. 193–198. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0144-0.**

Данная монография представляет собой развитие ряда идей, которые содержатся в работе автора «Проблема целостности человека» (М., 2004). Раскрывая смысл современного толкования человеческого бытия, автор предлагает свое прочтение данной проблемы. Расколотость человеческого бытия показана через бинарные оппозиции бытия и небытия, целостного и раздробленного, телесного и духовного, имманентного и трансцендентного, индивидуального и социального, идентичного и безликого, творческого и разрушительного. Особое внимание в монографии уделено анализу современных философско-антропологических концепций. В книге развивается ряд полемических сюжетов, обращенных к проблеме «смерти человека», «целостности человека», «распаду идентичности» и т.д.

4. **История философии. № 14 / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. А.В. Никитин. – М.: ИФРАН, 2009. – 264 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0125-9.**

Данный номер журнала включает статьи и публикации, посвященные главным образом философской мысли стран Востока. Основные темы статей, составляющих номер: индийская классическая философия, современная и средневековая арабо-мусульманская философия, еврейская каббала и восприятие ее идей в европейской культуре, методология китайской классической философии, язык и мышление в китайской культуре. В номере также публикуются статьи, освещающие проблемы средневековой западной философии, психоаналитического учения Э.Фромма, формирования русской философской лексики. Раздел «Переводы» представлен главой «Пратьякша» (Очное восприятие) из «Ньяя-бинду» Дхармакирти с комментарием Дхармоттары, джайнским трактатом «Найа-карника», фрагментами из фундаментального сочинения ал-Газали «Возрождение религиозных наук».

Издание рассчитано на историков философии, востоковедов.

5. **Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: И.Т. Касавин, В.Н. Порус. – М. : ИФРАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0145-7.**

«Коммуникативная рациональность» – одно из наиболее дискуссионных понятий в современной философии. Его содержание определяется различными методологическими и эпистемологическими «парадигмами», спор между которыми имеет принципиальный характер и привлекает внимание исследователей во всем мире. В статьях, вошедших в этот сборник, освещены важные аспекты этого понятия, от логико-семантических до социокультурных. Обсуждаются возможности коммуникативной интерпретации эпистемологических проблем и эпистемологической интерпретации проблем коммуникации

6. **Кричевский А.В. Образ абсолюта в философии Гегеля и позднего Шеллинга [Текст] /А.В. Кричевский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с. ; 20 см. –500 экз. – ISBN 978-5-9540-0142-6.**

Книга представляет собой первую – общеметафизическую – часть монографического исследования, где предпринимается попытка на основе детальной проработки первоисточников и воспроизведения основных ходов мысли и интуиций Гегеля и позднего Шеллинга провести сравнительный анализ их учений об абсолюте. В центре рассмотрения – проблема бесконечности, свободы и триниства абсолюта как абсолютного духа, а также размышления о возможностях и пределах его умозрительного познания.

Предназначается философам, теологам и всем, кого интересуют фундаментальные проблемы метафизики и кто стремится выстраивать свободное и осмысленное отношение к религии.

7. **Наука: от методологии к онтологии / РАН. Ин-т философии; Отв. ред.: А.П.Огурцов, В.М.Розин. – М.: ИФ РАН, 2009. – 287 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0138-9.**

Сборник подготовлен на основе докладов на семинаре Центра методологии и этики науки ИФ РАН и продолжает ранее вышедшие сборники по методологии науки. Основная идея данной книги заключается в том, чтобы показать осознание границ методологии и те процессы, которые привели к поискам новых онтологических единиц в различных науках и к выдвиганию в философии новых вариантов онтологии. Вопрос о том, как анализировать предмет исследования, сменился поисками новых онтологических структур. Центральное место в сборнике (статьи А.П.Огурцова, Ф.Н.Блюхера и др.) занимают проблемы методологии истории и конструирование в исторических науках новых онтологических структур (событие, действие, ментальность и др.). Исследуется развитие классической логики и методологии науки, уясняются ее трудности и противоречия, приведшие к осмыслению новых предметных областей (статьи В.М.Розина, К.А.Павлова и др.). Сборник представляет интерес для философов, историков науки и гуманитариев различных специальностей.

8. **Ориентиры... Вып. 5 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2009. – 215 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0132-7.**

Пятый выпуск сборника «Ориентиры...» продолжает избранную авторами общую для всей серии тему метафизики как важной части философии. Конкретизацией главной темы для данного выпуска нами принята следующая сюжетная линия: миф, утопия, проект, прогноз. В границах этого смыслового поля каждый автор решает проблему, которая представляется ему значимой: здесь исследуются доминирующие в общественном сознании парадигмы, соотношение метафизики и науки, эзотерические построения антропософии, Розы Мира, а также метафизические аспекты социальных утопий и революций.

9. **Политико-философский ежегодник. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.К. Пантин. – М. : ИФРАН, 2009. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0146-4.**

Второй выпуск «Политико-философского ежегодника», издаваемого Отделом социальной и политической философии ИФ РАН, открывается рубрикой «Россия сегодня». Статьи этой рубрики знакомят читателя

с проблемами и трудностями демократического строительства в России. В рубрике «Интерпретации» выделяется статья А.Г.Мысливченко, где автор анализирует опыт и противоречия т.н. шведской модели социализма. В этом выпуске Ежегодника мы начинаем рубрику «Визитная карточка», где будем знакомить читателей с творчеством современных ученых – политологов и обществоведов.

10. **Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки, Всероссийская конф. (2008; Москва–Пенза). 3-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 22–24 мая 2008 г. [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Редкол.: М.Н.Громов и др. – М.: ИФ РАН, 2009. – 279 с.; 20 см. – На обл. авт. не указаны. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0143-3.**

В книге публикуются материалы 3-й конференции Института философии РАН, проведенной совместно с регионами в мае 2008 г. в Москве и Пензе. Цель конференции – продолжение обсуждения вопросов, относящихся к теме российского самосознания, взаимодействия в нем константных и переменных составляющих в контексте непрерывности/прерывности отечественного исторического процесса.

11. **Сухов А.Д. Литературно-философские кружки в истории русской философии (20–50-е гг. XIX в.) / РАН. Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2009. – 151 с.; 17 см. – Библиогр. в примеч.: с. 142–150. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0133-4.**

Книга посвящена одному из парадоксов русской философии. Заданная в 20–50-е гг. XIX в. сверху установка – устранить философию из жизни общества, ликвидировать её – обернулась её достижениями и расцветом. Появились масштабные философские фигуры, вставшие в ряд с величайшими мыслителями того времени. В книге показано, что именно в кружках, складывавшихся и исчезающих, принимавших идейную эстафету один от другого, чуждых должностной, официальной науке, происходило развитие философского знания. Выявлена диалектика общего и отдельного – соотношение коллектива и личности, определившее место литературно-философских кружков в истории русской философии.

12. **Телесность как эпистемологический феномен [Текст] / РАН. Ин-т философии; Отв. ред. И.А. Бескова. – М.: ИФРАН, 2009. – 231 с.**

В коллективной монографии затрагиваются вопросы, связанные с выявлением телесных детерминант познания, жизни и духовной деятельности человека. Показано, что он как существо мира средних размерностей (мезокосма) организует свою картину мира в соответствии с параметрами собственной телесности, что определяет основные направляющие его мыслительной и пре-

образующей активности. Те же, в свою очередь, оказывают обратное влияние на функционирование телесности, на новом витке задавая специфику познавательной деятельности.

На основе теоретических разработок формулируются практически значимые рекомендации, позволяющие улучшить качество жизни современного человека.

13. Уайтхед, Альфред Норт. Приключения идей [Текст] / Альфред Норт Уайтхед; перевод с англ. Л.Б. Тумановой ; [примеч. С. С. Неретиной] / Науч. ред. С.С.Неретина. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2009. – 383 с. ; 20 см. (Философская классика: новый перевод) – Указ.: с. 367–383. – Перевод изд.: *Adventures of Ideas / Alfred North Whitehead. Cambridge Univ. Press, 1964. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0141-9.*

Попытка создания всеохватывающей системы вещей, обеспеченная поворотом к метафизике, к ее высшей и лучшей части – онтологии, которая захватывает весь универсум: его социологию и космологию, философию и цивилизацию, – и которая связана с критикой науки, делает книгу А.Н.Уайтхеда актуальной по сей день. Приключения идей – важный фактор существования мира, понятого как смысло- и формообразующее качество цивилизации. В предисловии рассмотрена драматическая история перевода книги на русский язык, связанная с судьбой философа Л.Б.Тумановой.